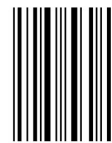

ISSN 2409-336X

9 772409 336004

2 50 0 1

ВЕСНІК

Магілёўскага дзяржаўнага
ўніверсітэта
імя А. А. Куляшова

НАВУКОВА-МЕТАДЫЧНЫ ЧАСОПІС

Выдаецца са снежня 1998 года

Серыя А. ГУМАНІТАРНЫЯ НАВУКІ
(гісторыя, філасофія, філалогія)

Выходзіць два разы ў год

1 (65)
2025

Галоўная рэдакцыйная калегія:

д-р гіст. навук прафесар Д. С. Лаўрыновіч (галоўны рэдактар)
д-р экан. навук прафесар Н. У. Макоўская (нам. галоўнага рэдактара)
д-р гіст. навук прафесар Я. Р. Рыер (старшыня рэдакцыйнага савета серыі А)
канд. гіст. навук А. І. Галавач (адказны сакратар)

Гісторыя:

д-р гіст. навук прафесар Д. У. Дук (Магілёў)
д-р гіст. навук прафесар К. М. Бандарэнка (Магілёў)
д-р гіст. навук прафесар І. А. Марзалюк (Мінск)

Філасофія:

д-р філас. навук прафесар М. І. Вішнеўскі (Магілёў)
д-р філас. навук прафесар Г. А. Круглова (Мінск)
д-р філас. навук прафесар В. В. Плябанек (Санкт-Пецярбург, Расія)
д-р філас. навук прафесар С. М. Астапаў (Растоў-на-Доне, Расія)
канд. філас. навук дацэнт В. У. Старасценка (Магілёў)
канд. філас. навук дацэнт А. В. Дзячэнка (Мінск)

Філалогія:

д-р філал. навук дацэнт Н. В. Якавенка (Мінск)
д-р філал. навук прафесар Т. М. Валынец (Мінск)
канд. філал. навук дацэнт Т. Р. Міхальчук (Магілёў)
д-р філал. навук прафесар Я. Я. Іваноў (Магілёў)
канд. філал. навук дацэнт А. А. Балтоўская (Магілёў)

*Навукова-метадычны часопіс “Веснік Магілёўскага дзяржаўнага
ўніверсітэта імя А. А. Куляшова” ўключаны ў РІНЦ
(Расійскі індэкс навуковага цытавання),
ліцэнзійны дагавор № 811-12/2014*

АДРАС РЭДАКЦЫІ:

212022, Магілёў, вул. Касманаўтаў, 1,
vesnik_mdu@mail.ru

**MOGILEV STATE
A. KULESHOV UNIVERSITY
BULLETIN**

THEORETICAL-SCIENTIFIC JOURNAL

Founded in December 1998

Series A. HUMANITIES
(History, Philosophy, Philology)

Published twice per year

**1 (65)
2025**

Editorial Board:

Lavrinovich D. S., Chief Editor, Doctor of Historical Sciences, Professor,
Makovskaya N. V., Deputy Chief Editor, Doctor of Economic Sciences, Professor
Riyer Y. G., Chairman of the Editorial Committee (Series A),
Doctor of Historical Sciences, Professor
Golovach E. I., Executive Secretary of the Editorial Board, Ph.D.

History:

Duk D. V., Doctor of Historical Sciences, Professor (Mogilev)
Bondarenko K. M., Doctor of Historical Sciences, Professor (Mogilev)
Marzaliuk I. A., Doctor of Historical Sciences, Professor (Minsk)

Philosophy:

Vishnevsky M. I., Doctor of Philosophical Sciences, Professor (Mogilev)
Kruglova G. A., Doctor of Philosophical Sciences, Professor (Minsk)
Plebanek O. V., Doctor of Philosophical Sciences, Professor (St. Petersburg, Russia)
Ostapov S. N., Doctor of Philosophical Sciences, Professor (Rostov-na-Donu, Russia)
Starostenko V. V., Ph.D., Associate Professor (Mogilev)
Dyachenko O. V., Ph.D., Associate Professor (Minsk)

Philology:

Yakovenko N. V., Doctor of Philological Sciences, Associate Professor (Minsk)
Volynets T. N., Doctor of Philological Sciences, Professor (Minsk)
Mikhalchuk T. G., Ph.D., Associate Professor (Mogilev)
Ivanov E. E., Doctor of Philological Sciences, Professor (Mogilev)
Boltovskaya E. A., Ph.D., Associate Professor (Mogilev)

Theoretical-scientific journal
“Mogilev State A. Kuleshov University Bulletin”
is included in the bibliographic database
“Russian Science Citation Index”,
License agreement № 811-12/2014

The editorial board address:
212022, Mogilev, Kosmonavtov Str., 1,
vesnik_mdu@mail.ru

З М Е С Т

DUK D. V. The Polotsk land before its entry into the grand duchy of Lithuania (last quarter of the XII – first half of the XIII century).....	7
МОТОРОВА Н. С. Участие органов земского самоуправления Могилевской губернии в организации помощи беженцам в годы Первой мировой войны	13
КЛИМУТЬ Л. Я. Влияние болезней и окружающей среды на население Европы в XVIII в.....	18
БИРЮКОВ А. В. Формирование кадрового состава Могилевской губернской мужской гимназии в первой четверти XIX века	23
СТАРОСТЕНКО Э. В. Участие военного духовенства в эвакуации тел павших воинов с поля боя во время Первой мировой войны	28
TSUMARAVA A. P. The crisis in military censorship in July – October 1917.....	33
ГАРМАТНЫ В. П. Нацыянальны склад і матэрыяльны дабрабыт насельніцтва Драгічынскага павета Палескага ваяводства ў 1921–1939 гг.....	38
КОВЕРСУН В. Г. Историография социально-экономического развития города Витебска с 1917 по 1991 год	43
ДЛУГАШ Д. А. Научно-исследовательская деятельность В. Ф. Романовского по противодействию фальсификации истории Великой Отечественной войны	48
ГАБИНСКАЯ А. А. Особенности коммуникации и взаимодействия с окружающим миром: социально-психологические тренды цифрового поколения	54
БОЛТОВСКАЯ Е. А. О разговорных вариантах падежных форм имени существительного в русском языке конца XX – первой четверти XXI века	60
ПАПЕЙКО А. А. Эпитеты <i>жизни</i> и <i>смерти</i> в русском поэтическом дискурсе XX–XXI веков: семантика внутреннего качества	65
ДИНЬКЕВИЧ А. В. Этимология лексических единиц со значением родственных отношений в современном английском языке.....	70
ДЕДИНКИН А. Л. Понятия «языковая личность» и «речевой портрет»: юрислингвистический аспект	75
ЛАВИЦКИЙ А. А. Лингвистическая экспертиза текста (из правовой практики опротестования результатов специального исследования).....	80
ГАНЧАРЭНКА К. Д. Мадэрнізацыя лексікі п’есы А. В. Вампілава «Качынае паляванне» у спектаклі «Паляванне на сябе»	85
ЧЖАН СЮНЬ Национальный характер как научная категория: дефиниция, характеристики, междисциплинарная специфика	91

C O N T E N T S

DUK D. V. The Polotsk land before its entry into the grand duchy of Lithuania (last quarter of the XII century – first half of the XIII century).....	7
Motorova N. S. Participation of zemstvo self-government institutes of Mogilev province in organizing assistance to refugees during World War I.....	13
Klimout L. Ya. The impact of diseases and environment on the european population in the XVIII century.....	18
Biryukov A. V. Formation of the staff of the Mogilev men's gymnasium in the first quarter of the XIX century	23
Starostenko E. V. Participation of military clergy in the evacuation of the bodies of fallen soldiers from the battlefield during World War I	28
TSUMARAVA A. P. The crisis in military censorship in July – October 1917.....	33
Harmatny V. P. National composition and material well-being of population in Dragichyn district of Polesie voivodeship in 1921–1939.....	38
Kaversun U. G. Historiography of socio-economic development of Vitebsk from 1917 to 1991	43
Dluhash D. A. V.F. Romanovsky's scientific research activity on the protection of the belarusian historical heritage during the Cold War era	48
Habinskaya A. A. Features of communication and interaction with the environment: socio- psychological trends of the digital generation	54
Boltovskaya E. A. On colloquial variants of the case forms of russian nouns during the late XX century – the first quarter of the XXI century	60
Papeiko A. A. Epithets of <i>life</i> and <i>death</i> in the Russian poetic discourse of the XX–XXI centuries: semantics of internal quality	65
Dinkevich A. V. Etymology of lexical units with the meaning of family relationships in modern english.....	70
Dedikin A. L. The concepts of «linguistic personality» and «speech portrait»: the legal linguistic aspect.....	75
Lavitski A. A. Linguistic examination of text (from legal practice of protesting the results of special research)	80
Hancharenka K. D. Modernization of the lexis of the play «Duck hunting» by A. V. Vampilov in the performance «Hunting yourself»	85
Zhang Xun National character as a scientific category: definition, characteristics, interdisciplinary specificity.....	91

ІСТОРЫЯ, ФІЛАСОФІЯ, ФІЛАЛОГІЯ

УДК 94(476.5=21 Полоцк)”11/12”

THE POLOTSK LAND BEFORE ITS ENTRY INTO THE GRAND DUCHY OF LITHUANIA (LAST QUARTER OF THE XII – FIRST HALF OF THE XIII CENTURY)

D. V. Duk

Doctor of Historical Sciences, Professor
Mogilev State A. Kuleshov University

The period of the last quarter of the 12th century – the first half of the 13th century – is one of the most important in the history of the Polotsk land. At that time the Rogvolodovich dynasty faded away and Polotsk lost control over the Lower Dvina. A new center of power was created in the Lower Dvina – the city of Riga, a German outpost in Livonia. At that time the political struggle with the Smolensk princes intensified and a new system of relations with Gotland, Riga and Smolensk was formed. At the same time, the territory of the Polotsk and Vitebsk lands was finally formed as independent geopolitical entities. The key event in the history of Polotsk of that period, and one that is very underestimated in historiography, is the campaign of the Smolensk princes to Polotsk and its capture in 1222–1223. The consequences of this campaign led to changes in the socio-topographic structure of Polotsk. The permanent threat from the Germans, Lithuania, Mongols and Smolensk princes predetermined the inclusion of Polotsk into the Grand Duchy of Lithuania.

Key words: the Polotsk land, Polotsk, the Smolensk land, the appanage period, inter-princely feuds, the Mongol invasion, Lithuania, The Sword Bearers Order.

Introduction

It is very difficult to reconstruct the entire picture of the history of the Polotsk land in the last quarter of the 12th century – the first half of the 13th century due to the lack of historical sources or the contradiction of the information in them. But that time is one of the most important in the history of the Polotsk land, which is due to a number of reasons: the fading of the Rogvolodovich dynasty and Polotsk's loss of control over the Lower Dvina; the creation of a new center of power in the lands of the Lower Dvina – the city of Riga – a German outpost in Livonia. At that time, the political struggle with the Smolensk

princes intensified and a new system of relations with Gotland, Riga and Smolensk was formed. Then the territory of the Polotsk and Vitebsk lands as independent geopolitical subjects was finally formed. All these, together with the growing influence of Lithuania as a new political force, created the prerequisites for the Polotsk land to become part of the Grand Duchy of Lithuania. Therefore, in relation to the Polotsk land, it is more correct to use the term “pre-Lithuanian” instead of the “pre-Mongol” period common in historiography.

Main Body

Political history of the Polotsk land in the last quarter of the 12th century – the first half of the 13th century. The prehistory of the political events under consideration began in 1101 – the beginning of the appanage period. The fixation of the princes' paternal appanages was approved by the decision of the Lyubets Congress in 1097 under the patronage of Vladimir Monomakh, in which the Polotsk prince did not participate. This confirms a certain autonomy of the Polotsk land and the centralization of power by Vseslav Brachyslavich (1044–1101). For this reason, the appanage period of the history of the Polotsk land begins later, at the beginning of the 12th century – then the corresponding territorial and administrative units finally stood out in the land: appanages (volosts), which were ruled by the children of the great (Polotsk) prince.

The appanages-volosts were governed by the eldest sons of the Polotsk prince in the form of a viceroyalty under the so-called family law. After the death of their father, they received these towns and lands as their fiefdoms on the basis of feudal law, based on hereditary property.

By the middle of the 12th century, patrimonial possessions of individual branches of the Polotsk princely house were formed, the main ones being the descendants of the Barysaviches (Rogvolodoviches) of Drutsk, the Gleboviches

of Mensk and the Vasilkoviches of Vitebsk. They ruled in the Polotsk “suburbs” – towns dependent on it, but the Polotsk princely throne was the main one for them. From the Polotsk land in the 12th century, three main principalities emerged – Mensk, Drutsk and Vitebsk, with Vitebsk falling under the influence of the Smolensk princes from 1165 [1, p. 278]. Of these, only Mensk managed to compete with Polotsk as the second largest center of the Polotsk land. The Mensk principality left the Polotsk land in 1185 [2, p. 110].

In the 1160s and 1170s, the Smolensk princes of the Rostislaviches became stronger, aiming to subordinate the scattered parts of the Polotsk land, and for this purpose they in every way contributed to the conflicts between the individual Polotsk princes. The Smolensk prince David was the main representative of the Smolensk princes, he consolidated and expanded his father’s influence over the Polotsk land – this was facilitated by the fact that he had been the Vitebsk prince since 1165 [3, p. 149]. But from that time until the end of the 12th century, the Vitebsk branch of the Polotsk princes did not lose control over the Vitebsk principality [4, p. 143].

Since the 1170s the Vitebsk Vasilkoviches had been actively involved in the struggle for the Polotsk princely throne. From 1167 to 1181 Vseslav Vasilkovich occupied the Polotsk throne, and his brother Brachyslav reigned in Vitebsk, and Brachyslav’s son Vasilka began to reign in Izyaslavl. At that time, as a result of active interaction with the Smolensk princes, the territory of the future Vitebsk land was being formed, and the territory of the Orsha volost was included in its territory [5, p. 67]. It was the Vitebsk princes who most successfully, in a political sense, allied themselves through dynastic marriages with representatives of the Kiev princely house. Thus, in the 1180s the family ties of the Rogvolodoviches became secondary in comparison with their kinship with the princes dependent on Kiev. The years of 1180, 1186 and 1196 are milestones of military-political intrigues associated with attempts of the Kiev princes to attribute to themselves the Polotsk domain, relying on family ties with the Polotsk princes. However, even with all the weakness of the Polotsk princes, in the case of an open encroachment on the Polotsk territorial inheritance, they were still able to unite – that happened in 1180, when the Smolensk princes encroached on the Drutsk appanage and this caused a united campaign of all the Polotsk forces [6, pp. 201, 204].

By 1186 the Polotsk land was political-

ly disunited, Polotsk was surrounded by hostile princes: from the north – the Novgorodians led by Mstislav Davydovich, from the east – the Smolenskians (Davyd Rostislavich), from the south – the Lagozhians (the “Mensk” line led by Vasilka Volodarovich) and the Druts (Vseslav Rogvolodovich) [4, p. 134]. The question whether to resist or not the coalition was still decided not by the prince, but by the Polotsk people.

The events of 1186 ended with peace with David Rostislavich under the pressure of the Polotsk council (veche): “and they went to them on the border, and all gathered, and met with bowing and honor, and gave him many gifts, and made peace, and lay down in their lands, each in his own” [7, stb. 404]. It is not known exactly: who was the prince in Polotsk at that time and what was the reason for such a large-scale campaign, an analogue of a number of coalition campaigns of earlier times? According to the “Livonian Chronicle”, from 1184 (or 1186?) the “King of Polotsk” Vladimir reigned in Polotsk [8, pp. 71-72]. A prince with this name *first* appear in Polotsk from the time of Vladimir Svyatoslavich. His origin from the Rogvolodovich family is probable, but not certain. If so, he could have been the son of the Polotsk prince Vseslav Vasilkovich, or the son of Volodar Glebovich and the brother of princess Sophia, the wife of the Danish king Valdemar I (1157–1182), but he could have had a second name altogether – Vasilka [4, p. 137].

Vladimir reigned until 1216. It is believed that he allowed Catholic missionaries led by Maynard to preach in the Livonian lands, although the first German trading post in the Lower Dvina appeared as early as 1160 [9, p. 132]. In the Livonian Chronicle, the “King of Polotsk” is named Vladimir (1184, 1206, 1208 and 1216), but for some reason the name of the Polotsk prince (or princes?) is not mentioned in 1201, 1203, 1210, 1212 and 1222 [8, p. 71, 81, 85, 94, 99, 102, 115, 133, 136, 152, 153, 179, 181]. The mystery of the origin of the prince with an unusual name for the Polotsk princely anthroponym and the course of subsequent events do not allow us to answer the question with certainty: was Vladimir the only Polotsk prince mentioned in the Chronicle at that time? [10, p. 19-32].

Thus, in 1191 the Polotsk people entered into a coalition with Novgorod for a campaign against Chud, and in 1198 they were again at war with Novgorod [11, p. 18]. In 1199 a coalition of “the entire Novgorod region” with the participation of the Novgorodians, Pskovians, Novotorzhians and Ladogaans, led by the Novgorod prince Yaroslav

Vladimirovich, set out on a campaign against Polotsk, but the Polotsk people met the army “with bows” and asked for peace: “God forbid that blood should be shed among Christians” [11, p. 24].

It is obvious that the three main branches of the Polotsk princes – “Drutskaya”, “Menskaya” and “Vitebskaya” in the last third of the 12th century still determined the political life of the Polotsk land. In the 1180s the union of the “Menskaya” and “Drutskaya” branches of the Polotsk princes was formalized, which brought almost the entire Polotsk land under control, with the exception of Vitebsk [4, p. 142]. The organization of the princely power in Polotsk from 1184 to 1201 remains precisely unknown, it could have been the time of the sole rule of “king” Vladimir, or his joint rule with another prince. It is not excluded that in those years the Polotsk veche determined the policy. But from the beginning of the 13th century Vladimir exercises a wide range of powers: he conducts negotiations with the Livonians, receives the German embassy and sends his people to them, establishes personal contacts with the Riga bishop and concludes peace treaties [12, pp. 120-121].

In general, the foreign policy of Polotsk in relation to the lands of the Lower Dvina in 1186–1216 was not carried out in very favorable conditions. The appanage principalities – Hercyke and Kukenois at that time pursued a relatively independent policy and this did not contribute to either their own defense capabilities or the Polotsk land as a whole. And there were forces to defend themselves from: besides Lithuania, since the 1160s, German influence had been actively expanding in the Lower Dvina. In addition to the trading post, in 1186 the activities of Catholic missionaries were developed here, which after a relatively short period of time led to a direct military clash. The chronology of those events is as follows: in 1186 Maynard began to baptize the Livonians, in 1197 this mission was headed by Bishop Berthold (1197–1198), after his death – by Bishop Albert. The latter becomes the main political agent in relations with Polotsk. He builds the fortress of Riga (1201), concludes an alliance with the Lithuanians, which provokes resistance from the Polotsk people.

The formation of the Sword Bearers Order led to a military confrontation between Polotsk and Riga, which since 1205 had already threatened the Polotsk outposts of Hercyke and Kukenois, while the Kukenois prince Vyachka acted as a ruler independent of Polotsk and concluded an

alliance with Riga. After the subordination of the Liv lands to the Order and the departure of Prince Vyachka from Kukenois (1208), in 1213–1214 the time came for the Latgalian volost Hercyke, which since 1209 had been subordinated to the Order as a fief. The resistance of its prince Vsevolod ended in defeat. After the colonization of the Livs and Latgalians, the Order concluded an agreement with Polotsk (1212). In 1216 “king” Vladimir mysteriously died while preparing for a campaign to help the Ests [8, p. 71-164, 286].

In this short but dramatic and heroic struggle, it was not the princes of Hercyke and Kukenois, but the Polotsk prince Vladimir who represented the real force for the Order and managed to defend the Slavic lands from the encroachments of the German knights. The Polotsk prince was forced to act without the support of his allies, since the princes of Hercyke and Kukenois mostly acted individually, which, however, does not deny their belonging to the sphere of influence of Polotsk [9, p. 139]. The Polotsk prince could not turn to the Pskov princes, who were busy maintaining their tributes – the Ests, and the Smolensk princes at that time were at war with the Monomakhoviches and the Olgoviches [13, p. 20].

For the towns of Herzicke and Kukenois, the transition to the Order’s sphere of influence meant the irreversible replacement of the Slavic-Baltic population structure with the German-Baltic one, which predetermined their further historical development.

Weakened after the war with the Teutonic Knights, Polotsk faced new threats. In 1220 the Polotsk land suffered great devastation from Lithuania, and the troops of the Smolensk prince Mstislav Davydovich helped defend Polotsk, since the Polotsk people themselves could no longer do this [14, pp. 105-106]. The Smolensk people had the opportunity to subordinate the Polotsk land to their influence, and in 1222–1223 Polotsk was captured by Mstislav Davydovich in a coalition with the Novgorod Yaroslaviches: “And the Yaroslavs, the Smolensk people took Poltesk, in January, 17, under princes Boris and Gleb” [15, p. 263]. Thus, Polotsk fell into a dependent position on Smolensk, and the second year Mstislav concluded a trade agreement with Riga without the participation of the Polotsk and Vitebsk princes, but on their behalf [14, pp. 105-106]. The capture of Polotsk took place *for the first time* in more than two centuries since the time of Rogvolod. Until then, in the whirlwind of turbulent political events and military campaigns of the 11th–12th centuries, coalitions of warring princes – both

South Rus and Rogvolodoviches – had repeatedly destroyed many of the towns and suburbs of Polotsk, and the villages of the Polotsk district had been devastated more than once, but Polotsk itself had never been.

The capture of Polotsk had fatal consequences for the city, and they were recorded not by chronicle reports, but by changes in the city's topography. According to archaeological data, from that time on, the extensive growth of the city's territory stopped. In the first half of the 12th century, the territory of Polotsk significantly decreased due to the loss of a large part of the Zapolotsk posad, and the cultural stratifications of the following 14th–15th centuries in Polotsk are archaeologically indistinct [16, pp. 33–36]. Compared to Vitebsk, this contrast in the socio-topographic development of Polotsk is archaeologically very noticeable. In Vitebsk in the 12th–14th centuries, a new stage in the development of its socio-topographic structure begins: in the 14th century, an extensive system of castle fortifications is erected – a powerful shield of a stone wall. Cultural stratifications of Vitebsk in the 14th century is perfectly marked by the layer of the fire of 1335, and the material culture of the city of that time is presented very clearly [17, pp. 46, 63–64, 545–547]. In Polotsk the cultural stratifications of the 14th–15th centuries are almost imperceptible and are represented mainly by closed archaeological complexes, the defensive architecture of Polotsk remains exclusively wooden. These factors reflect the different realities of the socio-economic development of the two main cities of the Belarusian Podvinnic after their incorporation into the Grand Duchy of Lithuania.

During the military campaign of 1222–1223, the Cross of Euphrosyne of Polotsk was *for the first time* outside the borders of Polotsk – it was taken to Smolensk and returned to Polotsk during the Livonian War of the 16th century [18, p. 237].

Nevertheless, the “rapprochement” with Smolensk also had a positive result for Polotsk: in 1229, under the auspices of Smolensk, a treaty was concluded between Polotsk, Vitebsk with Riga and the Gottsk Coast (Gotland), which largely determined the specifics of the development of the core of the Slavic lands of the future Belaya Rus. The final weakening of princely power in Polotsk is confirmed by the fact that the first treaties with Riga (1210 and 1212) were concluded in Polotsk on behalf of the Polotsk prince and took into account his interests, while Smolensk acted independently as a separate party [13, p. 20]. After the death of the Polotsk prince Vladimir, the

primary role in relations with Riga and the Gottsk Coast passed to Smolensk. It was Smolensk which, according to the treaty of 1229, guaranteed the fulfillment of the terms of the treaty not only for the volost of the prince of Smolensk, but also for the volosts of the princes of Polotsk and Vitebsk [14, pp. 105–106].

The relations of the Polotsk people with Lithuania were characterized by both allied relations and hostility. The Polotsk princes repeatedly turned to Lithuania for help. This was the case in the battles between the Polotsk and Mensk princes: in 1161, with the help of Lithuania, the Mensk prince Volodar Glebovich defeated the army of the Polotsk prince Rogvolod, and in 1180, during the campaign of the Monomakhoviches, Lithuania was invited by the Polotsk princes for help.

The struggle of the Polotsk people with the Lithuanian tribes is indirectly evidenced by the lines of the “Word of Igor’s Campaign”, where Lithuania is negatively assessed [18, p. 122]. The Lithuanian campaign against Rus in 1225 was especially cruel, when the volosts near Novgorod, Tarapets, and Smolensk suffered greatly, and the Polotsk volost was not spared by the invasion: “and even to Polteshko there was a great host... which didn’t exist from the beginning of the world” [7, stanzas 447, 448].

But the fateful event in the relations of the Polotsk people with Lithuania was the emergence of the Sword Bearers Order, a common enemy of both the Polotsk people and the Lithuanians. In 1223, when the first reports of the defeat of the Rus princes by the Mongols in the Battle of Kolts came to Polotsk, a peace agreement was concluded with the Order with the participation of the “kings” from Smolensk and Polotsk [19, p. 122]. In those conditions of the defeat of Polotsk by the Smolensk princes, taking into account such historical factors as the fragmentation and fading of the Rogvolodovich line, the further search for allies among the Lithuanians by the Polotsk people was predetermined: in 1262 the Lithuanian prince Tavitil was already reigning in Polotsk.

Before the Lithuanian Tavitil, the Polotsk (Rus) princes were still mentioned on the pages of the chronicles. Thus, the marriage of the Polotsk princess Alexandra, the daughter of the Polotsk prince Brachyslav, with Alexander Nevsky, consolidated the alliance with the Vladimir-Suzdal princes against Lithuania, and it was concluded in Tarapets – a stronghold of defense against Lithuanian raids. In Vitebsk in 1239, there also ruled allies of the Suzdal princes [20, p. 376].

In the 1230s a new threat appeared on the

lands of ancient Rus – the Mongol invasion. The Polotsk land managed to avoid the Mongol invasion, with the exception of its former border fortress-towns of Mogilev and Svisloch – archaeological traces of destruction after the attack of the Mongol troops are recorded on them [21, pp. 87, 93].

In political terms, the power of the Polotsk princes in the last quarter of the 12th century was greatly weakened. In the struggle between the descendants of the former unified family of the Rogvolodoviches, the Polotsk princes were forced to seek support both of the citizens and of the warring princely groups of southern Rus, but this did not break their “separatist” aspirations towards Kiev. The Kiev rulers did not manage to impose their vassals on Polotsk; in matters of peace, war, and invitations to princes, the Polotsk boyars and noble citizens pursued their own independent policy [1, p. 111].

Conclusion

By the middle of the 12th century the unity of the princely house of the Rogvolodoviches disintegrated into three branches – the Mensk Gleboviches, the Drutsky Rogvolodoviches and the Vitebsk Vasilkoviches – with the gradual fading of the Rogvolodovich dynasty. In the second half of the 12th century the adoption of major political decisions – war and peace, the conclusion of agreements, was made mainly by the Polotsk veche and often without taking into account the political ambitions of the Polotsk princes. In the first half of the 13th century Polotsk waged wars with the Sword Bearers Order, there were periodic military conflicts with Lithuania, the southern “suburbs” of the Polotsk land – Mogilev, Svisloch – suffered from the Mongols. The Smolensk princes used these factors to subordinate Polotsk to their influence and in 1222–1223 Polotsk was captured by Mstislav Davydovich in a coalition with the Novgorod Yaroslaviches. Polotsk fell into a dependent position on Smolensk. The capture of Polotsk took place *for the first time* in more than two centuries since the time of the first Polotsk prince Rogvolod and had fatal consequences for the city: from that time on, the extensive growth of the city’s territory stopped. Compared to Vitebsk, this contrast in the socio-topographical development of Polotsk is archaeologically very noticeable. During the military expedition of 1222–1223, the Cross of Euphrosyne of Polotsk was outside the borders of Polotsk *for the first time* – it was taken to Smolensk.

Nevertheless, the “rapprochement” with

Smolensk had also a positive result for Polotsk: in 1229, under the auspices of Smolensk, a treaty was concluded between Polotsk, Vitebsk with Riga and the Gottsk Coast (Gotland), which largely determined the specifics of the development of the core of the Slavic lands of the future Belaya Rus. It was Smolensk which, according to the treaty of 1229, guaranteed the fulfillment of the terms of the treaty not only for the volost of the Smolensk prince, but also for the volosts of the princes of Polotsk and Vitebsk. But Smolensk did not guarantee Polotsk security from potential threats from the Germans, Lithuania and the Mongols, while it itself was the same threat to the people of Polotsk – and it was realized in 1222–1223 with fatal consequences for Polotsk. Under these conditions, the incorporation of the Polotsk land into the Grand Duchy of Lithuania was historically predetermined.

LIST OF REFERENCES

1. **Алексеев, Л. В.** Полоцкая земля (черки истории Северной Белоруссии) в IX–XIII вв. / Л. В. Алексеев. – М. : Наука, 1966. – 308 с.
2. Левко, О. Н. Роль Менского княжества в территориально-административном и политическом делении Полоцкой земли / О. Н. Левко // Матэрыялы па археалогіі Беларусі. – 2013. – Вып. 24. – С. 103–112.
3. **Довнар-Запольский, М. В.** Очерк истории Кривичской и Дреговичской земель до конца XII столетия / М. В. Довнар-Запольский – Киев : Типо-Литография И.Н. Кушнерев и К в Москве, 1891. – 170 с.
4. **Пятнов, А. П.** Полоцкая земля в последней четверти XII века / А. П. Пятнов // *Rossica Antiqua*. – 2010. – № 1. – С. 128–143.
5. **Левко, О. Н.** Средневековые территориально-административные центры северо-восточной Беларуси: Формирование и развитие / О. Н. Левко. – Мн. : Бел. навука, 2004. – 280 с.
6. **Левко, О. Н.** Полоцкое княжество (земля) – исток белорусской государственности / О. Н. Левко // История белорусской государственности : в 5 т. Т. 1 : Белорусская государственность от истоков до конца XVIII в. – Мн. : Беларуская навука, 2018. – С. 158–211.
7. Полное собрание русских летописей : Т. 1 Лаврентьевская летопись. – Ленинград : Изд-во Академии наук СССР, 1926–1928. – 379 с.
8. Генрих Латвийский. Хроника Ливонии. – М.-Л. : Типография Академии Наук СССР, 1938. – XV с.+608 с.: ил.
9. **Дворниченко, А. Ю.** Куkenойс, Герцике и границы древнерусской ойкумены / А. Ю. Дворниченко // Новое прошлое – The new past.

– 2023. – № 4. – С. 126–157.

10. **Богданов, В. П.** Взаимоотношения полоцких и смоленских князей в конце XII – первой трети XIII века / В. П. Богданов, А. В. Рукавишников // Вопросы истории. – 2002. – № 10. – С. 19–32.

11. Полное собрание русских летописей. Т. 3. : Новгородские летописи. – Санкт-Петербург : Типография Эдуарда Праца, 1841. – 317 с.

12. **Рукавишников, А. В.** Об организации власти в Полоцке в конце XII – середине XIII века / А. В. Рукавишников // Вопросы истории. – 1999. – № 3. – С. 116–123.

13. **Алексеев, Л. В.** Западные земли домонгольской Руси : очерки истории, археологии, культуры : в 2 кн.; Ин-т археологии РАН / Л. В. Алексеев. – М. : Наука, 2006. – Кн. 2. – 167 с.

14. **Данилевич, В. Е.** Очерк истории Полоцкой земли до конца XIV столетия / В. Е. Данилевич. – Киев : Типография Императорского Университета Св. Владимира, 1896. – 288 с.

15. Полное собрание русских летописей. Т. 3. : Новгородская первая летопись старшего и младшего изводов. – Москва-Ленинград : Издательство Академии Наук СССР, 1950. – 576 с.

16. **Дук, Д.** Палата, Запалоцце, Полацк – пачатак сярэднявечага горада / Д. Дук // Беларускі гістарычны часопіс. – 2007. – № 3. – С. 33–36.

17. **Колединский, Л. В.** Верхний замок Витебска (IX–XIII вв.) / Л. В. Колединский. – Гродно : ЮрСаПринт, 2021. – 632 с.

18. **Алексеев, Л. В.** Лазарь Богша – мастер-ювелир XII в. / Л. В. Алексеев // Советская археология. – 1957. – № 3. – С. 224–244.

19. **Загоруйский, Э. М.** Белая Русь с середины I тыс. до середины XIII века / Э. М. Загоруйский. – 2-е изд., доп. – Минск : Издательство «Четыре четверти», 2014. – 532 с. : ил.

20. **Пашуто, В. Т.** Образование Литовского государства / В. Т. Пашуто. – М. : Издатель-

ство Академии наук СССР, 1959. – 531 с. : ил.

21. **Кошман, В.** Предметы ўзбрасення з гарадзішча Свіслач (па матэрыялах раскопак 2000, 2005–2007 гадоў): да пытання аб мангольскіх нападах на тэрыторыю Беларусі ў сярэдзіне XIII ст. / В. Кошман, М. Плавінскі // Acta archaeologica Albaruthenica. Vol. IV (Вып. 4). – Мн. : І. П. Логвінаў, 2008. – С. 85–110.

Received by the editor on 25.11.2024

Contacts: rector@m.msu.by (Duk Denis Vladimirovich)

Дук Д. У. ПОЛАЦКАЯ ЗЯМЛЯ НАПЯРЭДАДНІ ЎВАХОДЖАННЯ Ў СКЛАД ВКЛ (АПОШНЯЯ ЧВЭРЦЬ XII – ПЕРШАЯ ПАЛОВА XIII ст.)

Перыяд апошняй чвэрці XII – першай паловы XIII ст. – адзін з самых важных у гісторыі Полацкай зямлі. У гэты час адбылося згасанне дынастыі Рагвалодавічаў і страта Полацкам кантролю над Ніжнім Падзвіннем. У Ніжнім Падзвінні стварыўся новы цэнтр улады – г. Рыга, нямецкі фарпост у Лівоніі. У гэты ж час узмацнілася палітычная барацьба са смаленскімі князямі і адбылося станаўленне новай сістэмы адносін з Готландам, Рыгай і Смаленскам. Тады ж канчаткова аформілася тэрыторыя Полацкай і Віцебскай зямель як самастойных геапалітычных суб'ектаў. Ключавой падзеяй гісторыі Полацка гэтага перыяду і вельмі недаацэненай у гістарыяграфіі з'яўляецца паход смаленскіх князёў на Полацк і яго захоп у 1222/1223 г. Наступствы гэтага паходу прывялі да змен у сацыяльна-тапаграфічнай структуры Полацка. Перманентная пагроза з боку немцаў, лівонцаў, манголаў і смаленскіх князёў прадвызначыла ўваходжанне Полацка ў склад ВКЛ.

Ключавыя словы: Полацкая зямля, Полацк, Смаленская зямля, удзельны перыяд, міжкняжацкія ўсобицы, мангольскае нашеств'е, лівонцы, ордэн мечаносцаў.

УДК 353.2(476.4-89)(091)+94(476.4-89)»1914/1918»

УЧАСТИЕ ОРГАНОВ ЗЕМСКОГО САМОУПРАВЛЕНИЯ МОГИЛЕВСКОЙ ГУБЕРНИИ В ОРГАНИЗАЦИИ ПОМОЩИ БЕЖЕНЦАМ В ГОДЫ ПЕРВОЙ МИРОВОЙ ВОЙНЫ

Н. С. Моторова

доктор исторических наук, доцент,
профессор кафедры истории Беларуси нового и новейшего времени
Белорусский государственный университет

В статье рассматривается деятельность органов земского самоуправления по оказанию помощи беженцам в Могилевской губернии в годы Первой мировой войны. Отмечено, что еще в 1914 г. губернское земство вступило во Всероссийский земский союз, а в губернии был создан Губернский комитет. Он играл основную роль в оказании помощи беженцам, которая выражалась в организации их питания и лечения, решении бытовых проблем по пути их следования. Так как в состав Губернского комитета входили земские гласные и члены Могилевской губернской земской управы и он получал финансирование из земского бюджета, то нельзя четко отделить его от органов земского самоуправления.

Ключевые слова: беженцы, Первая мировая война, Могилевская губерния, органы земского самоуправления, губернский комитет, Всероссийский земский союз.

Введение

Первая мировая война стала серьезным испытанием для всей социальной сферы Российской империи. В условиях военного времени возникли социальные проблемы, опыта решения которых у центральных властей, органов местного управления и самоуправления не было. Наиболее острой из них была проблема помощи беженцам. Белорусские губернии одними из первых столкнулись с необходимостью ее решения. Каждая из трех неоккупированных губерний (Витебская, Минская и Могилевская) вырабатывала свои тактики помощи беженцам в русле общеимперской стратегии, но с учетом местных условий и накопленного исторического опыта помощи нуждавшимся.

В историографии вопросы организации помощи беженцам в годы Первой мировой войны долгое время оставались за пределами интереса исследователей. В советский период проблема беженства целенаправленно не изучалась. Лишь с начала 1990-х гг. стал проявляться интерес к изучению различных аспектов Первой мировой войны, в том числе и социальных.

Так, А. М. Бабков в своих публикациях рассмотрел общие вопросы, связанные с регистрацией, размещением и правовым положением белорусских беженцев в России [1; 2]. Вынужденной миграции населения Беларуси в годы Первой мировой войны и реэвакуации белорусских беженцев посвящена монография В. Г. Корнелюка [3]. В ней основное внимание было уделено вопросам их социальной адаптации.

Более подробно вопросы социальной помощи беженцам на территории Беларуси получили освещение в монографиях С. Ф. Лапанович [4; 5]. В них была рассмотрена деятельность государственных учреждений и общественных организаций, раскрыты основные направления государственной политики по обеспечению потребностей беженцев.

В российской историографии последних десятилетий активно разрабатываются различные аспекты указанной проблемы. Так, В. С. Утгоф в своем диссертационном исследовании, посвященном белорусским беженцам [6], рассмотрела их эвакуацию в годы Первой мировой войны и реэвакуацию в 1917–1921 гг., уделив внимание формированию в их среде национальной идентичности. В более широком общеимперском контексте положение беженцев, в том числе и из Беларуси, и организация помощи им в местах пребывания были рассмотрены в монографии И. Б. Беловой [7] и коллективной работе, подготовленной Н. В. Суржиковой, Н. А. Михалевым и С. А. Пьянковым [8].

В целом в указанных исследованиях выделены основные направления помощи беженцам, однако в недостаточной степени раскрыт региональный аспект ее реализации в отдельных белорусских губерниях. Исходя из этого цель настоящей статьи заключается в выявлении участия органов земского самоуправления в организации помощи беженцам Могилевской губернии в годы Первой мировой войны.

Основная часть

В законодательстве Российской империи, регулировавшем деятельность органов местного управления и самоуправления, отсутствовало упоминание о помощи беженцам. До начала Первой мировой войны государство не сталкивалось с подобной социальной проблемой. В то же время сложившаяся в Российской империи модель социальной политики предполагала взаимодействие государственных институтов и общественных организаций при ее реализации. По этому пути государство пошло при решении социальных проблем в годы Первой мировой войны.

В начале войны на волне патриотического подъема начали создаваться новые общественные организации, которые включились в решение широкого спектра социальных проблем. Среди них особое место занимал Всероссийский земский союз (далее – ВЗС), в состав которого вошли практически все земства Российской империи. 12 августа 1914 г. император Николай II подписал закон, разрешавший его деятельность. На региональном уровне были созданы губернские комитеты ВЗС. В своей деятельности они должны были руководствоваться постановлениями и распоряжениями местных губернских земских собраний [9, с. 7]. Таким образом частично была разрешена правовая коллизия, в рамках которой не были четко определены полномочия органов местного самоуправления при решении социальных проблем в условиях военного времени.

Первоначально ВЗС должен был заниматься организацией помощи больным и раненым воинам во внутренних губерниях Российской империи. Однако очень быстро его деятельность расширилась и усложнилась. В районах, располагавшихся в непосредственной близости от линии фронта, ВЗС начал оказывать помощь местному населению и беженцам [9, с. 9, 29].

Могилевское губернское земское собрание поддержало инициативу создания ВЗС и выразило желание вступить в состав его членов. Соответствующее постановление было принято на заседании 26 июля 1914 г. (еще до официального начала военных действий). Одновременно был сформирован и Могилевский губернский комитет ВЗС [10, л. 5]. В его состав вошли 13 земских гласных: (А. В. Королько, А. А. Радкевич, А. Н. Вельяминов, А. Ф. Радченко, Л. Ф. Лубенский, Ф. Я. Хоментовский, С. И. Казанович, И. И. Щемелев, М. М. Коршун-Осмоловский, К. П. Алыбашев, С. Ю. Чо-

ловский, Л. Н. Чачков, К. В. Банин) [11, с. 14, 16], а также три члена Губернской земской управы (В. А. Судзиловский, М. Л. Григорьев, В. К. Гортынский) [12, л. 2 об.].

В 1914 г. по решению Могилевского губернского земского собрания в распоряжение Губернского комитета ВЗС было выделено 100 тыс. руб. Однако в реальности он получил всего 30 тыс. руб. [12, л. 8 об.].

Постепенно структура Могилевского губернского комитета усложнилась. К январю 1915 г. во всех уездах Могилевской губернии, кроме Чаусского и Горецкого, были созданы уездные комитеты. Председателем Губернского комитета стал Ф. Я. Хоментовский. Из состава Губернского комитета было выделено Правление под председательством В. А. Судзиловского. Оно должно было обеспечивать исполнение решений Губернского комитета. В состав Правления вошли все члены Могилевской губернской земской управы и 5 членов Губернского комитета ВЗС [12, л. 2 об. – 3 об.].

Именно Могилевский губернский комитет ВЗС впервые и поставил вопрос об организации в губернии помощи беженцам. Еще в 1914 г. комитет предложил уездным земским собраниям обсудить его [12, л. 8]. Однако в связи с отдаленностью фронта и тем, что данная проблема еще не приобрела катастрофичный характер, были реализованы точечные мероприятия по ее разрешению.

Коренным образом ситуация изменилась в результате наступления германских войск в 1915 г. и смещения линии фронта на восток. Как отмечает российская исследовательница И. Б. Белова, с лета 1915 г. началось массовое движение беженцев из западных губерний в центральные регионы [7, с. 104]. Первая волна беженцев достигла границы Могилевской и Смоленской губерний в конце июля – начале августа 1915 г. [4, с. 36]. Только через Рогачев, уездный центр Могилевской губернии, до конца 1915 г. гужевым транспортом проследовало примерно 700 тыс. человек [7, с. 104]. В целом в пределах Могилевской губернии оказалось порядка 20 тыс. беженцев [4, с. 38]. В этих условиях органы местного самоуправления должны были активизировать свою деятельность по обеспечению их потребностей.

Необходимость организации помощи беженцам осознавалась и на уровне центральной власти. 30 августа 1915 г. был утвержден закон об обеспечении нужд беженцев. В нем впервые было четко определено, кто к ним относится. Обязанности по обеспечению нужд

беженцев были возложены на губернаторов, органы местного самоуправления (городского и земского) и созданные при них комитеты, к работе в которых могли привлекаться представители общественности. Право участвовать в оказании помощи беженцам было предоставлено всем православным приходам и другим церковным общинам [13].

Государство также приняло на себя финансовое обеспечение мероприятий в этой сфере, выделив 25 млн руб. Эти средства распределялись по губерниям. В распоряжение Могилевского губернского комитета ВЗС поступило 55 тыс. руб. [14, л. 8-9].

На основании распоряжений главноуполномоченного князя Г. Е. Львова в Могилевской губернии был разработан примерный план мероприятий, который включал в себя открытие питательных пунктов, чайных и амбулаторий для беженцев, организацию санитарного осмотра и устройство временных инфекционных лечебниц («заразных барак»). Губернский комитет ВЗС наметил и пункты для их открытия. Во-первых, это были Жлобин, Рогачев, Орша, Могилев, через которые проходили железные дороги, а значит, шел основной поток беженцев. Жлобин, помимо этого, являлся важным пунктом водных путей сообщения. Здесь было решено устроить постоянную инфекционную больницу. Что касается Гомеля, одного из крупнейших городов Могилевской губернии, то там помощь беженцам была налажена самостоятельно [14, л. 8-8 об.].

Однако увеличение потока беженцев, которые двигались по шоссейным, грунтовым и проселочным дорогам, заставило Могилевский губернский комитет ВЗС отступить от первоначального плана и расширить масштабы своей деятельности. Перед ним встали задачи открытия не только новых врачебно-питательных пунктов и амбулаторий по пути их движения, но и кузниц для ремонта телег, хлебопекарен. По мере приближения холодов неимущих беженцев нужно было обеспечить теплой одеждой, а больных и физически истощенных детей и стариков – разместить в специальных убежищах-бараках [14, л. 9].

Они должны устраиваться в населенных пунктах, расположенных вдоль основных направлений движения беженцев. Один путь проходил в южной части Могилевской губернии (через Рогачевский, Быховский, Чериковский и Климовичский уезды), а второй – в северной (через Сенненский, Оршанский и Горецкий уезды). Причем второй путь оборудо-

вался в экстренном порядке на основании телеграмм Комитета Северо-Западного фронта ВЗС и распоряжений могилевского губернатора А. И. Пильца, полученных в конце августа 1915 г. [14, л. 9-9 об.].

К этой работе были привлечены уездные предводители дворянства и председатели уездных земских управ перечисленных уездов. Для обсуждения всех организационных мероприятий Могилевский губернский комитет ВЗС 26 августа 1915 г. созвал так называемое «соединенное собрание». Оно выступило за создание единой организации, которая осуществляла бы всю помощь беженцам в пределах Могилевской губернии. Предполагалось, что она будет оказываться Губернским и уездными комитетами ВЗС. Для участия в их работе могли бы приглашаться представители общественности. В то же время контроль за движением беженцев следовало сохранить за уездными предводителями дворянства [14, л. 9 об. – 10].

В данном контексте речь шла о максимальном расширении масштабов деятельности Могилевского губернского комитета и подведомственных ему уездных комитетов. Это было вполне обоснованно, однако невозможно было быстро создать эффективный механизм для оказания помощи беженцам в чрезвычайных условиях военного времени и резкого увеличения их потока, динамику которого нельзя было спрогнозировать. Об этом косвенно свидетельствует позиция Могилевской губернской земской управы. Она выступила за сохранение существовавшего порядка оказания помощи беженцам через Губернский комитет ВЗС, предоставив ему право кооптировать в свой состав представителей общественности без изменения его внутренней структуры. Кроме того, Могилевская губернская земская управа предложила выделить в его распоряжение из местных земских ресурсов хотя бы 50 тыс. руб. [14, л. 10].

В дальнейшем вся работа по обеспечению нужд беженцев в Могилевской губернии осталась сосредоточенной в Губернском комитете ВЗС. Это было оформлено постановлением Могилевского губернского земского собрания от 17 сентября 1915 г. Могилевский губернатор А. И. Пильц обратил внимание на то, что формально оно противоречило статьям 2 и 22 закона от 30 августа 1915 г. об обеспечении нужд беженцев. В этой связи он затребовал разъяснения со стороны органов земского самоуправления: полностью ли земские уч-

реждения освобождаются от исполнения обязанностей по обеспечению нужд беженцев или сохраняют за собой общее руководство. Могилевская губернская земская управа пояснила, что земство не устранялось от исполнения данных функций, так как Могилевский губернский комитет ВЗС был сформирован Могилевским губернским земским собранием. Кроме того, в него вошел весь личный состав Губернской земской управы. Такой подход позволил организовать планомерную работу по оказанию помощи беженцам, скоординировать действия губернского и уездных земств в этой сфере [14, л. 13-13 об.].

Это свидетельствовало о том, что на местах при решении указанной социальной проблемы происходило объединение институтов власти (с точки зрения закона органы земского самоуправления были органически связаны с системой управления на местах) с общественными организациями. Провести между ними четкую грань практически невозможно, так как они формировались из одних и тех же лиц.

К концу 1915 г. в результате окончательной стабилизации линии фронта поток беженцев сократился. Однако достоверной информации об их количестве не было. В этой связи 24–25 ноября 1915 г. в Москве при Отделе по устройству беженцев ВЗС состоялось совещание, которое предложило провести повсеместную перепись беженцев по единообразной программе [8, с. 71–72]. Эти данные нужны были для разработки плана мероприятий по оказанию им помощи. На этом основании главноуполномоченный по устройству беженцев Северо-Западного фронта С. И. Зубчанинов для решения организационных вопросов проведения переписи предложил собрать совещание представителей органов земского и городского самоуправления, в том числе и от трех белорусских губерний – Витебской, Могилевской и Минской [14, л. 6].

Однако стремление ВЗС установить контроль над регистрацией беженцев на общегосударственном уровне было пресечено центральной властью. В итоге перепись была проведена в первой половине 1916 г. под эгидой Татьянинского комитета. Однако она учла не всех беженцев. Сам Комитет признавал, что реальное количество беженцев превышало те данные, которыми он располагал [8, с. 72–74].

На протяжении 1916 г. проблема помощи беженцам в Могилевской губернии сохранялась, однако ее острота снизилась. Это было обусловлено тем, что основной поток бежен-

цев уже прошел. В то же время созданные ранее лечебно-питательные пункты, временные лечебницы и другие социальные объекты сохранялись по мере необходимости.

Заключение

В годы Первой мировой войны основную роль в организации помощи беженцам в Могилевской губернии играл Губернский комитет ВЗС. Так как его личный состав был сформирован из губернских гласных и сотрудников Могилевской губернской земской управы, то практически невозможно разграничить его деятельность и деятельность собственно органов земского самоуправления в этой сфере. Среди наиболее распространенных форм помощи беженцам необходимо отметить открытие лечебно-питательных пунктов и временных лечебниц, а также кузниц для ремонта гужевого транспорта и хлебопекарен в населенных пунктах, расположенных по путям их следования. Финансирование деятельности Могилевского губернского комитета ВЗС осуществлялось за счет средств казны и земских пособий, что также подтверждает его тесную связь с системой земского самоуправления.

СПИСОК ИСПОЛЬЗОВАННЫХ ИСТОЧНИКОВ

1. **Бабков, А. М.** Беженцы Беларуси в России в 1916 году: регистрация и правовое положение / А. М. Бабков // Гістарычнаму факультэту – 20 гадоў : зб. навук. прац гіст. фак. ГДУ імя Францыска Скарыны / Гомел. дзярж. ун-т ; рэдкал.: В. А. Міхедзька (гал. рэд.) [і інш.]. – Гомель : ГДУ, 2009. – С. 133–141.
2. **Бабков, А. М.** Беженцы Беларуси в Российской империи: проблемы регистрации и территориального размещения (1915–1917) / А. М. Бабков // 100 лет Российской революции: подведение итогов : сб. науч. ст. / Гомел. гос. ун-т ; редкол.: Г. А. Алексейченко (гл. ред.) [и др.]. – Гомель : ГГУ, 2017. – С. 8–17.
3. **Карнялюк, В. Р.** Міграцыя беларускага насельніцтва, выкліканая Першай сусветнай вайной / В. Р. Карнялюк. – Гродна : ГрДУ, 2019. – 329 с.
4. **Лапановіч, С. Ф.** Дзейнасць дзяржаўных і грамадскіх арганізацый па аказанні дапамогі бежанцам у Беларусі ў гады Першай сусветнай вайны (1914 – кастрычнік 1917) / С. Ф. Лапановіч. – Мінск : Акад. МУС, 2010. – 127 с.
5. **Лапановіч, С. Ф.** Бежанства і эвакуацыя на тэрыторыі Беларусі ў гады Першай сусветнай і Вялікай Айчыннай войнаў / С. Ф. Лапановіч. – Мінск : Акад. МУС, 2020. – 425 с.

6. **Утгоф, В. С.** Белорусские беженцы Первой мировой войны в 1914–1922 гг. : автореф. дис. ... канд. ист. наук : 07.00.02 / В. С. Утгоф ; Европ. ун-т. – СПб., 2003. – 23 с.

7. **Белова, И. Б.** Вынужденные мигранты: беженцы и военнопленные Первой мировой войны в России. 1914–1925 гг. / И. Б. Белова. – М. : АИРО-XXI, 2014. – 432 с.

8. **Суржикова, Н. В.** Российское беженство: центры и периферии, процессы и структуры, индивиды и массы (1914–1922 гг.) / Н. В. Суржикова, Н. А. Михалев, С. А. Пьянков. – Екатеринбург : Челябинск : Издат. центр ЮУрГУ, 2021. – 493 с.

9. Краткий очерк деятельности Всероссийского земского союза. Январь 1916 г. – М: Тип. т-ва Рябушинских, 1916. – 52, 111 с., 1 табл.

10. Национальный исторический архив Беларуси (НИАБ). – Ф. 2084. Оп. 1. Д. 60.

11. [Доклад Губернской земской управы пятому чрезвычайному Могилевскому губернскому земскому собранию по вопросам, вызываемым военными обстоятельствами. Журнал заседания пятого чрезвычайного Могилевского губернского земского собрания 26 июля 1914 г.]. – [Могилев : б/и, 1914?]. – 19 с.

12. НИАБ. – Ф. 2089. Оп. 1. Д. 23.

13. Об обеспечении нужд беженцев : Закон, 30 авг. 1915 г. // Собр. узаконений и распоряжений правительства, изд. при Правительствующем сенате. – 1915. – Отд. 1. – № 242. – Ст. 1842.

14. НИАБ. – Ф. 2084. Оп. 1. Д. 71.

Поступила в редакцию 18.01.2024 г.

Контакты: motorova@ro.ru (Моторова Надежда Сергеевна)

Motorova N. S. PARTICIPATION OF ZEMSTVO SELF-GOVERNMENT INSTITUTES OF MOGILEV PROVINCE IN ORGANIZING ASSISTANCE TO REFUGEES DURING WORLD WAR I

The article examines the activities of zemstvo self-government institutes in providing assistance to refugees in the Mogilev province during World War I. It is noted that back in 1914 the provincial zemstvo joined the All-Russian Zemstvo Union, and the Provincial Committee was created in the province. It played a major role in providing assistance to refugees, organizing their food supply and medical treatment, solving everyday problems along the way. Since the Provincial Committee included zemstvo deputies and members of the Mogilev provincial zemstvo board, it received funding from the zemstvo budget, it cannot be clearly separated from zemstvo self-government institutes.

Keywords: refugees, World War I, Mogilev province, zemstvo self-government institutes, provincial committee, the All-Russian Zemstvo Union.

ВЛИЯНИЕ БОЛЕЗНЕЙ И ОКРУЖАЮЩЕЙ СРЕДЫ НА НАСЕЛЕНИЕ ЕВРОПЫ В XVIII в.

Л. Я. Климутъ

кандидат исторических наук, доцент, доцент кафедры истории и философии
Могилевский государственный университет имени А. А. Кулешова

Окружающая среда представлялась людям XVIII века в целом враждебной. Негативное восприятие реальности усугублялось проблемами, с которыми приходилось сталкиваться, такими как болезни, силы природы и коллективные страхи, и для которых не было адекватных решений. Тем не менее наблюдаются попытки улучшить существование человека в этой враждебной среде при помощи доступных для указанного времени мер.

Ключевые слова: население, XVIII в., болезни, демографические факторы, окружающая среда.

Введение

XVIII век был не простым для жизни людей, а точнее сказать, для их выживания. На сегодняшний день и отечественные, и зарубежные ученые опубликовали обширные статистические данные по разным регионам, а также представили ряд обобщающих работ по демографии в целом и по XVIII в. в частности. Поэтому в представленной статье предлагается не повторять основные выводы по демографическому положению в XVIII в., а посмотреть на те факторы, которые отягощали жизнь человека и усложняли ее. В качестве вводной ремарки хотелось бы отметить, что статья концентрируется на мрачных аспектах жизни XVIII в., что не означает, что это были единственные ее аспекты. Безусловно, как и в любом историческом периоде, здесь были свои достижения и свои проблемы. Именно проблемы, влиявшие на демографию XVIII в., анализируются ниже.

Основная часть

Уязвимость человека, к сожалению, оставалась присуща XVIII веку, как и предыдущим периодам. Весь набор бедствий, которые могли затронуть людей и общины, показывают хрупкость человеческого существования и слабость ответа на них, которой могла предложить община. Серьезные болезни переносились тяжело. Единственными болеутоляющи-

ми были опиум и алкоголь, а дешевый лауданум – препарат, содержащий опиум, – был широко применяемой панацеей. Много женщин умирало при деторождении, что разрушало семьи.

Сельскохозяйственный труд был тяжелым: от восхода до заката зимой и с шести утра до шести вечера летом (и позднее, если была такая необходимость). Рыбалка тоже была опасной. В производстве многие рабочие места были влажными, плохо вентилируемыми и/или плохо освещенными. Наличие взрывоопасного газа в шахтах делало опасным использование свечей. Горняки болели пневмокониозом, нистагмом, ревматизмом, они были подвержены преждевременному старению, и у них была низкая продолжительность жизни. Работа на строительстве также была очень опасной.

В 1705 г. в Англии был опубликован «Трактат о профессиональных болезнях» Бернардино Рамаццини, профессора медицины в Падуе. Рамаццини исследовал связь между болезнями и профессиями, и его книга открывала серьезные последствия труда в то время, когда мало понимали, что такое здоровое и безопасное рабочее место [1, с. 70–71]. Рассказ Рамаццини о болезнях химиков, рыбаков, банщиков, виноделов, табачников, прачек, о чахотке, которой заболевали каменщики и горняки, о проблемах с глазами у позолотчиков и печатников, о радикулите у портных и летаргии у гончаров показывают опасный характер производственной деятельности до появления фабричной системы. Тем не менее понятия охраны здоровья и труда на рабочих местах еще не существовало.

Медицина мало могла помочь с этими и другими проблемами, поскольку медицинские знания были недостаточными и не было квалифицированных практиков. Врачи концентрировались в городах. В Гронингене в конце XVIII в. было 30 врачей на 20 000 жителей, но во многих регионах врачи были редкостью, даже когда люди могли позволить себе их услуги. Так, в Нидерландах в сельских провин-

циях в среднем был один врач на 1400 – 1700 жителей. Во Франции к концу XVIII в. было всего лишь 1300 медиков. В Париже с населением в 600 000 было 153 врача [2, с. 197]. Хирургия была примитивной и выполнялась без анестезии. Не было эффективного медицинского лечения сыпного и брюшного тифа и дизентерии.

Не более эффективной была медицина и в отношении болезней животных. Это могло иметь серьезные экономические последствия и показывало, что правительства были ограничены в своих действиях. Больных животных убивали, их передвижение запрещали. В 1747 г. Венеция закрыла границы для торговли скотом [3, с. 51]. Эффективность принимаемых мер различалась. Некоторые австрийские историки указывают, что эффективные меры Габсбургов по нераспространению чумы во время австро-турецкой войны 1788–1791 гг. спасли Европу [4]. Но австрийцы не смогли предотвратить эпидемию, забравшую много лошадей кавалерии в Венгрии в 1788 г.

Болезни животных могли иметь серьезные экономические последствия и в краткосрочной, и в долгосрочной перспективе. Эпидемия чумы крупного рогатого скота, обрушившаяся на скотоводов Фрисландии и Гронингена на севере Нидерландов, привела к переходу к производству зерна во второй половине XVIII в. [5]. Вспышки болезней крупного рогатого скота могли нанести ущерб местному сельскому хозяйству, как это было в Гольштейне в 1764 г. и в Беарне в 1774 г. [6]. Также из-за них росли цены на привозное мясо, но это говорит и о развитии экономических связей между отдаленными регионами. На положение индивидуального собственника влияла враждебная и непредсказуемая природа, т.е. силы, которые нельзя было ни предотвратить, ни умиротворить, когда усилия многих лет исчезали в одно мгновение. Границу между бедностью и нищенством можно было пересечь быстро и легко.

Климат тоже был проблемой. В целом климат, наверное, стал более благоприятным: более теплое и сухое лето было хорошо для урожая. Повышение средней августовской температуры, возможно, частично способствовало снижению смертности от бактериальной дизентерии. И все же на индивидуальном уровне капризы климата могли быть серьезной проблемой, тем более что возможности противодействия оставались ограниченными.

Опасность людям несли наводнения. Поч-

ти по всей Европе уровень рек не регулировался системой дамб и резервуаров, а укрепление берегов было неадекватным или не существовало. Уязвимыми были такие прибрежные регионы, как Фрисландия, и размещение крупных городов на морском побережье или на берегах рек имело свои последствия. Когда в декабре 1763 г. вода в Роне поднялась, две трети Авиньона ушло под воду. Тысячи голов скота погибли, когда были прорваны голландские дамбы зимой 1725–1726 гг. Зимой 1787–1788 гг. ливни и наводнения смыли большую часть посевов зерна в Саксонии.

С другой стороны, существовала и проблема засухи, влиявшая на снабжение водой, сельское хозяйство, речной транспорт и основанное на водной энергии производство. Она несла угрозу голода, как в Женеве в 1723 г., и ущерб конкретным культурам, как винограду Бургундии в 1778 г. Альтернативным воде источником энергии был ветер, но ветряные мельницы страдали от бурь. Однако, на взгляд исследователей, засухи все же не приводили к масштабному голоду, если только не случались несколько лет подряд [7].

Естественно, что сельское хозяйство было уязвимо перед погодой. Улучшенных сортов сельскохозяйственных культур было немного, а из-за дождливых зим посевы были болезненные и набухшие; поздние заморозки вредили пшенице. Опасность несли и многие другие явления человеческого окружения. Покрытые соломой здания были благоприятной средой для различных вредителей, к тому же такие здания были огнеопасными, и не в последнюю очередь потому, что часто в них не было дымоходов. С трудностями сталкивались попытки осушить малярийные низменности на юге Европы. В целом проще было придерживаться традиционных ареалов расселения и хозяйственной деятельности, чем бороться с могущественной природой.

Опасность могли принести и контакты между людьми и дикими зверями. Волки и медведи, которые могли напасть на людей и домашних животных, были проблемой не только в горных регионах. Волки были серьезной угрозой возле Санлиса к северу от Парижа в 1717 г. и на юго-западе Франции в 1766 г. [8, с. 118]. Людям буквально приходилось в жестокой борьбе отвоевывать у животных контроль над альпийскими пастбищами.

Но и другие животные несли проблемы. Отсутствие пестицидов и трудности с защитой урожая и его хранением ухудшали ситуацию.

Мыши и крысы уничтожали много продуктов и культур, нашествие мышей катастрофически сказалось на урожае в Восточной Фрисландии в 1773 и 1787 гг. Когда саранча из Богемии и Венгрии двинулась на Вену в 1749 г., в этом усмотрели проявление гнева Божьего и было приказано проводить публичные молитвы.

К угрозе от реальных животных добавлялся страх перед воображаемыми существами. Рассказывали о странных зверях, нападавших на людей. Самым знаменитым примером может быть Жеводанский зверь во Франции в середине 1760-х гг. Народные сказки, библейские и классические авторитеты, постоянные находки в земле гигантских костей привели к вере в гигантов, поддерживаемой многими клириками.

Сохранялась вера в ведьм. В Англии последний зафиксированный суд над ведьмой состоялся в 1717 г., где жюри присяжных признало обвиняемых невиновными, несмотря на показания 25 свидетелей. А вот в польской провинции Мазовия в первой четверти XVIII в. охота на ведьм достигла пика [9, с. 268]. Официальное окончание судов не означало прекращение веры в ведьм среди населения, которое по-прежнему продолжало обвинять в своих несчастьях потусторонние силы и тех, кто с ними контактировал.

В середине XVIII в. шли непрекращающиеся споры о ведьмах, магии и вампирах, особенно в Италии и Франции. Продолжающиеся публикации на эту тему говорят о сохранении интереса к оккультному и вере в потусторонние силы, как правило, враждебные для людей. Король Британии Георг II верил в вампиров. Книгу А. Кальме «Трактат о явлении духов», в которой уделяется достаточно места вампирам, с одной стороны, критиковали, но также и часто цитировали как доказательство влияния предрассудков на человеческий дух. В вампиров верили и в центре Просвещения – Париже – в 1749–1750 гг. Распространялись слухи, что Людовик XV для лечения проказы принимает ванны из крови младенцев. Это уже выглядело как узаконенный вампиризм, поэтому ниспровергало представление о монархе как о сакральном целителе. Развенчание сакрального образа монарха будет иметь губительные последствия в конце XVIII в. Вампиры и сверхъестественное также фигурировали в литературе. Примеров можно приводить много, что само по себе доказывает интерес публики к таким темам и ее предрасположенность верить в оккультное или хотя

бы любопытство к подобным вопросам.

Но наибольшее значение вера в потустороннее играла в жизни крестьян. Непосредственно в XVIII в. писали, что неопределенность сельскохозяйственной жизни воспитывала в крестьянах настоящее смирение и чувство зависимости от факторов, которые нельзя было контролировать. Трудно не согласиться с этим. Мир крестьян был миром анимизма, он был населен духами, смерть не обязательно препятствовала дальнейшей деятельности, опыту и вмешательству умерших в жизни живущих. Для всех регионов Европы характерны культы предков с небольшими различиями в деталях ритуалов и взаимодействия с умершими. В этом мире Дьявол напрямую вмешивался в жизнь и дела человека. В 1727 г. кардинал Флери, французский министр, был уверен в том, что Дьявол способен избивать своих подданных-людей. Также широко была распространена вера в фей. В неизлечимых болезнях обвиняли враждебные внешние силы. Большую часть времени люди проводили в темноте: в отсутствие луны ночь в сельской местности была кромешной тьмой. В домах тоже было сумеречно, когда зажигали свечи, и темно, когда их тушили. Это усиливало атмосферу страха.

Однако следует понимать, что популярные религиозные верования, хотя и далекие от учения официальной церкви, не представляли собой альтернативную религию. Языческие обычаи – это не то же самое, что язычество. Такие верования и обычаи сосуществовали или переплетались с христианскими аналогами без ощущения какой-либо несовместимости, особенно среди простых мирян в сельской местности.

Поскольку старые суеверия незначительно утратили свою власть в сельской местности, можно предположить, что культурная пропасть между народными и элитарными верованиями стала шире, чем в XVII в., и что такие распространенные вещи, как вера в астрологию, спустились вниз по социальной лестнице. Действительно, с одной стороны, мы видим, что многие богатые и хорошо образованные люди потеряли веру в магическое исцеление, пророчества и колдовство. В культуре элиты важную роль играла мода, а в XVIII в. все большее количество печатных работ распространяло знания, считавшиеся желательными, и взгляды, соответствующие человеку из высшего общества. Однако популярность чудесных медицинских исцелений и

мода во Франції 1780-х гг. на теорію животно-магнетизма австрійського лікаря Месмера показують, що неверно було б розглядати культуру еліти як в некоторому роді краще інформовану і більш освітлену.

На всіх рівнях суспільства було бажання зрозуміти ворожу середовище і впоратися з страхом, який вона внушала, і непередбачуваної авантюрою, якою була життя. Це був пошук стабільності в, по суті, нестабільному світі, спроба примирити божественну справедливість з людськими стражданнями і упорядкувати досвід таким чином, щоб він відображав суворої і випадковий сутність життя. Так, в Іспанії були дуже популярні і часто перевидавалися керівництва по благочестю, релігійні трактати і проповіді, в яких підкреслювалися переходяча природа земної життя і духовні небезпеки, з якими стикаються багаті люди.

Сталкнувшись з бідствами, громади і окремі особи зверталися до церкви. Вважалося, що Бог дає засоби для лікування всіх хвороб, якщо тільки вони можуть бути виявлені. В 1775 г., через місяць після того, як хімічні досвіди Джозефа Пристлі були продемонстровані в Дижонській академії, звонили в колокола, щоб відганяти бурю. В 1725 г., коли Парижу загрожувало наводнення і неурожай, релікварій місцевої святої покровительниці Женевьєви пронесли процесією в надії зупинити сильний дощ [8, с. 119]. В 1755 г. венеційські владі, сталкнувшись з нехваткою питтєвої води, виставили напоказ статую Діви Марії. В 1756 г. король Сардинії Карл Еммануїл III і його сім'я прийняли участь в торжествах в Туринському соборі, щоб віддати подяку за те, що місто пережило недавнє землетрясіння відносно нешкідливим. В січні 1765 г. во Флоренції були призупинені всі громадські розваги і проведені публічні молитви о поверненні гарної погоди, так же було в Мілані в 1765 і 1766 гг. В початку 1788 г. сильний шторм на северо-западному узбережжі Франції був зустрінутий торжественними процесіями до церков і нічними мессами [8, с. 119].

Ми бачимо по цих прикладах, що вороже середовище розумілося з точки зору возмезддя людині за неправильну поведінку. Відповідно, була надія отримати прощення добрими ділами, або релігійним служінням, або задоволенням требо-

ваний окультного світу. Таким чином, стало можливим створити космологію, прийнятну як з християнської, так і з нехристиянської точки зору. Для багатьох християнське і нехристиянське були не альтернативою, а, скоріше, тісно пов'язаними між собою переконаннями і моделями мислення.

І все ж в деяких колах оспаривали ідею божественного втручання. Почти всі письменники в Австрійських Нідерландах, обговорюючи лісабонське землетрясіння 1755 г., інтерпретували його як Божий суд, але не всі були згодні з такою трактовкою. Наприклад, німецький філософ І. Кант відреагував на трагічну подію науковим дослідженням причин землетрясіння [10].

Пошуки божественної підтримки не обов'язково означали пасивність людей, особливо на рівні громади. Хоча оточуюче середовище сприймалося як вороже людині, тим не менше була велика активність, направлена на подолання наслідків. Будь то очищення від відходів або осушення голландських пolderів і середземноморських малярійних боліт, прослідковувалася чітка відповідальність з попереднім століттям, а в багатьох областях – відновлення діяльності після серйозних воєн періоду 1688 – 1721 гг. Наука почала змінювати відносини між людиною і оточуючим середовищем: деякі будівлі були побудовані краще, від блискавки захищали блискавооди, а з деякими хворобами навчилися боротися. Однак з'являється і нова біда, наслідком якої стає екологічний шкода. В 1714 г. французький посол в Лондоні неодноразово скаржився на те, як на його дихання впливає угольний дим, окутує місто [11, с. 57]. Також як приклад можна привести те, що опалені скелі колишніх лісів піддавалися серйозній ерозії.

Висновок

Як ми можемо судити, в XVIII в. прогрес, досягнутий в боротьбі з ворожою середовищем і катастрофами, які так важко торкнули окремих людей і суспільства, був ще недостатньо обмеженим. Те громади, населення яких росло, як правило, стикалися з серйозними проблемами по мірі того, як зростало тиск на постачання продовольством і рівень життя. Цей обмежений прогрес був також результатом пануючих поглядів епохи. З однієї сторони, поступово розвиваються медичні знання і спостерігається деякий прогрес в лікуванні

определенных болезней. Во многих странах проводятся меры по защите от природных бедствий и попытки реформирования общества на рациональной основе. Применяются научные открытия, облегчающие жизнь, такие как молниеотвод. С другой стороны, народный консерватизм играл важную роль в препятствовании правительственным планам перемен. Изменить традиционный образ мышления было очень непросто. Люди предпочитали понятные и традиционные объяснения происходящего, тем более крестьяне, которые не читали трактаты с научными объяснениями явлений. Ради справедливости следует сказать, что не все явления тогдашняя наука могла объяснить, а существовавшие объяснения не всегда были убедительными, не говоря уж об их серьезной научной составляющей. Таким образом, окружающая среда воспринималась в большей степени как враждебная человеку, а в духе идей Просвещения разрабатывались идеи того, как человек при помощи разума сможет укротить природу и поставить ее себе на службу. Но пока что это были даже не столько конкретные предложения, сколько вера в идею господства человека над природой в будущем.

СПИСОК ИСПОЛЬЗОВАННЫХ ИСТОЧНИКОВ

1. **Breathnach, C. S.** Bernardino Ramazzini and his treatise of the diseases of tradesmen / C. S. Breathnach // *Irish Journal of Medical Science*, 169(1). – January, 2000. – P. 68–71.
2. **Lindemann, M.** *Medicine and Society in Early Modern Europe* / M. Lindemann. – Cambridge University Press, 2010. – 314 p.
3. **Panciera, W.** *The Republic of Venice in the 18th Century* / W. Panciera. – [Viella Editrice, 2021. – 142 p.
4. **Bronza, B.** Austrian measures for prevention and control of the plague epidemic along the border with the Ottoman Empire during the 18th century [Electronic resource] / B. Bronza. – Mode of access: https://www.researchgate.net/publication/338184126_Austrian_measures_for_prevention_and_control_of_the_plague_epidemic_along_the_border_with_the_Ottoman_Empire_during_the_18th_century. – Date of access: 25.06.2024.
5. **Faber, J. A.** Cattle-plague in the Netherlands during the eighteenth century [Electronic resource] / J. A. Faber. – Mode of access: <https://edepot.wur.nl/287377>. – Date of access: 26.06.2024.
6. **Vallat, F.** An outbreak in France in the XVIIIth Century: Rinderpest [Electronic resource] / F. Vallat. – Mode of access: <https://www.sciencedirect.com/science/article/pii/S1631069112000285>. – Date of access: 26.06.2024.
7. **Ljungqvist, F. Ch.** Famines in medieval and early modern Europe – Connecting climate and society [Electronic resource] / F. Ch. Ljungqvist, A. Seim, D/ Collet. – Mode of access: <https://wires.onlinelibrary.wiley.com/doi/full/10.1002/wcc.859>. – Date of access: 28.06.2024.
8. **Black, J.** *France: A Short History* / J. Black. – Thames & Hudson, 2021. – 256 p.
9. **Pilaszek, M.** *Procesy o czary w Polsce w wiekach XV–XVIII* / M. Pilaszek. – Kraków : Universitas, 2008. – S. 554.
10. **Гусяков, В. К.** Потрясение Европы [Электронный ресурс] / В. К. Гусяков // *Наука из первых рук*. – 2022. – 19 мая. – Т. 93, № 5/6. – Режим доступа: <https://scfh.ru/papers/potryasenie-evropy/>. – Дата доступа: 02.07.2024.
11. **Pittock, M.** *Enlightenment in a Smart City: Edinburgh's Civic Development, 1660–1750* / M. Pittock. – Edinburgh University Press, 2018. – 296 p.

Поступила в редакцию 06.10.2024 г.

Контакты: climut@m.msu.by (Климуть Лада Ярославовна)

Klimout L. Ya. THE IMPACT OF DISEASES AND ENVIRONMENT ON THE EUROPEAN POPULATION IN THE XVIII CENTURY

People in the XVIII century saw environment as generally hostile to them. The negative perception of reality was aggravated by the problems people faced, such as diseases, forces of nature and collective fears for which there were no adequate solutions. Nevertheless, there were attempts to improve human existence in this hostile environment using measures available at the time.

Keywords: population, XVIII century, disease, demographic factors, environment.

ФОРМИРОВАНИЕ КАДРОВОГО СОСТАВА МОГИЛЕВСКОЙ ГУБЕРНСКОЙ МУЖСКОЙ ГИМНАЗИИ В ПЕРВОЙ ЧЕТВЕРТИ XIX ВЕКА

А. В. Бирюков

старший преподаватель кафедры истории и философии

Могилевский государственный университет имени А. А. Кулешова

В статье рассмотрен состав педагогического коллектива и администрации Могилевской губернской мужской гимназии в первой четверти XIX в. Изучены вопросы укомплектования педагогическими кадрами и замещения административных должностей в средних учебных заведениях Могилевской губернии в контексте реализации реформы системы образования, предпринятой в Российской империи в начале XIX в.

Ключевые слова: Могилевская губерния, система образования, гимназия, учебный округ, кадровая политика, русификация.

Введение

В соответствии с реформой системы образования в начале XIX в. на базе главного губернского народного училища в Могилеве была открыта мужская гимназия. Указ об этом был издан 1 сентября 1808 г., однако торжественная церемония открытия состоялась 15 сентября 1809 г. В доступных источниках, включая официальные издания и канцелярские документы Министерства народного просвещения, датой открытия гимназии считался как 1808, так и 1809 г.

Кадровый состав и управление в Могилевской гимназии определялись «Уставом учебных заведений, подведомственных университетам», изданным в 1804 г. Начальный период истории гимназии охватывает чуть более чем первую четверть XIX в.; его завершением следует считать принятие в 1828 г. нового «Устава гимназий и училищ уездных и приходских...». За этот период времени Могилевская гимназия несколько раз меняла административное подчинение: так, до 1824 г. она относилась к Виленскому учебному округу, с 1824 по 1829 гг. — к Санкт-Петербургскому, а с 1829 г. вошла в специально созданный Белорусский учебный округ.

Анализ личного состава администрации и коллектива преподавателей позволяет говорить о том, что Могилевская губернская гимназия хорошо вписывалась в типичную картину состояния провинциальных средних учебных заведений империи и в то же время имела ряд обусловленных местной спецификой особенностей.

© Бирюков А. В., 2025

Основная часть

В конце 1808 г. в Могилевской гимназии и одновременно созданных при ней уездном и приходском училищах работали 5 учителей и обучались 123 ученика (для сравнения: в Витебской — 5 и 124, Минской — 11 и 222, Гродненской — 6 и 88, Виленской — 10 и 309 соответственно) [1, с. 146]. В 1809 г., когда фактически была открыта гимназия, в ней обучались 127 чел. [2, с. 3]. Ученики, имея определенную подготовку, могли прибывать в гимназию в течение учебного года. Так, на 1 января 1810 г. насчитывалось 58 гимназистов, однако уже к концу 1809/1810 учебного года — 66 [2, с. 6]. На 1 сентября 1810 г. насчитывалось 68 учеников [2, с. 9, 14]. В 1825 г. работали уже 9 сотрудников, однако численность учащихся сократилась до 34 (столько же, сколько в Витебской гимназии, но больше, чем, например, в Калужской или Псковской) [1, с. 148].

В среднем на одну гимназию в России в 1808 г. приходилось 90 учащихся, в 1825 г. — 63 [1, с. 147, 151]. Таким образом, численность учащихся в Могилевской гимназии в целом соответствовала средним цифрам по провинциальным гимназиям империи.

Руководство гимназией осуществлял директор, утверждаемый министром народного просвещения. Поскольку до 1863 г. директор гимназии одновременно являлся руководителем всех учебных заведений губернии, он официально именовался «директором народных училищ». К нему предъявлялся определенный набор требований: так, он должен был быть «сведущ в науках, деятелен и благонамерен» [3, с. 224–225]. Особо отмечалось, что «директор есть хозяин гимназии и начальник всех казенных училищ, в губернии находящихся... Главная обязанность директора состоит в бдительном, неослабном надзоре за гимназией и всеми вверенными ему училищами; он должен стараться, чтобы повсюду были исполняемы постановления устава учебных заведений и предписания начальства» [4, стб. 231–232].

При этом важно понимать, что вплоть до второй половины XIX в. директора гимназий

в России не занимались педагогической деятельностью, будучи сугубо административными лицами, чиновниками Министерства народного просвещения на местах: они ведали кадровыми и хозяйственными вопросами, осуществляли инспекции учебных заведений. Директор должен был быть «сведущ в науках», но не для того, чтобы преподавать их, а чтобы оценивать соответствие должности подчиненных ему учителей [5, с. 17].

Даже в исследованиях XIX в., посвященных истории российской системы образования, указывалось, что в первой четверти XIX в. гимназии «в отношении состава начальствующих лиц и учителей, школьной дисциплины и самого преподавания находились вовсе не в блистательном состоянии». Директоры, «часто назначаемые из выслужившихся полуграмотных офицеров», отличались «чрезмерным самоуправством». Они отстраняли педагогов от участия в делах гимназии, отчего «беспрестанно происходили раздоры и смуты между директором и учителями» [1, с. 152].

Следует отметить, что ситуация в Могилевской губернской гимназии в указанный период времени была абсолютно противоположной. И руководство, и преподаватели гимназии являлись профессионалами своего дела, имевшими огромный педагогический опыт и заслуженный авторитет. Гимназией еще не руководили директора-временщики и не имела место нездоровая текучесть кадров; эти явления по разным причинам возникли позднее, начиная с 30-х гг. XIX в.

Первым директором Могилевской гимназии стал надворный советник Самсон Васильевич Цветковский, занимавший этот пост до 1815 г. (в некоторых источниках встречается ошибочный вариант имени – *Семён*). В предшествующий период он в течение 20 лет, с 1789 по 1809 г., являлся директором главного народного училища в Могилеве.

О жизненном пути С. В. Цветковского имеются скудные сведения. Он родился около 1755 г. В источниках упоминается, что он происходил «из малороссийского города Хорола, сын казачий» [6, с. 5]. Окончив Киево-Могилевскую академию, в 1781 г. он по личному приглашению архиепископа Георгия Конисского прибыл в Могилев и стал сначала преподавателем, а в 1791 г. – префектом (начальником) Могилевской духовной семинарии, в которой проработал в общей сложности 15 лет и преподавал поэзию, риторику, философию и богословие [6, с. 48–50]. Конисский был весьма высокого мнения о Цветковском; так, в ав-

густе 1785 г. он докладывал Синоду, что Цветковский, «отправляя должность свою с отличным рачением и учеников своих успехом, вел себя честно и добропорядочно» [6, с. 5]. Когда в 1798 г. С. В. Цветковский отказался от поста префекта, целиком сосредоточившись на работе в главном народном училище, об этом весьма сожалел архиепископ Могилевский Анастасий, потерявший, как он сам указывал, «надежнейшего для просвещения молодых умов и сердец мужа». Визитатор (инспектор) академик В. М. Севергин, прибывший в Могилевское училище с проверкой в июле 1803 г., характеризовал будущего директора гимназии как «мужа, прилежанием и поведением почтенного» [7, с. 95; 96, прим. 1].

С. В. Цветковский, как он сам указывал, имел большую семью, и, хотя ему принадлежал собственный дом в Могилеве, многие годы материальное положение его семьи оставалось весьма тяжелым, о чем свидетельствуют его письма за 1801 г. в адрес архиепископа Анастасия. Так, С. В. Цветковский сообщал: «...обременен будучи многочисленным семейством, требующим по возрасту своему, при настоящей всего дороговизне, больших издержек, час от часу входя в долг, изнемогаю от горести» [6, с. 6].

Таким образом, С. В. Цветковский, не будучи уроженцем Беларуси, 34 года преподавал в крупнейших учебных заведениях г. Могилева – духовной семинарии, главном народном училище и губернской гимназии. 30 ноября 1815 г. он скоропостижно скончался на 60-м году жизни [2, с. 23].

Интересно, что, в отличие от типичной кадровой политики Министерства народного просвещения при назначении директоров гимназий (перемещение кандидатов на эти должности из других городов и губерний), Могилевскую гимназию в первой четверти XIX в. возглавляли лица, до того работавшие в ней в качестве преподавателей.

Так, после преждевременной смерти первого директора гимназии, С. В. Цветковского, в течение двух лет, с декабря 1815 г. по август 1817 г., временно исполнял обязанности директора учитель математики и физики, доктор философии Иван Евстафьевич Любичанковский [2, с. 22–23, 39].

В 1817 г. директором был назначен Ермолай Васильевич Гриневич, начавший свою педагогическую деятельность еще в 1795 г. в Могилевском главном народном училище, а затем преподававший в гимназии всеобщую историю, географию и статистику. Е. В. Гриневич

вич прослужил в училище и гимназии в общей сложности 24 года. В 1819 г. он скоропостижно скончался [2, с. 39]. Примечателен в этой связи следующий факт: «Стихотворение на смерть директора Могилевской гимназии Гриневича» (1819 г.) является самым ранним из сохранившихся поэтических опытов в то время гимназиста, а впоследствии – известного ученого, одного из учредителей Русского географического общества, литератора и переводчика Михаила Павловича Вронченко [8, с. 27].

С 1819 по 1825 г. директором гимназии являлся до того преподававший в ней польскую словесность (с 1818 г.) Герасим Мартинович Кутневич. В 1825 г. его перевели на должность директора Минской гимназии.

В 1825–1831 г. пост директора Могилевской гимназии занимал доктор философии Петр Николаевич Кошко, бывший учитель латинской и польской словесности в Витебской гимназии. Это был первый случай, когда во главе Могилевской гимназии стал человек, прежде не имевший к ней отношения и переведенный из другого учебного заведения.

В дальнейшем Могилевскую гимназию всегда возглавляли не уроженцы белорусских земель, а выходцы из внутренних губерний Российской империи, что объясняется проводившейся властями активной политикой русификации.

Необходимо отметить, что долгое время администрация гимназии, по сути, ограничивалась лишь одним директором. Лишь в 1828 г. была введена должность инспектора – помощника директора по учебной и воспитательной части, который стал вторым лицом в руководстве гимназии.

Становлению преподавательских коллективов губернских гимназий благоприятствовало то обстоятельство, что в 1804 г. были учреждены педагогические институты в Санкт-Петербурге, при университете в Москве, а затем – при Харьковском и Казанском университетах. Их целью являлось обеспечение губернских гимназий педагогическими кадрами. Тем не менее, подготовка квалифицированных педагогов продвигалась крайне медленно, их постоянно не хватало, и, например, в 1810-х гг. учителями в гимназиях становились не только окончившие педагогические институты, но также и семинаристы, воспитанники Киевской духовной академии, выпускники главных народных училищ, чиновники, отставные офицеры и прибывшие в империю иностранцы.

В штат гимназии по Уставу 1804 г. входили 8 преподавателей: учитель математики и физики; учитель истории, географии и

статистики; учитель философии, изящных наук и политэкономии; учитель естественной истории, «основ коммерции и технологии»; учитель латинского языка; учитель немецкого языка; учитель французского языка; учитель рисования. «Учителя наук» (первые 4 позиции в списке) назывались старшими, учителя языков и рисования – младшими. Преподавателей танцев, гимнастики и музыки могли набирать по желанию учеников и за их счет.

Следует особо отметить, что в Могилевской гимназии первоначально не предусматривалось преподавание русского языка и Закона Божьего, поскольку в нее принимались дети, получившие домашнее образование либо окончившие курсы уездных училищ, где уже изучались основы грамоты и христианского вероучения [1, с. 134–135; 9, с. 14].

Преподаватели и другие служащие гимназий назначались на должность только с разрешения попечителя учебного округа.

Первые учителя Могилевской гимназии имели специальную педагогическую подготовку, а по происхождению в своем большинстве были детьми священников [7, с. 95]. С опорой на доступные источники нами составлен список первых преподавателей Могилевской мужской гимназии (с 1808 г.) [2, с. 3–5; 10, с. 101–105]:

Старшие учителя:

– учитель математики и физики Иван Евстафьевич Любичанковский (род. ок. 1772 г.; уроженец Волынской губернии, выпускник Виленского университета; в гимназии преподавал с 1808 г.);

– учитель всеобщей истории, географии и статистики Григорий Львович Шимкович (род. ок. 1778 г.; уроженец Белицкого уезда; окончил Виленский университет, кандидат философии; в Могилеве с 1807 г. работал в главном народном училище, с 1808 г. – в гимназии); в 1816 г. его сменил уже упоминавшийся Ермолай Васильевич Гриневич (в главном народном училище – с 1795 г.);

– учитель философии, изящных наук и политической экономии Станислав Юрьевич Жуковский (уроженец Виленской губернии; в 1808 г. окончил Виленский университет, магистр философии; в гимназии преподавал с 1808 г.);

– учитель естественной истории, технологии и коммерции Иван Михайлович Касаткин (уроженец Москвы; в гимназии с 1808 г.).

Младшие учителя:

– учитель латинского языка Степан Юрьевич Рубович (уроженец Полоцкого уезда; преподавал в гимназии с 1808 г.);

– учитель немецкого языка Филипп Самуилович Бернацкий (род. ок. 1760 г.; уроженец Виленской губернии; обучался в Берлине и Франкфурте-на-Одере; в Могилеве с 1789 г. работал в главном народном училище, где преподавал польский и латинский языки; в гимназии – с 1808 г., старший учитель истории с 1817 г.);

– учитель французского языка иностранец Генрих Иванович Мейергоф;

– учитель рисования Александр Иванович Страхов (род. в 1788 г.; в гимназии работал с 1810 г., до него рисование по совместительству преподавал Г. Л. Шимкович).

В дальнейшем в ходе неоднократных преобразований и в связи с объективными потребностями штат педагогов и сотрудников гимназии постоянно расширялся. Так, в 1816 г. в штат были набраны учителя танца и фехтования [11, с. 13]. Воспитатели, законоучитель (преподаватель Закона Божия), врач и письмоводитель появились в гимназии значительно позже. В 1828 г. был учрежден педагогический совет.

Как видно из приведенных выше списков, первые преподаватели Могилевской гимназии имели хорошее образование, многие – ученые степени и большой стаж работы в главном народном училище. Это также контрастирует с типичной картиной провинциальных гимназий первой четверти XIX в., чьими недостатками являлись «нездоровый дух, случайность и низкая квалификация педагогов, частая смена преподавателей из-за низкой оплаты труда» [12, с. 69].

Именно первые преподаватели являлись авторами рукописи «Исторических известий, касающихся до губернской гимназии и училищ Могилевской губернии, подведомственных Императорскому Виленскому университету» – важнейшего источника по ранней истории гимназии [2]. Ее составителями были последовательно занимавшие должность учителя истории Г. Л. Шимкович, Е. В. Гриневич и Ф. С. Бернацкий.

9 октября 1810 г. в Могилеве случился ночной пожар. От огня едва не погибла библиотека гимназии, однако учитель математики И. Е. Любичанковский вместе с учителем истории Г. Л. Шимковичем, заведующим библиотекой, рискуя жизнью, спасли из охваченного огнем здания почти все книги и карты [2, с. 9–10].

Еще один пример мужества и патриотизма, проявленный учителем всеобщей истории, географии и статистики Г. Л. Шимковичем, связан с периодом французской оккупации Могилева в 1812 г. Когда стало ясно, что французы войдут в Могилев, он спрятал два поданных атласа Российской империи, и хотя его

дважды вызывали на допросы, он так и не отдал ценные книги французам [2, с. 17].

Среди преподавателей гимназии весьма примечательной личностью был Иван Евстафьевич Любичанковский (ок. 1772–1845). Это один из немногих учителей, чей весь жизненный путь мы можем в общих чертах проследить. Такая возможность представилась благодаря ученому из Лодзи (Польша) Кшиштофу Цвертневскому, который является потомком И. Любичанковского в пятом поколении. В 2007 г. он прислал в Могилевский областной краеведческий музей и автору настоящей статьи копию упоминавшихся выше «Исторических известий, касающихся до губернской гимназии...», а также свою работу, в которой исследуется история семьи Любичанковских и их потомков до середины XX в. [10].

Иван (Ян) Евстафьевич Любичанковский родился около 1772 г. в Волынской губернии. Учился на физическом факультете Виленского университета, получил степень кандидата философии. Педагогическую деятельность начал в 1798 г. преподавателем уездных училищ в Немирове и Бердичеве. В 1804 г. по собственной просьбе был назначен на должность учителя математики и физики в Мозырском уездном училище Минской губернии. 13 сентября 1808 г. направлен в Могилевскую гимназию, где работал до 1817 г. старшим учителем математики и физики. Его ученики показывали блестящие результаты во время итоговых экзаменов и инспекций гимназии. В январе 1815 г. Виленский университет присвоил ему степень доктора философии. В 1815–1817 гг. временно исполнял обязанности директора гимназии. С 1 сентября 1817 г. назначен смотрителем Мозырского уездного училища [2, с. 22–23, 39; 10, с. 102–104, 107].

В 1826 г. он был уволен из Мозырского училища, по-видимому, из-за проходивших там волнений среди учеников-католиков. В 1830 г. стал преподавать в училище в Новогрудке. После восстания 1830–1831 гг. семья Любичанковских, очевидно, подверглась преследованиям и была лишена дворянства, хотя сам И. Любичанковский в национальном движении участия не принимал. Зато его сын Бронислав, студент Виленского университета, состоял в патриотических тайных обществах [10, с. 109–110]. Умер И. Е. Любичанковский 7 февраля 1845 г. в имении Осовец под Речицей.

Сыновья Ивана Любичанковского породнились с семьями Солтанов и Хомских, а старший сын Оттон был женат на княгине Ванде Друцкой-Любецкой. По мужской линии род Любичанковских угас в первой трети XX в. [10, с. 107–109].

Заклучение

Таким образом, в начальный период существования Могилевской губернской мужской гимназии, охватывающий первую четверть XIX в., ее кадровый состав отвечал номенклатурным требованиям Устава гимназий 1804 г. Вместе с тем, в отличие от последующей эпохи, преподавателями и директорами гимназии являлись в основном лица, до того работавшие в главном губернском народном училище, на базе которого и была открыта гимназия. Такая ситуация с кадрами, несомненно, создавала благоприятные условия для существования гимназии, так как в ней работали люди, которые хорошо знали проблемы и потребности своего учебного заведения «изнутри».

С усилением репрессивной составляющей в политике имперских властей в 1830-х гг. все кандидаты на любые должности в гимназии проходили обязательную проверку на политическую «благонадежность» и замещались, как правило, выходцами из «великорусских губерний» для обеспечения быстрого и необратимого «обрусения» края. Гимназии, таким образом, как и система образования в целом, стали важными инструментами проведения великодержавной национальной политики.

СПИСОК ИСПОЛЬЗОВАННЫХ ИСТОЧНИКОВ

1. Материалы для истории и статистики наших гимназий // Журнал Министерства народного просвещения. – 1864. – Ч. СХХІ. – Отдел II. Официальные статьи и известия. – С. 129–171, 355–390, 493–571.
2. Исторические известия, касающиеся до губернской гимназии и училищ Могилевской губернии, подведомственных Императорскому Виленскому университету // Отдел рукописей Библиотеки Вильнюсского университета. – Archiwum Kuratorii Wileńskiej ks. Adama Czartoryskiego. – Rkps. F 2-KC 602. K/3. Kronika gymnasium Mohylewskiego z l. 1808–1822.
3. Устав учебных заведений, подведомых университетам, 5 ноября 1804 года // Сборник постановлений по Министерству народного просвещения. Т. 1. Царствование императора Александра I. – СПб. : Тип. В. С. Балашева, 1875. – С. 331–368.
4. Устав гимназий и училищ уездных и приходских, состоящих в ведомстве университетов Санкт-Петербургского, Московского, Казанского и Харьковского (8 декабря 1828 г.) // Сборник постановлений по Министерству народного просвещения. Т. 2. Царствование императора Николая I. 1825–1855 гг. Отделение 1. 1825–1839 гг. – СПб. : Тип. В. С. Балашева, 1875. – 1576 стб. – Стб. 200–257.

5. **Денисович, Т. Е.** Гимназия в пространстве провинциальной культуры : монография / Т. Е. Денисович. – Смоленск : Изд-во СмолГУ, 2011. – 108 с.

6. **Горючко, П. С.** Учителя Могилевской духовной семинарии: Биографические материалы для времени 1765–1808 годов / П. С. Горючко. – Могилев : Скоропечатня и литография Ш. Фридланда, 1904. – 50 с.

7. Исторический обзор деятельности Виленского учебного округа за первый период его существования, 1803–1832 гг. Ч. 1, отд. 3: Учебные заведения Витебской и Могилевской губерний в 1803–1832 гг. / сост. А. Белецкий. – Вильна : Типография А. Г. Сыркина, 1908. – 148 с.

8. **Левин, Ю. Д.** Русские переводчики XIX в. и развитие художественного перевода / Ю. Д. Левин. – Л. : Наука, 1985. – 299 с.

9. **Калинина, Е. А.** У истоков гимназического образования : провинциальные гимназии при Александре I / Е. А. Калинина // Вестник Волгоградского государственного университета. Серия 4. История. – 2011. – № 1 (19). – С. 13–17.

10. **Ćwiertniewski, K.** Z dziejów rodziny Lubiczankowskich. Przyczynek do losów Polaków na wschodzie Europy od schyłku XVIII do połowy XX wieku / K. Ćwiertniewski // Prace Komisji Wschodnioeuropejskiej. Tom IX / Pod redakcją A. Podrazy i H. Duć-Fajfer. – Kraków, 2004. – S. 101–136.

11. Историческая записка Могилевской мужской гимназии за столетний период ее существования. 1809–1909 / сост. М. П. Созонов. – Могилев : Губернская тип., 1909. – 213 с.

12. **Кандаурова, Т. Н.** Из истории провинциальной гимназии в России XIX века / Т. Н. Кандаурова // Педагогика. – 2001. – № 3. – С. 67–73

Поступила в редакцию 12.11.2024 г.

Контакты: biryukov@m.msu.by (Бирюков Алексей Викторович)

Biryukov A. V. FORMATION OF THE STAFF OF THE MOGILEV MEN'S GYMNASIUM IN THE FIRST QUARTER OF THE XIX CENTURY

The article regards the teaching staff and administration of the Mogilev Male Gymnasium in the first quarter of the XIX century. The issues of staffing with teachers and administrative officials in secondary educational institutions of Mogilev Governorate are studied in the context of the reform of the system of education undertaken in the Russian Empire in the early XIX century.

Keywords: Mogilev Governorate, educational system, gymnasium, educational district, personnel policy, Russification.

УЧАСТИЕ ВОЕННОГО ДУХОВЕНСТВА В ЭВАКУАЦИИ ТЕЛ ПАВШИХ ВОИНОВ С ПОЛЯ БОЯ ВО ВРЕМЯ ПЕРВОЙ МИРОВОЙ ВОЙНЫ

Э. В. Старостенко

кандидат исторических наук, доцент

Могилевский государственный университет имени А. А. Кулешова

В статье рассматривается участие православного военного духовенства в решении проблемы выноса тел павших воинов с поля боя в годы Первой мировой войны. В исследовании приводятся сведения о сложностях, с которыми сталкивались полковые священники, дана информация о предложениях, поступающих от священнослужителей для решения ситуации. Проанализирована попытка организовать духовно-санитарные отряды. В статье приводится информация об обсуждении проблемы на Втором Всероссийском съезде военного и морского духовенства.

Ключевые слова: православное военное духовенство, Первая мировая война, культовая деятельность, погребение, духовно-санитарные отряды.

Введение

Совершение погребений являлось одной из важнейших задач, возложенных на православное военное духовенство. В деятельности, так или иначе связанной со смертью военнослужащих (например, эвакуация тел погибших воинов, организация отпевания и погребения, поддержание порядка в местах захоронения, ведение метрических книг), священники сталкивались с различными сложностями. В статье рассматривается одна из них, а именно – проблема перемещения тел погибших воинов с поля боя и участие в ее решении православного военного духовенства. Источниковой базой исследования выступили архивные документы (фонды Российского государственного исторического архива (РГИА) и Российского государственного военно-исторического архива (РГВИА)) и материалы периодической печати.

Основная часть

Согласно инструкции полковым священникам (21 июля 1914 г.) во время боя и по окончании его священники должны были заботиться о том, чтобы убитые не оставались без погребения [1, с. 4]. Однако в годы войны было немало случаев как погребений без священников, так и несвоевременной уборки трупов с

поля боя [2, л. 1 об.]. Для выноса тел павших в сражении воинов привлекались санитарные команды, местные жители, музыканты и иные специально назначенные чины полков [3, с. 134-136; 4, с. 177]. Однако санитарные отряды могли не успевать выполнять возложенные обязанности, местное население далеко не всегда оказывалось в зоне ведения боев, военное начальство порой не имело возможности предоставить рабочие руки. Со своей стороны, полковые священники в годы войны прилагали усилия для решения проблемы, чаще всего путем поиска людей, которые бы занимались сбором тел, их перемещением к месту погребения, копанием могил, изготовлением крестов и прочим.

В сообщениях военных священников нередко встречается информация о сложностях организации сбора тел с поля боя. Например, последствием сентябрьских боев под Опатовым стали крупные потери в гвардейской стрелковой бригаде. После отступления противника военные священники 3-го и 4-го стрелковых лейб-гвардейских полков были отправлены на организацию погребения павших воинов: «Трудная задача выпала на их долю. В г. Опатове наблюдалась холера, трупы погребенных начали разлагаться, могилы были разбросаны на десятки верст, рабочих и лошадей после бывших накануне под г. Опатовым боев не находилось» (1914 г.) [5, с. 794]. Результатом проведенной работы стало погребение в братской могиле 517 чинов гвардейской стрелковой бригады.

Священник М. Щербаков в «Письмах из действующей армии» рассказывал, что за пять месяцев службы ему не удалось наладить дело погребения павших в бою воинов: «Иногда бывает так, что на душе остается горькое сознание невыполненного долга, невыполненного иногда в силу физической невозможности, иногда по неопытности, по неумению привлечь к делу помощников, а иногда потому, что те, от кого ждешь помощи и имеешь права ее ждать, ставят тебе преграды. “Убитых хоронит

батюшка», так думает начальство. «Батюшка похоронит, а как – он сам знает, и нам до этого нет дела»» [3, с. 133].

Проблем добавляли сложные ландшафтные и погодные условия. Например, непростая обстановка для организации перемещения тел погибших была в горных районах Галиции. Благочинный 13-й пехотной дивизии И. Голубев принимал участие в сборе тел и оказании помощи раненым в горной местности. Он выпросил у командира полка резервную роту и команду разведчиков: «Целый день вытаскивали из чащи лесной и стаскивали с крутиз горных умерших... и не сносили их на носилках, ибо это было невозможно – в зарослях, прямо на ремнях и веревках стаскивали по снегу к полянкам на склонах гор, где с великим трудом вырыли шесть братских могил, уложили чинно рядами в них моих славных героев-друзей» (письмо от 30 декабря 1914 г.) [6, л. 214-214 об.]. В пяти могилах было похоронено 190 человек, а в шестой и в неприятельских окопах закопали погибших австрийцев.

Известно о гибели военных священников во время перемещения тел с поля боя: в сообщении штаба Верховного главнокомандующего от 28 января 1916 г. говорилось, что на юго-востоке от Залещиков (граница Галиции и Буковины) погиб священник А. Язловецкий, с крестом в руках подбиравший убитых и раненых у проволочных заграждений противника [7, с. 142]. По другим данным, фамилия священника Язловский, он погиб 25 января 1916 г. у селения Глиница [8, с. 187-188].

Помимо поиска помощников от случая к случаю, военные священники искали меры, которые носили бы постоянный характер. В их числе – организация при содействии военного начальства специальных команд для выноса раненых и погибших (нередко формируемых из числа певчих), находящихся в подчинении пастыря. Так, в 49-й пехотной дивизии во всех частях были сформированы команды певчих, на которые, помимо хора, были возложены обязанности санитаров: находясь непосредственно в распоряжении священника, они выносили из боя раненых и убитых, следили, чтобы другие санитары не оставались на перевязочном пункте больше, чем требовалось (9 сентября 1916 г.) [9, л. 222]. Благочинный 6-й пехотной дивизии Н. Переверзев предлагал собранию духовенства 1-й армии выделить певчих в отдельную команду и причислить ее в состав команды сборщиков оружия (18 января 1917 г.). Она должна была состоять из 17 человек, под-

чиняться заведующему оружием, но находиться в ведении полкового священника. На нее возлагались многочисленные обязанности: пение в церкви, устройство церквей и кладбищ, рытье и отделка могил, изготовление крестов и надгробных надписей. Во время боя певчие должны были находиться со священником, приносить с поля боя раненых, делать перевязки, собирать оружие, а после боя убирать тела, рыть с санитарями могилы и хоронить убитых. Такая практика сложилась в 23-м Низовском пехотном полку, где Н. Переверзев служил полковым священником [10, л. 33-33 об.]. Однако собрание отказалось инициировать организацию отрядов ввиду трудности введения их в штат полка: вместо этого было предложено на местах договариваться с воинским начальством.

Осенью 1916 г. о существующих сложностях узнала императрица Александра Федоровна. 7 сентября 1916 г. Г. И. Шавельский писал обер-прокурору Синода, что она предложила на средства богатых монастырей ряда епархий образовать из иеромонахов и послушников духовно-санитарный отряд, который принял бы на себя труд уборки на полях сражений раненых и убитых и погребения последних по христианскому обряду [2, л. 1 об.]. Протопресвитер поддержал предложение. Он писал обер-прокурору, что в армии бывает немало случаев как несвоевременной уборки трупов, так и погребений без священника: несмотря на то, что в годы войны обеспеченность священниками в армии увеличилась в огромной степени, однако разбросанность частей, обстановка боя и другие обстоятельства нередко лишали пастыря возможности поспевать всюду, не говоря уже о потерях в рядах самого духовенства (болезни, ранения, смерть). Он также обращал внимание обер-прокурора на тот факт, что в боевой линии работало большое количество передовых санитарных отрядов от земских и иных организаций, не имеющих священников: в таких условиях «во время боя каждый лишний священник найдет огромный простор для применения своих сил для пастырского труда» [2, л. 1]. То же касалось и помощи физического характера: во время боя, когда дорог каждый лишний боец, монахи или послушники, приняв на себя обязанности санитаров, принесли бы пользу воинским частям [2, л. 1].

Синод поддержал предложение и обратился к епархиям указами от 17 сентября и 4 октября 1916 г. с поручением подобрать кандидатов и выделить финансирование [2, л. 5-5 об, 6-6 об.]. Согласно указам Синода, предлагалось

отобрать кандидатов из Московской, Владимирской, Калужской, Тульской, Тамбовской, Вологодской, Воронежской, Вятской, Екатеринбургской, Иркутской, Казанской, Кишиневской, Киевской, Костромской, Курской, Нижегородской, Орловской, Петроградской, Подольской, Симбирской, Таврической, Тверской, Харьковской и Ярославской епархий. Не все епархии ответили на призыв: на февраль 1917 г. ни кандидатов, ни деньги не прислали Московская, Владимирская, Иркутская, Казанская, Костромская, Петроградская и Харьковская епархии. Нашли кандидатов, но не сообщили о выделении средств Тверская, Орловская, Таврическая и Симбирская епархии. Только деньги обещали прислать Тульская и Вятская епархии. В монастырях Тульской епархии не нашлось монашествующих лиц, которых можно было бы командировать в армию, а кандидаты из Вятской не могли быть призваны «по своим умственным и нравственным качествам» [2, л. 28, 81].

Духовно-санитарным отрядам поручалось делать перевязки, убирать с полей сражений раненых и убитых, копать могилы, напутствовать умирающих и хоронить погибших. Отметим, что допускалось временно направлять входящих в отряды иеромонахов для требов исправления в воинские части и организации, в которых не полагалось священников [2, л. 98].

Возник вопрос о том, в чье распоряжение следует направить эти отряды. Главный священник армий Северного фронта рапортом от 25 ноября 1916 г. внес следующее предложение: предоставить отряды в распоряжение начальников санитарных отделов армий, в ведении которых находились все санитарные учреждения, обслуживающие нужды передового фронта. В этом случае они могли бы распределять отряды по корпусам, придавая их передовым летучкам разных организаций, приемникам для раненых, питательным пунктам [2, л. 65-65 об.]. Решением протопресвитера эта информация была доведена до главных священников. Кроме этого, Г. И. Шавельский рекомендовал до отправления духовно-санитарных отрядов к месту назначения прикомандировать их к резерву санитаров при управлении начальника санитарной части армий фронта для подготовки к санитарному делу [2, л. 98; 11, л. 2 об.].

По данным на февраль 1917 г. для организации духовно-санитарных отрядов в распоряжение протопресвитера было отправлено 121 духовное лицо: 66 иеромонахов, 13 иеродиаконов, 28 монахов, 14 послушников [2, л. 87].

Установлено их распределение по фронтам: на Северный фронт было решено отправить 14 иеромонахов, 1 иеродиакона, 3 монахов, 6 послушников (24 человека); на Западный 9 иеромонахов, 3 иеродиакона, 8 монахов и 4 послушника (24 человека); на Юго-Западный 19 иеромонахов, 5 иеродиаконов, 4 монаха (28 человек), на Румынский фронт 24 иеромонаха, 4 иеродиакона, 13 монахов и 4 послушника (45 человек) [2, л. 90, 97 об. - 100].

Добровольцы должны были быть по возможности просвещенными, безукоризненными по поведению, благоговейными и мужественными. Отметим, что не обо всех кандидатах были предоставлены полные сведения: исходя только из сообщенных епархиями данных, большинство кандидатов были хорошего поведения и способными [2]. Что же касается просвещенности, то, по имеющимся сведениям, среди кандидатов были получившие образование дома, в приходской или сельской школах, в начальных и духовных училищах. Один из иеродиаконов из Тамбовской епархии не только учился в сельской школе, но также прошел обучение фельдшерскому искусству во время военной службы [2, л. 42-61].

Учитывая, что на духовно-санитарные отряды предполагалось возложить работу физического характера, имели значение возраст и физическое состояние кандидатов. К сожалению, епархии не предоставили данные обо всех кандидатах, потому автору удалось установить возраст лишь 51 [2]. На основе только этих данных посчитано, что их средний возраст составил 39,9 лет, при этом самому молодому было 25 лет (послушник), а самому возрастному – 60 лет (монах). Кандидатуру 70-летнего иеромонаха-добровольца из Воронежской епархии отклонили еще в самой консистории, поэтому он не был включен в списки и подсчеты.

Интерес представляет вопрос финансирования этих отрядов. Средства на их содержание должны были предоставить епархии. В поступавшей протопресвитеру информации мы встречаем разные суммы, что связано с финансовыми возможностями епархий. Общая сумма, выделенная духовными консисториями, по данным на февраль 1917 г., была следующей: 32 336 рублей 40 копеек единовременно, 1366 рублей ежегодно, и 2407 рублей 20 копеек ежемесячно [2, л. 87]. Протопресвитер решил, что в месяц иеромонах будет получать 70, иеродиакон 60, монах 50, послушник 40 рублей [11, л. 2].

Реализация данной инициативы не изменила существенно ситуацию на фронте. Главной проблемой стала сложность финансирования отрядов. Не всем епархиям было по средствам содержать своих кандидатов. Так, в апреле 1917 г. Ярославская духовная консистория сообщила, что при нынешней дороговизне жизни монастыри епархии не могут финансировать восьмерых монашествующих по той квоте, которую установил протопресвитер: в ответ было предложено ограничиться отправкой одного вместо восьми [2, л. 101]. 30 мая 1917 г. иеромонах Даниил, командированный в перевязочный отряд 6-й стрелковой дивизии, сообщал о нехватке средств и неполучении пайка для военнослужащих [2, л. 119]. Священник при передовом перевязочном отряде Кавказской гренадерской дивизии иеромонах Тимон 14 ноября 1917 г. писал о невозможности продолжать деятельность из-за нехватки средств (Западный фронт): «Мне ежемесячно отпускается по 70 рублей, а послушнику – по 40 рублей, жить нам приходится всецело только на эти свои средства, коих при нынешней из дня в день возрастающей дороговизне для мало-мальски сносного существования, при всей возможной экономии, недостаточно» [11, л. 31-31об., 34]. Было решено отправить его и послушника обратно в епархию. Главный священник Румынского фронта протоиерей П. Лепорский 7 июня 1917 г. сообщал протопресвитеру, что многие из монашествующих лиц духовно-санитарного отряда Румынского фронта жалуются на неполучение содержания от своего епархиального начальства [2, л. 118].

Не согласны содержать духовно-санитарные отряды были и сами военнослужащие, которые после Февральской революции получили возможность свободно выражать свое мнение и принимать решения. Так, в мае 1917 г. ротный комитет перевязочного отряда 7-й Сибирской стрелковой дивизии нашел пребывание двух монашествующих лиц (иеромонаха Варсиса и монаха Андроника) излишним (как не несущих никакой службы и работы и вследствие приказов об удалении лишних ротных ввиду затруднительности подвоза продовольствия) [11, л. 29-29 об.]. В ноябре 1917 г. главный священник Румынского фронта телеграфировал протопресвитеру о необходимости распустить санитаров-монахов Кишиневской епархии ввиду отказа духовного комитета платить им содержание [12, л. 294].

Встречается информация об увольнении ввиду слабости здоровья отдельных лиц. На-

пример, вышеупомянутый иеромонах Варсис, иеромонах Артемий, прикомандированный к 3-й летучке 26-го передового отряда ВЗС, иеромонах Виктор Астапов, поступивший на обучение в перевязочный отряд 62-й пехотной дивизии [11, л. 28, 30, 32]. Интересно, что в рапорте главного священника армий Румынского фронта от 7 июня 1917 г. было сказано, что главные врачи учреждений, к которым прикомандированы духовно-санитарные отряды, охотно подтверждают ходатайства об увольнении под предлогом болезни и старческой немощи [2, л. 118 об.].

Проблема обсуждалась на Втором Всероссийском съезде военного и морского духовенства в июле 1917 г. [13, с. 102-104]. В докладе священника И. Яструбецкого было озвучено, что полковой священник испытывает огромные затруднения в организации погребения убитых: «Даже в периоды некоторого затишья при позиционной войне священнику нередко в течение иногда многих часов приходится ходить к начальникам команд полка и выпрашивать рабочих для погребения одного-двух убитых. А при маневренной войне дело обстоит еще хуже... Идет бой. Все, что только есть в полку, хоть немного не занятого боем, все это мобилизовано для своевременной подноски и эвакуации раненых... Найти в такое время людей для погребения убитых – это невозможное дело. А на утро полк ушел уже верст на 20 вперед, преследуя отступающего противника. И за полком двинулось все, что принадлежит полку... И лишь священник с церковником остается среди десятков, порой сотен убитых, своих и чужих, на пространстве десятка иногда квадратных верст, разбросанных посреди полевых, либо по оврагам и перелескам» [14, л. 99]. По мнению докладчика, проблема сложилась потому, что в штатах пехотных полков не были указаны лица, обязанностью которых является рытье могил, изготовление гробов и крестов. Докладчик предлагал выделить команду певчих в количестве 16 человек, которая бы составила хор, осуществляла погребение павших воинов и подчинялась исключительно священнику. Съезд большинством голосов поддержал доклад и постановил просить протопресвитера возбудить перед Верховным главнокомандующим ходатайство о выделении в подчинение священника команды певчих (12–16 человек) до конца войны [14, л. 97]. В архивных документах автору не удалось обнаружить информацию о реализации данного решения съезда.

Заключение

Проанализированные данные позволяют сделать вывод о том, что на протяжении всей Первой мировой войны сохранялась проблема несвоевременной уборки тел с поля боя, имели место сложности с поиском рабочих рук для организации выноса и предания земле павших воинов. Это обуславливалось ходом боевых действий, особенностями погоды и ландшафта (болота, горы), острой нехваткой рабочих рук, иногда неготовностью воинского начальства или местной администрации оказать помощь. Православные военные священники сообщали о том, как те или иные обстоятельства сказывались на осуществлении погребений, писали о предпринимаемых ими мерах по решению возникающих проблем (например, о выделении специальных команд в распоряжение священников). Нерешенность ситуации привела к вмешательству в дело осенью 1916 г. императрицы, в результате чего были организованы духовно-санитарные отряды из послушников, монахов, иеромонахов и иеродиаконов, призванных в добровольном порядке из епархий империи. Данная инициатива, ввиду сложившихся в 1917 г. обстоятельств, не внесла заметных изменений в ситуацию. Также не было реализовано на практике решение Второго Всероссийского съезда военного и морского духовенства об организации в полках команд певчих, которые подчинялись бы священнику и, помимо прочих обязанностей, выполняли работы, связанные с погребением тел воинов.

СПИСОК ИСПОЛЬЗОВАННЫХ ИСТОЧНИКОВ

1. Руководственные указания духовенству действующей армии. – 3-е изд. – М. : Тип. Штаба Моск. воен. окр., 1916. – 56 с.
2. Российский государственный исторический архив (РГИА). – Ф. 806. Оп. 5. Д. 10009.
3. **Щербаков, М.** Письма из действующей армии / М. Щербаков // Вестник военного и морского духовенства. – 1915. – № 5. – С. 133–138.
4. **Щербаков, М.** Письма из действующей армии / М. Щербаков // Вестник военного и морского духовенства. – 1915. – № 6. – С. 176–180.

5. Братская могила под г. Опатовым // Вестник военного и морского духовенства. – 1914. – № 23. – С. 794–795.

6. РГИА. – Ф. 806. Оп. 5. Д. 9749 А.

7. Пастырь-герой // Вестник военного и морского духовенства. – 1916. – № 5. – С. 142.

8. Подвиг священников N-й Кубанской пластунской бригады С. Тихомирова и А. Язловского // Вестник военного и морского духовенства. – 1916. – № 6. – С. 187–190.

9. РГИА. – Ф. 806. Оп. 5. Д. 10026 Г.

10. Российский государственный военно-исторический архив. – Ф. 2044. Оп. 1. Д. 23.

11. РГИА. – Ф. 806. Оп. 5. Д. 10316.

12. РГИА. – Ф. 806. Оп. 5. Д. 10306 Ж.

13. **Старостенко, Э. В.** Второй Всероссийский съезд военного и морского духовенства : монография / Э. В. Старостенко. – Могилев : МГУ имени А. А. Кулешова, 2022. – 196 с. : ил.

14. РГИА. – Ф. 806. Оп. 5. Д. 10140 Б.

Поступила в редакцию 15.10.2024 г.

Контакты: eleonorastarostenko@mail.ru (Старостенко Элеонора Викторовна)

Starostenko E. V. PARTICIPATION OF MILITARY CLERGY IN THE EVACUATION OF THE BODIES OF FALLEN SOLDIERS FROM THE BATTLEFIELD DURING WORLD WAR I

The article examines the participation of the Orthodox military clergy in solving the problem of removing the bodies of fallen soldiers from the battlefield during World War I. The study provides information about the difficulties that regimental priests faced, and highlights the proposals received from the clergy to resolve the situation. An attempt to organize spiritual and sanitary detachments is analyzed. The article informs about the discussion of the problem at the Second All-Russian Congress of Military and Naval Clergy.

Keywords: orthodox military clergy, World War I, religious activities, burial, spiritual and sanitary detachments.

УДК 94 (476)

THE CRISIS IN MILITARY CENSORSHIP IN JULY – OCTOBER 1917 ¹

... like a mountain shaken by an earthquake
(About Russia from military censorship materials)

A. P. Tsumarava

Candidate of Historical Sciences, Associate Professor,
Head of the Department of Humanitarian Disciplines
Interstate educational institution of higher education
“Belarusian-Russian University”
doctoral student
Mogilev State A. Kuleshov University

The study of censorship activity is relevant because today politics is filled with technologies, but the techniques and methods for creating the desired image were developed and widely used back in 1917 in connection with the events of World War I and the situation of dual power and the political crisis in Russia. These means were instruments of waging war and achieving power. It was concluded that military censorship in 1917 was unable to counter disinformation, and in responding to challenges it lagged behind the rapidly changing situation. The understanding of the deployment of Bolshevik propaganda as a threat by both the Provisional Government and the Soviets was belated.

Key words: censorship, a proclamation, press, a newspaper, a leaflet, the Pavlovsky Regiment, Bolsheviks, the court of honor.

Introduction

The article examines the manifestations of dual power in the press of 1917, attempts to establish censorship frameworks for understanding the positive and negative consequences of information printed and distributed among soldiers. Based on military censorship reports, dangerous challenges caused by Bolshevik propaganda were identified.

The purpose of the study is to analyze the manifestations of the crisis in the information sphere and evidences of the disintegration of the army under the influence of Bolshevik propaganda.

The study is based on the materials of

the Russian State Military Historical Archive (RSMA), many sources are put into circulation for the first time.

The study uses the methods of semantic analysis of the text, content analysis of the text.

This article does not touch upon the topics of L. G. Kornilov's speech, the reign of A. F. Kerensky, the problems of organizing and holding the Constituent Assembly, since these issues require independent research.

In the review of historiography, we note that a number of studies on the topic of the press and censorship during the First World War were carried out by the historian D. G. Guzhva. He proved that in the conditions of the changing military-political situation in 1917, the struggle of the organs and means of the military press for the army was clearly manifested. Among the problems of policy in the information sphere, the researcher highlighted the inability of the military authorities to organize the work of correspondents, the concealment of information from the front and the use of the thesis on military secrecy in order to stop the discussion of particular failures [1, pp. 51-53; 2, pp. 35-36].

M. M. Smolyaninov, while studying the topic of the events of the First World War on the territory of Belarus, touched upon the activities of the authorities in the sphere of press management. Military censorship and military laws on the press were proved to have become stricter since the summer of 1917, which, however, did not lead to the normalization of this sphere [3, pp. 114-116]. The historian of the press A. A. Okuneva present-

¹ The article was written within the research work “Political parties and the transformation of state power institutions on the territory of Belarus in the first third of the 20th century” carried out by the State Scientific Research Institute “Society and Humanitarian Security of the Belarusian State” (2021 - 2025), state registration number 20211117.

© Tsumarava A. P., 2025

ed an analysis of the legislation in the sphere of censorship of the studied period, analyzed the responsibility of publications for violating the law [4, pp. 69-70]. The alignment of political forces and the periodical press was revealed by R.P. Ovsepyan, who included primarily the bourgeois press, the press of the Mensheviks and other socialist parties in the structure of political camps, separately singled out the press of the Bolsheviks [5]. The researcher D. E. Tsykalov studied caricature among the tools of propaganda, highlighting its particular effectiveness and focus on the illiterate reader. The historian came to the conclusion that caricature significantly influenced the creation of mass ideas in Russia, England, Germany [6]. The author of this article has examined the activities of military censorship in the sphere of perustration of letters highlighting the subject matter of letters that were censored [7]. It should be noted that the topic of the manifestation of the crisis in the information sphere and in the army in July-October 1917 is of great interest to scientists. However, according to the materials of military censorship reports and from the point of view of understanding the crisis, it requires further study.

Main Body

Freedom of speech in 1917 was a gain of the February Revolution, and freedom of the press was perceived, among other things, as a ban on censorship.

New conditions for the activities of censorship were created by the laws, in which the dual power manifested itself. On March 3, 1917, the Provisional Government secured freedom of the press. Among the decisions of the second branch of power – the Executive Committee of the Petrograd Soviet – the resolution of March 10, 1917 was of great importance, stating that “all publications may henceforth be published without the prior sanction of the Executive Committee”. On April 27, 1917, the Provisional Government adopted a resolution “on the press”, and civil censorship was effectively closed. Further, in the sphere of the army press, as a reflection of dual power in the country and in the army, a decision was made that in addition to the front headquarters, the Executive Committee of the Council of Soldiers’ Deputies was a co-founder of newspapers [2, pp. 36-40]. Over time, the conditions for publishing army and frontline newspapers became more favorable for the expansion of social-revolutionary, Bolshevik propaganda on a legal basis, since from August 1917 newspapers began to be published on behalf of army committees. On Au-

gust 8, 1917 the authorities made an attempt to intensify the activities of military censorship and establish censorship frameworks through the decree “On special military censorship of the press” [8, p. 83-85].

From our point of view, the legislation created unfavorable conditions for the functioning of the censorship sphere, putting it in a more dependent and vulnerable position, and made it difficult to counter propaganda in the army. In order to close a newspaper that worked for propaganda, it was necessary to make a fairly significant effort, create a commission, present a reasoned assessment of the texts, conduct lengthy correspondence, respond to the editorial objection and resist the discontent of soldier-readers when closing.

In terms of analyzing technologies in politics, it can be said that during the reign of Nicholas II and then the Provisional Government, they didn’t set up a team of professionals who could develop countermeasures to propaganda, create a competitive image of power, popularize the values necessary to confront the challenges of the time and spread them, above all, among armed soldiers. During the crisis of 1917, significant damage was done to the idea of “war to a victorious end”, support for the February Revolution in opposition to the aspirations of the Bolsheviks, and to the need to unite the army and the rear. In the information sphere, the Soviets themselves did not realize the need to establish a framework, at least for a certain period, to overcome negative propaganda, because then the left parties were ousted by the Bolsheviks in the Soviets. The authorities did not have enough time to understand the processes that were taking place, to analyze them. The subjective problem of this process was the lack of trained personnel.

Censorship opinion on the political crisis. A special place in the manifestation of the political crisis belongs to the speech of A.F. Kerensky in the State Duma on February 15, 1917. He spoke as a representative of democracy, criticizing the government in harsh terms and even insults, calling it “irresponsible” and “worthless.” The politician blamed “Rasputin’s autocracy” for the public opinion that the government and the “shadow people” who came and went from ministerial posts were largely to blame for the crisis [9, p. 1347].

Many political forces were cautious about this speech. The censorship reports expressed concern that A. F. Kerensky’s scandal in the State Duma would play into Germany’s hands. The prospect was that if the socialist parties in Russia

achieved scandals, then Russia would be weakened for many years. The censorship supported the wish to the press: it was necessary not to irritate the people, but to instill confidence in the government and eliminate everything that violated civil peace [10, p. 32].

The initial requirement of the censorship was to stop the politicization of the front and army press. In a number of reports of military censorship, the fact of the penetration of political programs and sentiments from the rear territories into the army was described as the most threatening to the army, contributing to its demoralization.

In 1917, there was a mass distribution of political soldier leaflets and such means of agitation as public speeches of propagandists in the army. A proclamation was an agitational leaflet with brief information, a slogan or a caricature. These forms made it possible to convey information and appeals to an audience of soldiers in a short time, which favorably distinguished them from official publications. Bolshevik proclamations, unlike the official press, wrote about real political and social problems, which aroused the confidence of the reader, and then the leaflets created the required public opinion. The Bolshevik press worked to create a conviction among soldiers that moderate press organs and the people reading them were "bourgeois and counter-revolutionary" [10, p. 110].

Many proclamations were created on behalf of soldiers. For example, the proclamation "Who is to blame?", The author is a soldier. First of all, the question was: who is to blame that the Germans are breaking through the front "wherever they want"? Newspapers everywhere blamed "us, old soldiers" for failures and that the troops "forgot their duty". Further, one can see in the structure of the proclamation the methods of setting soldiers against officers and generals: "the generals say this", but it is "not true". According to the author, the reason was that the Russian army did not have enough ammunition. The proclamation is aimed at deepening the confrontation between soldiers and officers within the army, which can be seen in the statement: "our officers are either hiding themselves or getting lost" [10, p. 135-136].

The analysis of military censorship reports demonstrates the development of the degradation of the army, the growth of contradictions between soldiers and officers, it characterizes the inconsistent position of the high command, which can be described as "flirting" with soldiers propagandized by the Bolsheviks. Similar facts are

evidenced by the materials of the courts of honor in the army. Let us consider the materials of one court of honor, which took place in the famous Pavlovsky Guards Regiment and revealed the disintegration of the army. This regiment fought in the direction that became a symbol of the failures of the Russian army near Tarnopol in July 1917.

The materials of the court of honor testified that in April 1917 the propaganda of Bolshevism in the Pavlovsky regiment was growing. Under the cover of slogans, the most "base instincts" of the crowd gained strength. The already shaken "military discipline fell", as well as the authority of the command staff. The attitude of soldiers towards the officers sharply worsened. As a result, the soldiers arbitrarily deprived officers of the right to representation in the regimental committee, declaring themselves the Council of Soldiers' Deputies of the regiment. In all official and private communications, the soldiers sought to show the officers that they "did not respect them" and tolerated them as an "inevitable evil", and the officers personally had to take part in the dirty work of strengthening "completely unequipped" positions. We made a conclusion that with the official abolition of external discipline, not only "internal conscious" discipline failed to be created, but even the minimal "manifestations of decency" disappeared. If soldiers did not consider failure to obey an order to be treason, they "almost always" did not obey it. Officers constantly heard "foul language" and threats of arrest addressed to them. When the regiment stood in the forest at an important line near Biala-Tarnopol, the officers' lives were threatened by "armed reprisals", and only the regiment commander N. Titovich, who constantly called on the soldiers to fraternal unity, disarmed the "obvious anger of the masses". The decline in discipline was directly related to the decline in combat effectiveness. Thus, we first observe balancing, and then the collapse of the regiment into the absence of discipline and combat effectiveness.

Because of the established relations, the question of disbanding the regiment arose. This greatly influenced the rethinking of the situation, since it was a disgrace for the military. Colonel A. V. Potocky asked in his report not to disband the regiment, and the soldiers completed their combat mission. The soldiers were also influenced by the commanders' proposal to follow the officers only for those who "did not want to be traitors" [11, p. 17-19]. Many soldiers wanted to restore "their good name."

Soon, on July 3, an order came to leave the

position to the rear in order to remove the “harmful element” that was interfering with its combat capability, and then return to the Biala-Tarnopol area on July 11. However, such measures should have been carried out over a longer period and with more decisive measures. At the meeting of colonel N. N. Salamanov and battalion commanders, it was decided to change the composition of the regiment at the end of training. However, the higher authorities decided to visit the regiment on the second day after arriving in the village of Velikiy Rakovets. As a result of this decision, the moment for removing undesirable was chosen unsuccessfully. There were 146 such people, and when the mass of soldiers learned of their removal, they became agitated again and the discontent reached “extreme limits”. The agitators took advantage of the situation and “spoke loudly” against the officers. The regimental council declared that there were no soldiers in the regiment who were detrimental to combat readiness and gave its sanction for non-fulfillment of the order to remove people on the list. At that time, the corps commander arrived at the regiment and proposed that both sides should reconcile through mutual concessions. He played along with the soldiers, showing that the demand to fulfill the commander’s instructions was not at all “due to necessity”, but was based on the stubbornness and ill will of the officers towards the soldiers. As a result, according to the case materials, the court of honor declared that “there was no possibility” of building any bridge between the officers and the representatives of the company committees. The case materials contain a record that with his speech the commander destroyed the living conditions in the regiment within three days, that had been created in three months of officer work [11, p. 2-8].

The military censorship connected the “Bolshevik speech” in October 1917 and the danger of the dissolution of the Constituent Assembly and the deepening of the political crisis. The censorship supported the opinion that the real revolution was the February Revolution, and after the “Bolshevik speech” in October 1917 came the “bitter feeling” of the danger to which “the homeland and the revolution” were exposed [12, p. 72]. The military leadership and censorship wrote that the Bolshevik uprising had spread across the country like “cold smoke”, and the prospect of anarchy, civil war and German offensive had become apparent. At the same time, the government, the army and society did not have “state-clear” and precise plans, “bold and quick” decisions. The society, political sphere and army disintegrated into

“small, powerless” parts [12, p. 73].

The only salvation for society was said to be the need to forget “millions of disagreements” and unite to fight external and internal challenges. It was proposed to immediately begin creating a revolutionary government and ensure the work of the Constituent Assembly [12, p. 73].

The newspaper “Voice of the Front” No. 48, 50, 1917 expressed the opinion that the Bolsheviks, with their actions, had created a “favorable moment” for Wilhelm to attack. The article states that in Russia an opinion about the Bolshevik political movement has been artificially created, inflated by “false slogans.” The revolution is not a plan of a handful of conspirators, but the fruit of a historical process. An article in the newspaper “Front” was one of such assessments, stating that the Bolshevik uprising in Petrograd could not be recognized as a popular movement, because there could not be a dictatorship of “only one” part of democracy [12, p. 74]. In the February Revolution, the people rose up against the autocracy and were united by one idea. This cannot be said about the Bolshevik uprising. The fact that the crowd joining the Bolsheviks was already numerically larger in places than those who were against their “coup” was described as a dangerous situation. The Bolshevik uprising was regarded as an adventure of “a few ambitious people” who took advantage of the consciousness of the “dark, tired masses” who, with “fiery words” about peace, bread and rest, drew the people to their side [12, p. 73].

The newspaper “Voice of the 10th Army” in issue No. 91 in the article “Terrible Moment” testified that the Bolshevik uprising turned in places into pogroms and robberies. The Bolsheviks’ calls for peace were criticized by explaining that fraternization with the enemy and withdrawal from positions is not peace. There was a fear that in this way the Bolsheviks could only stop shooting at the front and open the way for the enemy deep into the country.

The general objective, which can be traced in the collections of articles and reports of the military-political departments, was a call for the entire democracy and the entire army to unite and take up arms to save the motherland in the “deadly hour”, and to interrupt the Bolsheviks’ rise to power. The review was compiled by November 1, 1917 [12, p. 73].

Conclusion

In the conditions of wartime, dual power, Bolshevikization of the Soviets, abolition of civil

censorship the authorities were unable to maintain the boundaries of the information sphere, beyond which printed information had a destructive effect. Negative factors emerged that contributed to the politicization and disintegration of the army. From our point of view, the authorities underestimated the importance of the information sphere, made incorrect decisions that contributed to disinformation. The statements of various political forces with accusations of contributing to the development of the crisis and shifting blame and responsibility to each other are the manifestation of the political crisis.

LIST OF REFERENCES

1. *Гужва, Д. Г.* Военная периодическая печать русской армии в годы Первой мировой войны 1914–1918 гг. : монография / Д. Г. Гужва. – Новосибирск : Новосибирское высшее командное училище, 2009. – 168 с.
2. *Гужва, Д. Г.* Русская военная печать в годы Первой мировой войны / Д. Г. Гужва // Военно-исторический журнал. – 2007. – № 12. – С. 37–41.
3. *Смолянинов, М. М.* Беларусь в Первой мировой войне 1914–1918 гг. / М. М. Смолянинов. – 2-е изд., доп. – Минск : Беларуская навука, 2018. – 490, [2] с.
4. *Окунева, А. А.* Правовая политика временного правительства в области цензуры (март-октябрь 1917 г.) / А. А. Окунева // История книги и цензуры в России: Вторые Блюмовские чтения: материалы II Международной научной конференции, посвященной памяти Арлена Викторовича Блюма (30.03.1933–04.06.2011), 21–22 мая 2013 г. / редкол.: М. В. Зеленов (науч. ред.), В. В. Мамонов. – Санкт-Петербург : Ленинградский государственный университет, 2014. – С. 68–80.
5. *Овсепян, Р. П.* История новейшей отечественной журналистики (февр. 1917 – нач. 90-х гг.) / Р. П. Овсепян. – М. : Изд-во Моск. ун-та, 1996. – С. 9–10.
6. *Цыкалов, Д. Е.* Карикатура как орудие пропаганды в период Первой мировой войны / Д. Е. Цыкалов // Вестник Волгоградского государственного университета. Серия 4. История. Регионоведение. Международные отношения. – 2012. – № 1. – С. 85–90.
7. *Цумарева, Е. П.* О деятельности военной цензуры Российской империи в сфере перлюстрации писем во время Первой мировой войны / Е. П. Цумарева // Вестник РГГУ. Серия «Евразийские исследования. История. Политология. Международные отношения». –

2024. – № 2. – С. 71–86.

8. Correspondence on staffing the editorial board of the army newspaper with personnel; on the supply of newspapers to military units. – RGVIA. – F. 2106. – Op. 1. – D. 1033.

9. Verbatim reports of sessions 1–25, November 1, 1916 – February 25, 1917 / State Duma, fourth convocation, session V. – Petrograd : State Printing House, 1917. – Columns 1345–1359.

10. File on the staffing levels of newspaper editorial offices and printing bureaus in general, 1917–1918. – RGVIA. – F. 2003. – Op. 1. – D. 49.

11. Correspondence with the Quartermaster General of Stavka, the Main Directorate of the General Staff, the General Staff and the front headquarters on the reorganization of military censorship. – RGVIA. – F. 2003. – Op. 2. – D. 762.

12. Correspondence with the commissars of the fronts and armies about the closure of the Minsk newspaper “Zvezda” and the newspaper “Voice of the 10th Army” for disseminating revolutionary propaganda; review of the army press. – RGVIA. – F. 2015. – Op. 1. – D. 40.

Received by the editors on 10.11.2024

Contacts: tsumarava.alena@gmail.com (Tsumarava Alena Petrovna)

Цумарева Е. П. КРИЗИС ВОЕННОЙ ЦЕНЗУРЫ В ИЮЛЕ – ОКТЯБРЕ 1917 г.

Исследование деятельности цензуры актуально, потому что сегодня политика наполнена технологиями, но приемы и методы создания нужного образа были выработаны и массово использовались еще в 1917 г. во взаимосвязи с событиями Первой мировой войны, ситуацией двоевластия и политического кризиса в России. Данные средства являлись инструментами ведения войны и достижения власти. Сделан вывод, что военная цензура в 1917 г. была не в состоянии противостоять дезинформации, а в реагировании на вызовы отставала от быстро менявшейся обстановки. Понимание и Временным правительством, и Советами развертывания большевистской пропаганды как угрозы было запоздалым.

Ключевые слова: цензура, прокламация, печать, газета, листовка, Павловский полк, большевики, суд чести.

УДК 947,6 (“1921–1939”)

НАЦЫЯНАЛЬНЫ СКЛАД І МАТЭРЫЯЛЬНЫ ДАБРАБЫТ НАСЕЛЬНІЦТВА ДРАГІЧЫНСКАГА ПАВЕТА ПАЛЕСКАГА ВАЯВОДСТВА Ў 1921–1939 гг.

В. П. Гарматныкандыдат гістарычных навук, дацэнт,
Інстытут гісторыі НАН Беларусі

У артыкуле разглядаюцца асноўныя нацыянальныя групы насельніцтва Драгічынскага павета Палескага ваяводства ў 1921–1939 гг., аналізуюцца іх прафесійная занятак, што становілася асноўнай перадумовай узроўню матэрыяльнага дабрабыту і спецыфікі ўзаемаадносін паміж імі.

Ключавыя словы: Драгічынскі павет, нацыя, беларусы, палякі, яўрэі, лабары.

Уводзіны

На працягу 1921–1939 гг. Драгічынскі павет уваходзіў у склад Палескага ваяводства і з’яўляўся часткай міжваеннай Польшчы. У гэты час Драгічынскі павет знаходзіўся ў цэнтры ваяводства і быў тут самым малым па плошчы паветам, але разам з тым адным з самых густанаселеных. На 30 чэрвеня 1921 г. плошча Драгічынскага павета складала 2 352 кв. км, што ахоплівала большую частку сучасных Драгічынскага (без заходняй і паўднёва-заходняй часткі) і Іванаўскага (заходняй і цэнтральнай частка) раёнаў Брэсцкай вобласці), а таксама вёскі Горкі, Мукашын і Любацін, якія зараз уваходзяць у склад Любашоўскага раёна Валынскай вобласці Украіны [1, с. 32].

Асноўная частка

Пры даследаванні нацыянальнага складу насельніцтва Драгічынскага павета асабліваю цікавасць уяўляюць матэрыялы першага ўсепольскага перапісу ад 30 верасня 1921 г. Згодна з ім на той час у павеце пражывала 63 192 чалавекі (30 122 мужчыны і 33 070 жанчын) – сярэдняя шчыльнасць насельніцтва тут складала 26,8 чалавек на кв. км (па ваяводству – 20,8) [2, с. X–XI; 3, с. 17]. З іх беларусаў налічвалася 18 426, “тутэйшых” (“мясцовых”, не маглі самастойна вызначыць уласную нацыянальнасць) – 25 407, палякаў – 9 188, яўрэяў – 6 024, украінцаў – 3 693, рускіх – 434, акрамя таго, 1 чалавек наогул вызначыў сябе касмапалітам [4, с. 21; 5, с. 25].

Наступны перапіс праведзены ў 1931 г. і зафіксаваў на Драгічыншчыне наяўнасць 97 040 жыхароў (паводле іншых звестак – 90 995, з іх беларусаў – 78 686, яўрэяў – 4 291, палякаў – 4 295), шчыльнасць насельніцтва – 41,3 (30,9) адпаведна [6, с. 116]. Істотнае змяншэнне долі яўрэяў можна растлумачыць перш за ўсё працэсамі масавай эміграцыі. Разам з тым матэрыялы перапісу 1931 г. па меркаванню многіх айчынных навукоўцаў, былі істотна сфальсіфікаваны ў справе завышэння долі палякаў. Паводле ацэнак даследчыкаў, тэмпы прыросту насельніцтва на Палессі былі самымі высокімі па ўсёй Польшчы і нават па Еўропе ў цэлым. Акрамя таго, пасля 1921 г. у родныя мясціны вярнулася істотная частка мясцовых жыхароў, якія ў перыяд Першай Сусветнай вайны вымушана сталі бежанцамі і трапілі ў асноўным у расійскія губерні.

Вялікую цікавасць уяўляе таксама перапіс коней 1927 г., згодна з якім у Драгічынскім павеце налічвалася 18 040 сялянскіх гапсараў, з якіх 2 080 наогул не мелі цяглавай жывёлы, 1 каня – 10 443, 2 – 807, 3 – 50, 4 – 13, 5 і больш – 23, таму ў цэлым асноўную масу мясцовых сялян можна аднесці да беднякоў і сярэднякоў [7, с. 193].

Беларусы былі пераважнай большасцю мясцовага насельніцтва, але пры гэтым адносна сацыяльнай лесвіцы заставаліся на самым нізе, з’яўляліся ў асноўным сялянамі альбо местачкоўцамі, якія захоўвалі цесныя сувязі з сельскай гаспадаркай. У адносінах да беларусаў польскімі ўладамі праводзілася дыскрымінацыйная палітыка, перш за ўсё забаранялася выкарыстоўваць беларускую мову ў дзяржаўных установах, а невалоданне польскай мовай распачывалася як непісьменнасць. У многіх выпадках станоўча ацэньвалася ідэнтыфікацыя сябе ў якасці перш за ўсё палешукоў, што разглядалася як пераходны этап на шляху да прызнання сябе палякамі [8, с. 46–47].

У сувязі з цяжкімі бытавымі ўмовамі шмат хто з мясцовых жыхароў вымушаны быў эміграваць у краіны Заходняй Еўропы, ЗША і

Канаду. Варта адзначыць, што пры гэтым ствараць сем’і перасяленцы імкнуліся пераважна з землякамі. Напрыклад, 18 студзеня 1938 г. жыхар вёскі Завялеўе гміны Брашэвічы Еўтух Мамацюк у прысутнасці сведкаў падпісаў дазвол сваёй дваццацігадовай дачцэ Алене на выезд у Аргенціну і шлюб з Якубам Скрыпелем, які пражываў у Буэнас-Айрэсе [9, арк. 2].

Сярод тагачасных сялянскіх забудов з саламянымі стрэхамі асабліва ярска выдзяляліся ладныя хаты рээмігрантаў з ЗША, якія звычайна былі пакрыты бляхай [10, с. 113]. Як успаміналі мясцовыя старажылы, на той час людзі хоць і жылі небагата, але крадзяжоў амаль не было, таму замкоў на дзвярах пераважна не было і звычайна яны запіраліся на дзвочок. Закрывалі хату на вісячы замок толькі тады, калі збіраліся ехаць куды-небудзь на некалькі дзён, як напрыклад на вяселле. Бяліся толькі вандроўных цыган, якія маглі абакрасці [11, с. 111].

У адным з краянаўчых альманахаў, падрыхтаваных мясцовымі вучнямі, давалася наступнае апісанне сялянскага быту мястэчка Янава (Іванава) Драгічынскага павета: “На малой незабрукаванай вуліцы стаіць хата, нізкая, крытая саломай, якая хавасца пад слоём моху, што сведчыць пра даўнасць гэтай халупкі. Не можа гаспадар з-за сваёй беднасці пабудаваць сабе новую хату. Беднасць выглядае з-пад паламанага плота і хлява. Відаць яе паўсюль. Уваходзім у хату. Хата ўсярэдзіне здаецца яшчэ ніжэйшай. У першым пакоі, які завецца “хатай”, знаходзіцца стол, а ўздоўж сцен стаяць лавы. У куце – печ, вельмі вялікая, займае амаль 1/6 усяго памяшкання, а каля яе – ацяпляльная печ – “грубка”. За гэтай печчу ўздоўж сцяны на лавах-услонах пакладзены дошкі – нары. Гэта так званы “запык”.

Звычайна там спяць дзеці. Колькі іх ёсць, усе яны спяць на тым “запыку”, адны ўздоўж, другія ўпоперак. З “хаты” дзверы вядуць у маленькі пакой з адным акенцам. У пакоі гэтым, званым “вышчэбка”, захоўваюць хлеб, малако, масла, сыр і ў невялікай колькасці сала, стаяць там бочкі з агуркамі і капустай. За “вышчэбкай” знаходзіцца камора. Там захоўваюць гародніну, збожжа і некаторыя запасы на зіму. Стаіць там ложка, збіты з дошак, на якім спяць у летнюю пару. Хатні рыштунак бедны. Упрыгожванняў на сценах няма. Калі ў хаце ёсць дзіця, якое ходзіць у школу, то часам на сценах можна пабачыць яго малюнкi... Доўгімі восеньскімі вечарамі, пры свеце керасінавай

лампы сядзіць на лаве гаспадар у шапцы, адпачывае пасля цяжкай працы, а гаспадыня мые посуд пасля вячэры – абодва маўчаць. На пытанні гаспадар неахвоча адказвае і чакае знаку жонкі, калі можна ісці спаць” [12, с. 128].

Сялянам Драгічыншчыны часцяком не хапала сродкаў нават на самае неабходнае. Так, напрыклад, жыхар Бездзежа А. Чайноўскі звяртаўся да мясцовага ксяндза Яблоньскага з просьбай знізіць аплату за хрышчэнне дзіцяці з 5 злотых да 1, але той адказаў, што правядзе тады абрад у скарачанай форме [13, с. 25–26].

Акрамя таго, цікавую этнасацыяльную групу таксама ўяўлялі лабары (назва хутчэй за ўсё паходзіць ад лацінскага *labor*, што значыць “праца”), якія па-свайму роду дзейнасці сталі зборшчыкамі ахвяраванняў на пабудову альбо рамонт праваслаўных цэркваў, а таксама гандлярамі рознага роду рэлігійных тавараў [14, с. 75–76]. З цягам часу ва ўмовах агульнага малазямелля гэта, па сутнасці, аформілася ў асобны промысел, сведчаннем чаго з’яўляліся здольнасці лабароў пры дапамозе няхітрых прылад выклікаць “цуды” (перш за ўсё “плач” ікон), што рэзка павялічвала аб’ёмы збіраемых сродкаў. У выніку лабары сталі прафесійна займацца зборам ахвяраванняў сярод вернікаў, за што атрымлівалі ўзнагароджанне ад святароў, дабіраліся ў сваіх вандроўках перад вайной нават на Волгу, у Крым і на Каўказ і з мэтай непрыкметна прысабечыць сабе частку грошай выпрацавалі сваю асобную мову. Сярод найбольш характэрных для лабароў слоў можна адзначыць: хлеб – кумса, сала – крыса, яйка – кіта, царква – клюса, хата – хіза, паляк – ланько, яўрэй – кудлай [15, с. 294–295].

Знешні выгляд лабароў не адрозніваўся ад мясцовых палешукоў – сярэдні рост, цёмныя валасы і вочы, светлы твар з правільнымі рысамі. Галоўная розніца змяшчалася ў вопратцы – лабары звычайна насілі кароткі кажух з рамянным кушаком, скураныя боты з доўгімі халявамі і чорную суконную шапку з брылём. Святочная вопратка складалася з шэрай сярмягі з чырвонымі адваротамі на рукавах і вялікай шапкі з сівой аўчыны.

Янаўскія лабары былі вядомыя як дбайныя гаспадары, хата і двор якіх заўсёды трымаліся ў поўным парадку. Жыллі іх з даўняга часу звычайна было аднатыпным, але больш багатым у параўнанні з суседзямі, уяўляла сабой невялікую пабудову прыкладна 5 метраў даўжыні і 4,2 шырыні з чатырма вокнамі. Да хаты прыбудоўваліся сені і клець, падлога

рабілася з дошак. У кожнай хаце вісела па некалькі розных абразоў. Акрамя хаты, меліся хлёў для жывёлы, гумно і некаторыя іншыя пабудовы. Адразу за хатай расло некалькі садоных дрэў, астатняя зямля пакідалася пад агарод [16, с. 60].

Палякі былі самай прывеліюванай часткай навакольных жыхароў і пры адноснай нешматлікасці займалі самыя высокія і адказныя пасады ў дзяржаўнай адміністрацыі, самакіраванні, паліцыі і чыгунцы, ахоплівалі большасць мясцовых буйных землеўласнікаў. На жаль, прадстаўнікі польскай адміністрацыі больш высокага рангу на гэтых землях былі людзьмі прыезжымі і чужымі. Напрыклад, паводле ўспамінаў навакольнага землеўласніка Францішка Віславуха, адзін з драгічынскіх павятовых стараст, пан Х., родам з-пад Жэшыва, даведаўся, што хомскі равін падчас Польска-савецкай вайны 1919–1921 гг. ратаваў ад бальшавікоў польскіх жаўнераў з 16-й Познаньскай дывізіі, якія потым адзначалі яго як надзвычай мужа на чалавека [17, с. 141–142]. Стараста вырашыў узнагародзіць равіна і загадаў свайму сакратару тэрмінова выклікаць таго, але пры гэтым не растлумачыў прычыны. Сакратар перадаў загад драгічынскага старасты камэнданту паліцыі, а той свайму намесніку і ўрэшце рэшт равіна даставілі ў Драгічын пад арышт, сам жа павятовы стараста быў на той час на паляванні і ў выніку даведаўся пра ўсё гэта толькі з газет [18, с. 106–111].

Польскія ўлады на той час усяляк прапаводавалі сваю тут нібыта цывілізатарскую місію і ўсяляк заахвочвалі перасяленне сюды рознага роду каланістаў, перш за ўсё асаднікаў, перадавалі ім на стварэнне новых гаспадарак землею, сельскагаспадарчы інвентар, дрэва на забудовы і выдавалі льготныя банкаўскія крэдыты. Гаспадаркі асаднікаў павінны былі стаць узоравымі для навакольных сялян, акрамя таго, яны выконвалі тут шматлікія паліцэйскія функцыі, сачылі за палітычнымі настроямі навакольных жыхароў і актыўна ўдзельнічалі ў ажыццяўленні паланізацыі, перш за ўсё праз стварэнне рознага роду суполак, кааператываў і адкрыццю народных дамоў. Асадніцкія арганізацыі ўзніклі вясной 1921 г. у Драгічынскім павеце аднымі з першых, бо тут пасялілася найбольшая колькасць каланістаў, але ў цэлым яны ацэньваліся як слабыя і вузкая спецыялізаваныя [19, с. 439]. Разам з тым нягледзячы на такую актыўную падтрымку асаднікі ў цэлым пераважна не змаглі ў надзвычай складаных умовах арганізаваць належ-

ным чынам асабістую гаспадарку, сведчаннем чаго стала наяўнасць у большасці з іх запасычанастваў па крэдытам, а ў выніку па матэрыяльнаму становішчу галоўную масу асаднікаў можна было аднесці да сярэднякоў. Аднак у 1925 г. на з’ездзе асаднікаў у Драгічыне адзначалася, што адносіны з навакольнымі сялянамі былі надзвычай добрымі дзякуючы актыўнай працы перасяленцаў, але пры гэтым узнікаюць істотныя сумненні ў добрасумленнасці выноў [20, с. 220].

У свядомасці беднай часткі мясцовага насельніцтва памешчыкі-палякі і асаднікі выступалі звычайна як прыгнятальнікі і прадстаўнікі пануючай нацыі. Для простага палешука, жыццё якога ў асноўным складалася з цяжкай фізічнай працы, што пераважна забяспечвала мінімальны ўзровень выжывання сям’і, у выніку свет “польскага пана” быў недасягальным і чужым [15, с. 309]. Разам з тым у 1936 г. сяляне вёскі Закозель у якасці сведкаў дапамаглі свайму памешчыку Каралю Талочка выйграць справу ў Пінскім акруговым судзе, бо пацвердзілі, што яго маёнтак паспяхова развіваецца, таму ў бліжэйшы час ён выплаціць усе пазыкі, у тым ліку ўзятыя ў яўрэй [21, с. 54–55].

Яўрэі былі найбольш заможнай часткай насельніцтва Драгічыншчыны, пражывалі пераважна ў мястэчках і былі ў асноўным заняты ў сферы гандлю і рамяства. Частка з іх разам з тым атрымлівала ад сваякоў з ЗША грашовыя пераводы. У цэлым дзякуючы яўрэям ствараліся ўмовы для больш актыўнага эканамічнага развіцця і паступовай тэхнічнай мадэрнізацыі навакольнай вытворчасці. Напрыклад, у Хомску ў 1938 г. дзякуючы пабудове электрастанцыі для абслугоўвання паравых млыноў яўрэйскіх прадпрыемстваў удалося таксама асвятліць дзве галоўныя вуліцы [22, с. 27].

Стаўленне да яўрэйў сярод навакольнага насельніцтва ў цэлым было нейтральным і залежала ў першую чаргу ад асабістых якасцей іх асобных прадстаўнікоў. У цэлым яўрэі добра ладзілі з мясцовым насельніцтвам, у якасці выключэння можна ўзгадаць толькі тэатралізаваны гандаль у форме псіхалагічных спаборніцтваў падчас набыцця рознага роду тавараў, у якім прымалі актыўны ўдзел абодва бакі і які забываўся адразу пасля заключэння здзелкі. Разам з тым яўрэі славіліся ўменнем дамаўляцца з “карыснымі людзьмі”, ад якіх многае залежыць (перш за ўсё рознага роду адміністратарамі і асабліва правяраючымі),

і ўменнем знаходзіць выхад з самых, здавалася б, безнадзейных сітуацый, таму ў народзе былі досыць папулярнымі жарты, у якіх яўрэі выстаўляліся беспрынцыпнымі гандлярамі. Аднак пры гэтым яўрэям былі ўдзячны за дапамогу ў набыцці каштоўных тавараў, бо простаму селяніну з гэтакімі справамі самастойна аніяк не справіцца [23, с. 149; 24, с. 90].

Правы антысэмізму ў асноўным абмяжоўваліся адзначанымі вышэй скептычнымі жартамі, аднак у крайніх выпадках назіраліся асабістыя канфлікты, якія часам маглі перарасці ад пагроз да фізічнага ўздзеяння. У сувязі з гэтым варта прывесці наступны выпадак: у ліпені 1939 г. 63-гадовы жыхар горада Драгічына Шмуль Мілнер, рэзчык мяса, скардзіўся на знявагу з боку сакратара мясцовай гміны Станіслава Філіпекі. 14 ліпеня Мілнер прыйшоў ранкам да гміннай управы з просьбай аддаць яму фартух рэзчыка, які перад гэтым разам з мясам у яго забрала паліцыя і перадала ўладам. Сакратар адмовіў і груба абразіў прасіцеля, у сваю чаргу Мілнер сказаў, што перад ім не селянін з вёскі Гутава, якому той калісьці выбіў зубы. На гэта Філіпек сказаў: “Я табе лепей дам!” – і ўдарыў яго кулаком у галаву, а затым выштурхаў за дзверы і даў нагой па тыльным месцы. У нядзелю 16 ліпеня Філіпек прыйшоў у лаўку да Мілнера, які ў гэты час рэзаў мяса, і забараніў працаваць у гэты дзень, на што ўладар лаўкі адказаў, што аддаць такі загад могуць толькі павятовы стараста і ўправа, на што Філіпек паведаміў, што яны яму не ўказ. Пры разборы дадзенай справы адзначалася, што Філіпек вядомы сваімі “брутальнымі паводзінамі” і яму нельга больш патураць [25, арк. 15, 16]. Далейшы ход справы невядомы і быў перарваны пачаткам Другой Сусветнай вайны.

У адносінах да рускіх можна адзначыць, што яны складалі нешматлікую групу насельніцтва, але разам з тым сярод іх налічваўся шэраг буйных землеўласнікаў. Напрыклад, уладальнік маёнтка Баландзічы А. І. Кіслоўскі быў вядомы як рускі манархіст і дзякуючы шырокай падтрымцы часткай навакольнай інтэлігенцыі здолеў абрацца ў Сейм на выбарах 1928 г. [26, с. 64].

Заклучэнне

На працягу 1921–1939 гг. насельніцтва Драгічынскага павета мела поліэтнічны нацыянальны склад з захаваннем прывілеяванага стану палякаў. Пры гэтым найбольш заможнай і эканамічна актыўнай часткай мясцовых

жыхароў былі яўрэі, які па сутнасці сканцэнтравалі тут у сваіх руках гандаль і рамяство, стваралі для сваіх суседзяў шмат працоўных месцаў. Беларусы складалі дамінуючую большасць жыхароў, але па сацыяльным стане пераважна былі сялянамі, якія істотна пакутавалі ад малаземелля і адносна невысокай ураджайнасці ворных зямель, таму іх матэрыяльны дабрабыт заставаўся даволі слабым, патрабаваў пошуку дадатковых сродкаў існавання. У цэлым адносіны паміж асноўнымі нацыянальнымі групамі пераважна заставаліся пазітыўнымі пры схаванай незадаволенасці польскім панаваннем тут, а таксама праўленні ў некаторых выпадках бытавога антысэмізму.

СПІС ВЫКАРЫСТАНЫХ КРЫНІЦ

1. **Максімовіч, Ю. П.** Некаторыя асаблівасці размяшчэння насельніцтва ў Драгічынскім павеце / Ю. П. Максімовіч // Загароддзе-1 : мат. Міждyscy. навук. семінара па пытаннях даслед. Палесся, Мінск, 19 верасня 1997 г. – Мінск : БелППК, 1999. – С. 32–33.
2. Skorowidz miejscowości Rzeczypospolitej Polskiej opracowany na podstawie wyników pierwszego powszechnego spisu ludności z dnia 30.09.1921 r. i innych źródeł urzędowych. – Warszawa : GUS, 1924. – 95 s. – T. 3. Województwo Poleskie.
3. **Tomczonek, Z.** Ruch ludowy na kresach północno-wschodnich Drugiej Rzeczypospolitej / Z. Tomczonek. – Białystok : Wydawnictwa Politechniki Białostockiej, 1996. – 246 s.
4. **Cichoracki, P.** Województwo Poleskie 1921–1939. Z dziejów politycznych / P. Cichoracki. – Łomianki : LTW ; Wrocław : IH Uniw. Wrocławskiego, 2014. – 477 s.
5. **Пашкович, Е. И.** Административно-территориальное устройство и социально-демографическая ситуация на землях Ивановского района в составе Польши в 1920-х гг. / Е. И. Пашкович // Веснік Брэсцкага ўніверсітэта. – 2014. – № 1. – С. 20–26.
6. Памяць: Гіст.-дакум. хроніка Драгічынскага раёна. – Мінск : БЕЛТА, 1997. – 575 с.
7. **Сорокин, А. А.** Аграрный вопрос в Западной Белоруссии. 1920–1939 гг. / А. А. Сорокин. – Минск : Наука и техника, 1968. – 201 с.
8. **Вабішчэвіч, А. М.** Планы польскіх улад па нацыянальна-культурнай асіміляцыі насельніцтва Палескага ваяводства (1921–1939 гг.) / А. М. Вабішчэвіч // Веснік Мазырскага дзярж. пед. ўніверсітэта імя І. П. Шамякіна. – 2008. – № 1. – С. 45–49.
9. Дзяржаўны архіў Брэсцкай вобласці (ДАБр). – Ф. 2011. Воп. 1. Спр. 67. Свидетельства о материальном положении, местожительстве и о рождении граждан за 1937–1939 годы.

10. *Tomaszewski, J.* Z dziejów Polesia : zarys stosunków społeczno-ekonomicznych / J. Tomaszewski. – Warszawa : PWN, 1963. – 208 s.
11. *Литвинко, С. А.* Симонович. История одной полесской деревни / С. А. Литвинко, В. Д. Губаревич. – Брест : Брестская типография, 2020. – 211 с.
12. *Пашкович, Е. И.* Краеведческие альманахи как источник по истории повседневности на Полесье в 30-е гг. XX в. / Е. И. Пашкович // Социокультурная жизнь: история повседневности : сборник мат. регион. научно-практ. конф., Брест, 27 нояб. 2015 г. – Брест : БрГУ, 2016. – С. 121–129.
13. *Мараш, Я. Н.* Политика Ватикана и католической церкви в Западной Белоруссии (1918–1939) / Я. Н. Мараш. – Минск : Беларусь, 1983. – 94 с.
14. *Marszak, M.* Przewodnik po Polesiu / M. Marszak. – Brześć nad Bugiem : Nakładem Oddziału Polskiego Tow. Krajoznawczego, 1935. – 160 s.
15. Города и районы Брестчины: история и современность. Ивановский район. – Брест : Брестская типография, 2017. – 839 с.
16. *Мікуліч, Т.* Янаўскія лабары / Т. Мікуліч // Беларуская мінуўшчына. – 1994. – № 4. – С. 58–60.
17. *Rąkowski, G.* Czar Polesia / G. Rąkowski. – Pruszków–Warszawa : Rewasz, 2001. – 600 s.
18. *Wysłouch, F.* Echa Polesia / F. Wysłouch. – Łomianki : LTW, [2012?]. – 204 s.
19. *Сцяпанав, А. Ф.* Грамадска-палітычная дзейнасць асаднікаў на тэрыторыі Заходняй Беларусі (1920–1939 гг.) / А. Ф. Сцяпанав // Культура, навука, образование в современном мире : материалы V Междунар. науч. конф. – Гродно : ГТАУ, 2011. – С. 438–442.
20. *Stobniak-Smogorzewska, J.* Kresowe osadnictwo wojskowe, 1920–1945 / J. Stobniak-Smogorzewska. – Warszawa : Rytm, 2003. – 418 s.
21. *Яковчик, И. И.* Закозель: земля и люди / И. И. Яковчик, И. И. Акинчиц, В. В. Зданович. – Барановичи : Укрупненная типография, 1999. – 83 с.
22. *Шукула, Л.* История деревни Хомск / Л. Шукула // Записки Таварыства аматараў беларускай гісторыі імя Вацлава Ластоўскага. – Рыга, 2013. – Вып. 1. – С. 65–94.
23. “За польскім часам...”: Западная Беларусь в воспоминаниях современников / Брест. гос. ун-т имени А. С. Пушкина; редкол.: Е. С. Розенблат (гл. ред.) [и др.]. – Брест : БрГУ, 2019. – 171 с.
24. *Śleszyński, W.* Województwo Poleskie / W. Śleszyński. – Kraków : Avalon, 2014. – 335 s.
25. ДАБр. – Ф. 2011. Воп. 1. Спр. 29. Выписки из протоколов заседаний гминных управлений и рады.
26. *Мисюк, В. С.* Крупные землевладельцы Западной Белоруссии в контексте общественной трансформации (1921–1939) / В. С. Мисюк // Системная трансформация общества: инновации и традиции : сб. науч. тр. кафедр соц.-гум. наук. – Брест : БрГТУ, 2015. – Выпуск 11. – С. 62–66.

Паступіў у рэдакцыю 12.04.2024 г.

Кантакты: vitharmatny@mail.ru (Гарматны Віталь Пятровіч)

Harmatny V. P. NATIONAL COMPOSITION AND MATERIAL WELL-BEING OF POPULATION IN DRAGICHYN DISTRICT OF POLESIE VOIVODESHIP IN 1921–1939

The article examines the main national groups of the population of the Dragichyn District of the Polesie Voivodeship in 1921–1939, analyzes their professional employment, which became the main prerequisite for the level of material well-being and the specifics of the relationship between them.

Keywords: Dragichyn District, nation, Belarusians, Poles, Jews, labary.

УДК 930

ИСТОРИОГРАФИЯ СОЦИАЛЬНО-ЭКОНОМИЧЕСКОГО РАЗВИТИЯ ГОРОДА ВИТЕБСКА С 1917 ПО 1991 ГОД

В. Г. Коверсун

аспирант

Могилевский государственный университет имени А. А. Кулешова

На сегодняшний день имеющаяся историография социально-экономического развития Витебска с 1917 по 1991 год далеко не в полной мере отражает особенности становления этого крупного индустриального и административного центра БССР. Период новой экономической политики, «перестройка» и иные нуждаются в исследовании и осмыслении исходя из реалий исторической политики Республики Беларусь.

Ключевые слова: историография, социально-экономическое развитие, Беларусь, БССР, Витебск.

Введение

Витебск сегодня – это крупный социально-экономический центр, и его становление как такового в той или иной степени рассматривалось в трудах профессиональных историков. За основу берется период с 1917 по 1991 г. В этот период Витебск входит в состав ССРБ и БССР. Начинаются качественные изменения в жизни горожан в советском периоде истории. В общественно-политических условиях после свержения самодержавия в России административный статус Витебска остался на прежнем высоком уровне, что создавало ему благоприятные условия для роста. Однако отдельным эпизодом в истории города следует рассматривать период Великой Отечественной войны.

Рассмотрение особенностей социально-экономического развития Витебска в советскую эпоху на примере крупного административного, индустриального и культурного центра даст возможность рассмотреть достижения в индустриальном развитии и последующей модернизации городов Беларуси во всех сферах жизни – социально-экономической, демографической, культурной и иных.

Основная часть

Вопросы социально-экономического развития Беларуси на протяжении долгого времени интересуют исследователей. Обобщающими трудами по теме социально-экономического развития Беларуси можно назвать

работы Ф. С. Мартинкевича, З. И. Гиоргидзе и др. «Экономика советской Белоруссии. 1917–1967» [1]. Издание монографии было приурочено к 50-летию со дня Октябрьской революции. В книге рассказывается о всесторонней деятельности по развитию экономики, преобразованию промышленности, транспорта, торговли, финансов, о росте материального благополучия людей. Изданная в 1987 г. работа Л. М. Лыча «Ликвидация экономического и социально-культурного неравенства союзных республик. На примере Белорусской ССР (1917–1941 гг.)» [2] собрала в себе на основе статистического материала данные о состоянии экономики и социально-культурной сферы БССР в довоенное время в сравнении с другими советскими республиками. Послевоенная история БССР с позиции социально-экономического развития рассматривается в монографии М. Н. Костюка «Беларусь у сацыяльна-эканамічных і грамадска-палітычных працэсах 1946–2006» [3]. В частности, проводится анализ важных процессов проходивших на территории Беларуси в послевоенное время, сыгравших определяющую роль в развитии всех сфер жизни народа БССР. Показаны кризисные проявления и пути их преодоления. Рассматриваются в контексте общеевропейской тенденции процессы перемен в социальной, экономической и других сферах, а также их особенности в БССР.

В период существования БССР вопросы социально-экономического развития регионов Беларуси в XX в. не были в центре научного познания. Изучение социальных и экономических достижений БССР рассматривалось комплексно. Показывались общие тенденции, характерные для всех регионов. Такой подход накопил потребность в детальном изучении региональных преобразований в социально-экономической сфере и их особенностей. В белорусской историографии первые работы по социально-экономическому развитию Витебска в межвоенный период XX в. появляются с 1959 г. и связаны с именем Г. А. Никитина.

Работа Г. А. Никитина «Віцебск» [4] является первой излагающей вопросы по истории города Витебска, его промышленному и социальному развитию, архитектурному облику. В книге рассматривается история Витебска с древности до 50-х гг. XX в. Большая часть книги посвящена именно советскому периоду развития города. На основе господствующей коммунистической идеологии автор целенаправленно доводит до читателей мысль, что в основном благодаря Октябрьской революции и роли Коммунистической партии Витебск получил возможность для качественного преобразования в экономике и социальной сфере. В частности, говорится о достижениях в легкой промышленности. Национализация предприятий, действовавших до Октябрьской революции, привела к повышению социальной защиты трудящихся, работавших на них (льнопрядильная фабрика «Двина»). Также отмечается создание новых предприятий в период индустриализации («Витебская чулочно-трикотажная фабрика имени КИМ»). Автор сообщает об улучшении материально-технической базы предприятий, увеличении количества выпускаемой продукции и улучшении жизни рабочих.

Особый интерес представляют материалы отдела пропаганды и агитации Витебского городского комитета Коммунистической партии Белоруссии «Город Витебск за 50 лет советской власти» [5], «Город Витебск. Краткий историко-экономический обзор. Некоторые итоги и перспективы» [6], «Социально-экономическое и культурное развитие города Витебска в 1985 году» [7]. Не являясь научными трудами и изданные без указания авторства, указанные материалы содержат статистические данные и описывают качественные изменения в жизни города.

Импульсом к появлению работ, описывающих историю Витебска, стало празднование 1000-летия города в 1974 г. Так, в 1974 г. под редакцией В. П. Воробьева, А. Р. Горбачева и других выходит научно-популярное издание «Витебск. Историко-экономический очерк» [8]. В книге расширилась база фактологического материала по экономической истории города, отдельно рассмотрен трагический период истории Витебска с описанием масштабов причиненного ущерба немецко-фашистскими захватчиками во время Великой Отечественной войны. В преддверии даты юбилея города, описывая социально-экономические достижения, авторы доказывают правильность выбранного курса «развитого социализма».

Д. Н. Генин в своей книге «Витебск в десяти веках. Библиографический указатель литературы» [9] систематизировал находящуюся в фондах Витебской областной библиотеки литературу, описывающую историю города. Что упрощает работу исследователям в поиске интересующей их литературы.

Витебская областная библиотека имени В. И. Ленина за авторством Л. Т. Беззубика издала просветительскую лекцию «Витебску – 1000 лет» [10]. В лекции на основе исторического материала кратко излагается история города.

В названных выше изданиях социально-экономическое развитие Витебска описывается в духе господствующей на тот момент идеологии марксизма-ленинизма.

Книга И. П. Шамякина «Витебск: энциклопедический справочник» [11] строится на большом количестве фактического материала. В книге, помимо документальной основы, также содержится большой иллюстративный материал.

Книга «Памяць: Гісторыка дакументальная хроніка Віцебска» [12], изданная в 2002 г., представляет интерес для историков, занимающихся изучением истории Витебска. В двух томах книги собрано большое количество статей по истории, по вопросам социально-экономических достижений, культурному развитию, а также статьи, рассказывающие о выдающихся уроженцах и жителях Витебска. Текстовый материал издания строится на использовании большого количества документов и материалов из архивов, музеев, печатных источников и др.

Для изучения социально-экономической истории, истории культуры, быта и повседневности города Витебска неоспоримую значимость представляют статьи в энциклопедических изданиях. Они носят академический характер, являются важным и необходимым методологическим инструментом для анализа социально-экономического развития Витебска в 1917–1991 гг. Отдельно хочется выделить статьи «Віцебск» («Энцыклапедыя гісторыі Беларусі») [13] и «Віцебск» («Беларуская энцыклапедыя») [14]. Также в названных энциклопедиях представляют интерес статьи о промышленных предприятиях города и иных учреждениях, размещенных в Витебске, что помогает в исследовании социально-экономического развития Витебска в 1917–1991 гг.

В 5 и 6 томах академического издания «Гісторыя Беларусі ў 6 тамах» [15; 16] разме-

щаются главы, рассматривающие социально-экономическое, культурное развитие белорусских земель с 1917 г. до современности. Авторы показывают общую тенденцию преобразований в социально-экономической сфере Беларуси на основе большого количества исторических источников.

Отдельные аспекты социально-экономического развития, такие как описание процесса развития городского пространства Витебска, рассматриваются в работах В. А. Осененко «Архітэктура савецкага авангарду ў Віцебску: жыллё, вытворчасць, адпачынак» [17], книге А. М. Подлипского «В граните и бронзе: памятники и памятные знаки Витебска» [18]. Авторы реконструируют социально-культурный контекст истории Витебска в XX в. В работе Т. И. Чернявской «Архітэктура Віцебска: 3 гісторыі і планіроўкі забудовы горада» [19] исследуется развитие планировочной структуры XIX–XX вв., рассматриваются памятники архитектуры города. Отдельный раздел посвящен достижениям градостроительства и архитектуры советского периода. Вопросам исследования музейного дела, его становления и развития в Витебске посвящены статьи О. И. Акунович «1930-е годы – новый, своеобразный период в истории ВОКМ» [20], Е. А. Климентенка «Віцебскі абласны краязнаўчы музей» [21], В. А. Шишанова «Витебский музей современного искусства: история создания и коллекции (1918–1941)» [22] и Г. В. Савицкого «Гісторыя станаўлення і развіцця Віцебскага абласнога краязнаўчага музея» [23].

В отдельных работах исследуются определенные аспекты экономического развития Витебска в 1917–1991 гг. Т. П. Иванова в монографии «Деятельность местных органов управления Витебской губернии в октябре 1917 – марте 1924 гг.» [24] затрагивает вопросы организации органами власти экономической жизни в Витебске в первые годы после революции.

«Экономическо-статистический справочник» [25] под редакцией И. А. Гирина показывает уровень развития экономики Витебска в предвоенный период. Имеет сравнительные данные с предшествующим периодом.

Экономические проблемы и социальную напряженность в Витебске в период Гражданской войны описывает в своей статье Г. Н. Яковлева «Неизвестное об известном. О пребывании в Витебске поезда «Октябрьская революция» 11–12 июня 1919 года» [26].

Также в статье показывается партийное противостояние между большевиками, с одной стороны, и меньшевиками с еврейскими организациями – с другой, через призму плохого продовольственного снабжения, низкого материального обеспечения рабочих.

Интересной для исследования истории Витебска представляет собой обзорная статья Н. В. Пивовара «Асвятленне ў друку гісторыі Віцебска, прымеркаванае да святкавання 1000-годдзя горада» [27].

История Витебска в годы Великой Отечественной войны рассматривается большим количеством научных трудов. Благодаря исследованиям историков накоплен богатый материал и показана объективная картина происходившего в городской жизни в начале войны, в период оккупации и в первые годы после освобождения Витебска от немецко-фашистских захватчиков. В частности хочется отметить М. С. Рывкина с его работой «Віцебск у гады Вялікай Айчыннай (1941–1945)» [28] и тезис Т. И. Баталки «Віцебск у гады акупацыі» [29].

А. Ю. Грезев в статье «Сацыяльна-эканамічнае становішча гараджан горада Віцебска ў гады нямецка-фашысцкай акупацыі» [30] показывает экономическое состояние жителей Витебска под оккупацией. Развитие этой темы прослеживается в статье Г. Н. Яковлевой «Некоторые черты повседневной жизни жителей города Витебска в период оккупации (1941–1944 гг.)» [31].

Заключение

Проведенный анализ позволяет сделать вывод, что на сегодняшний день отсутствует исследование социально-экономического развития Витебска в 1917–1991 гг. вне предмета изучения советской историографии. Исследования современных белорусских историков в основном затрагивают довоенную историю становления и развития институтов советской власти в 1917–1941 гг. и индустриализацию Витебска.

Научные исследования по вопросам социально-экономической и культурной истории Витебска в 1917–1991 гг., изданные в период существования СССР, характеризуются преобладанием идеологии марксизма-ленинизма. Исследования белорусских историков на современном этапе, рассматривающие историю Витебска в 1917–1941 гг., реконструируют отдельные сферы социально-экономического развития города. Освещены отдельные моменты проведенной в городе индустриализации, ее итоги и значения для Витебска. Затрагива-

ются вопросы социальных преобразований в жизни горожан. Однако практически не рассмотрены вопросы национального состава городского населения, социально-экономических преобразований в Витебске в период новой экономической политики, создание и развитие крупных промышленных предприятий в городе в период индустриализации, изменение городской среды в связи с этим и ряд других, вплоть до рубежа 1980–1990-х гг.

СПИСОК ИСПОЛЬЗОВАННЫХ ИСТОЧНИКОВ

1. Экономика Советской Белоруссии. 1917–1967 / АН БССР, Ин-т экономики ; Ф. С. Мартинкевич (отв. ред.). – Мн. : Наука и техника, 1967. – 571.
2. **Лыч, Л. М.** Ликвидация экономического и социально-культурного неравенства союзных республик: на примере БССР (1917–1941 гг.) / Л. М. Лыч ; АН БССР, Ин-т истории. – Мн. : Наука и техника, 1987. – 286 с.
3. Беларусь у сацыяльна-эканамічных і грамадска-палітычных працэсах 1946–2006 гг. / Нацыянальная акадэмія навук Беларусі, Ін-т гісторыі; рэд. М. Н. Касцюк. – Мн. : Беларуская навука, 2007. – 214 с.
4. **Нікіцін, Г. А.** Витебск / Г. А. Нікіцін. – Мн. : Дзяржаўнае выдавецтва БССР, 1959. – 107 с.
5. Материалы отдела пропаганды и агитации Витебского городского комитета Коммунистической партии Белоруссии. Город Витебск за 50 лет советской власти. – Витебск, 1967. – 19 с.
6. Материалы отдела пропаганды и агитации Витебского городского комитета Коммунистической партии Белоруссии. Город Витебск. Краткий историко-экономический обзор. Некоторые итоги и перспективы. – Витебск, 1971. – 27 с.
7. Материалы отдела пропаганды и агитации Витебского городского комитета Коммунистической партии Белоруссии. Социально-экономическое и культурное развитие города Витебска в 1985 году. – Витебск, 1985. – 31 с.
8. **Воробьева, В. П.** Витебск. Историко-экономический очерк / В. П. Воробьева, А. Р. Горбачев. – Мн. : «Наука и техника», 1974. – 224 с.
9. **Генин, Д. Н.** Витебск в десяти веках: библиографический указатель литературы / Д. Н. Генин / Государственная библиотека БССР им. В. И. Ленина, Витебская центральная городская библиотека им. А. М. Горького, 1975. – 76 с.
10. **Беззубик, Л.** Витебску – 1000 лет / Л. Беззубик. – Витебск : Витебская областная библиотека им. В. И. Ленина, 1972. – 23 с.
11. Витебск: Энциклопедический справочник / гл. ред. И. П. Шамякин. – Мн. : БелСЭ им. П. Бровки, 1988. – 408 с.
12. Памяць: Гіст.-дакум. хроніка Вiцебска : у 2 кн. // рэд.-кал.: Г. П. Пашкоў (гал. рэд.) [і інш.]. – Мн. : БелЭн, 2002. – 1328 с.
13. **Калядзінскі, Л. У.** Вiцебск / Л. У. Калядзінскі [і інш.] // Энциклапедыя гісторыі Беларусі : у 6 т. – Мн. : БелЭн, 1994. – Т. 2. – С. 309–317.
14. **Ліс, М. І.** Вiцебск / М. І. Ліс [і інш.] // Беларуская энцыклапедыя : у 18 т. – Мн. : БелЭн, 1997. – Т. 4. – С. 207–212.
15. Гісторыя Беларусі : у 6 т. Т. 5. Беларусь у 1917–1945 гг. / А. Вабішчэвіч [і інш.]; рэдкал.: М. Касцюк (гал. рэд.) [і інш.]. – Мн. : Экаперспектыва, 2006. – 613 с. : іл.
16. Гісторыя Беларусі : у 6 т. Т. 6. Беларусь у 1946–2009 гг. / Л. Лыч [і інш.]; рэдкал.: М. Касцюк (гал. рэд.) [і інш.]. – Мн. : Современная школа, Экоперспектива, 2011. – 728 с.
17. **Асяненка, В.** Архітэктура савецкага авангарду ў Вiцебску: жыллё, вытворчасць, адпачынак / В. Асяненка // ARCHE. – 2014. – № 3 (124). – С. 319–340.
18. **Подлипский, А. М.** В граните и бронзе: памятники и памятные знаки Витебска / А. М. Подлипский. – Витебск : Витеб. обл. тип., 2015. – 207 с.
19. **Чарняўская, Т.** Архітэктура Вiцебска: 3 гісторыі і планіроўкі забудовы горада / Т. Чарняўская. – Мн. : Навука і тэхніка, 1980. – 112 с.
20. **Акуневич, О. И.** 1930-е годы – новый, своеобразный период в истории ВОКМ / О. И. Акуневич // 90 год Вiцебскаму абласнаму краязнаўчаму музею : матэрыялы навук. канф., Вiцебск, 30–31 кастр. 2008 г. / рэдкал.: Г. У. Савіцкі [і інш.]; Упр. Культуры Вiцеб. аблвыканкама, Вiцеб. абл. краязн. музей. – Мінск, 2009. – С. 43–48.
21. **Клімянцёнак, Я. А.** Вiцебскі абласны краязнаўчы музей / Я. А. Клімянцёнак // Музеі Беларусі=Музеи Беларуси / рэдакц.: Г. П. Пашкоў, Л. В. Календа, М. Г. Нікіцін. – Мінск, 2008. – С. 171–174.
22. **Шишанов, В. А.** Витебский музей современного искусства: история создания и коллекции (1918–1941) / В. А. Шишанов. – Мн. : Медисонт, 2007. – 144 с.
23. **Савіцкі, Г. У.** Гісторыя станаўлення і развіцця Вiцебскага абласнога краязнаўчага музея / Г. У. Савіцкі // 90 год Вiцебскаму абласнаму краязнаўчаму музею : матэрыялы навук. канф., Вiцебск, 30–31 кастр. 2008 г., ВАКМ. – Мн. : Медысонт, 2009. – С. 14–24.
24. **Иванова, Т. П.** Деятельность местных органов управления Витебской губернии в октябре 1917 – марте 1924 гг. : монография / Т. П. Иванова ; УО ФПБ «Международ. ун-т «МИТСО»», Витеб. фил. – Витебск : Витеб. фил. Международ. ун-т «МИТСО», 2011. – 230 с. : ил.
25. **Гилин, И. А.** Экономическо-статистический справочник / И. А. Гилин. – Витебск, 1940. – 317 с.

26. **Яковлева, Г. Н.** Неизвестное об известном. О пребывании в Витебске поезда «Октябрьская революция» 11–12 июня 1919 года / Г. Н. Яковлева // 90 год Віцебскаму абласному краязнаўчаму музею : матэрыялы навук. канф., Віцебск, 30–31 кастр. 2008 г. / рэдкалегія: Г. У. Савіцкі, В. А. Шышанаў, А. І. Лагунова. – Мінск, 2009. – С. 105–112.

27. **Півавэр, М. В.** Асвятленне ў друку гісторыі Віцебска, прымеркаванае да святкавання 1000-годдзя горада / М. В. Півавэр // Віцебскія старажытнасці : матэрыялы навук. канф., прысвеч. 150-годдзю з дня нараджэння У. Г. Краснянскага, Віцебск, 17–18 кастр. 2013 г. – Віцебск : ВДУ імя П. М. Машэрава, 2017. – С. 228–231.

28. Віцебск у гады Вялікай Айчыннай вайны (1941–1945 гг.) : Бібліягр. паказ. / Віцеб. Цэнтр. гар. б.-ка імя М. Горкага ; рэд. М. С. Рыўкін. – Віцебск, 1995. – 86 с.

29. **Баталка, Т. І.** Віцебск у гады акупацыі (1941–1944 гг.) / Т. І. Баталка // Віцебшчына ў 1941–1944 гг.: Супраціў. Вызваленне. Памяць : матэрыялы рэспубл. навук.-практ. канф., Віцебск, 18–19 чэрв. 2009 г. / рэдкал.: В. У. Акуневіч; УА «Віцебскі дзяржаўны ўніверсітэт імя П. М. Машэрава» [і інш.]. – Віцебск, 2009. – С. 53–57.

30. **Грэзеў, А. Ю.** Сацыяльна-эканамічнае становішча гараджан горада Віцебска ў гады нямецка-фашысцкай акупацыі / А. Ю. Грэзеў // Труды молодых специалистов Полоцкого гос. ун-та / Полоц. гос. ун-т; редкол.: Д. Н. Лазовский (гл. ред.) [и др.]. – Новополоцк, 2010. – Вып. 41 : Гуманитарные науки. – С. 40–45.

31. **Яковлева, Г. Н.** Некоторые черты повседневной жизни жителей города Витебска в период оккупации (1941–1944 гг.) / Г. Н. Яковлева // Віцебшчына ў 1941–1944 гг.: Супраціў. Вызваленне. Памяць : матэрыялы рэспубл. навук.-практ. канф., Віцебск, 18–19 чэрв. 2009 г. / рэдкал.: В. У. Акуневіч; УА «Віцебскі дзяржаўны ўніверсітэт імя П. М. Машэрава» [і інш.]. – Віцебск, 2009. – С. 57–63.

Поступила в редакцию 20.05.2024 г.

Контакты: uladzislau92@gmail.com (Коверсун Владислав Георгиевич)

Koversun V. G. HISTORIOGRAPHY OF SOCIO-ECONOMIC DEVELOPMENT OF VITEBSK FROM 1917 TO 1991

Today the available historiography of the socio-economic development of Vitebsk from 1917 to 1991 does not fully reflect the features of the formation of this large industrial and administrative centre of the BSSR. The period of the new economic policy, "perestroika" and others need to be studied and understood regarding the realities of the historical policy of the Republic of Belarus.

Keywords: historiography, socio-economic development, Belarus, BSSR, Vitebsk.

НАУЧНО-ИССЛЕДОВАТЕЛЬСКАЯ ДЕЯТЕЛЬНОСТЬ В. Ф. РОМАНОВСКОГО ПО ПРОТИВОДЕЙСТВИЮ ФАЛЬСИФИКАЦИИ ИСТОРИИ ВЕЛИКОЙ ОТЕЧЕСТВЕННОЙ ВОЙНЫ

Д. А. Длугаш

аспирант

Могилевский государственный университет имени А. А. Кулешова

В данной статье изучена биография и научно-исследовательская деятельность белорусского историка Василия Филипповича Романовского. В хронологическом порядке исследовано становление белорусского историка, эволюция его работ. Особое внимание обращено на взаимосвязь его научных трудов с развитием информационного противостояния периода холодной войны. Проанализирована деятельность ученого в контексте необходимости защиты исторического наследия, противостояния информационным угрозам, искажению и фальсификации истории Великой Отечественной войны и белорусского партизанского движения. Дана оценка значимости фундаментальных работ В. Ф. Романовского для развития белорусской исторической науки следующими поколениями исследователей.

Ключевые слова: холодная война, информационное противоборство, фальсификация истории, защита исторического наследия, коллаборационизм, оккупационная политика Третьего рейха, историография, партизанское движения в БССР, преступления германского нацизма.

Введение

Белорусская историография исследования периода Великой Отечественной войны на территории БССР была бы неполной без работ белорусского историка Василия Филипповича Романовского. Характеризуя исторические исследования В. Ф. Романовского невозможно не отметить глубину понимания социально-политических процессов, происходивших на территории БССР в указанный период. Несомненно, первостепенной задачей исследователей Великой Отечественной войны было описание чудовищных преступлений оккупационного режима Третьего рейха на территории БССР. Другой немаловажной задачей было сохранение исторической памяти об указанных событиях в ходе информационного противоборства периода холодной войны.

Следует отметить, что в ходе борьбы с оккупационными силами Третьего рейха в

обществе БССР сформировалась уникальная социальная группа, которую вполне можно определить как интеллектуально-управленческую элиту. Эти люди прошли горнило войны, многократно рисковали своими жизнями, обладали высоким уровнем государственного мышления, имели четкую мировоззренческую позицию на строительство социалистической республики БССР в составе СССР.

Таким образом, в БССР объективно сформировалось интеллектуально-управленческое ядро белорусского общества, которое возглавило восстановление БССР в тяжелейших условиях послевоенной разрухи. Наряду с экономическим восстановлением шло постоянное развитие белорусской научной мысли. Ярчайшими представителями послевоенной белорусской интеллектуально-управленческой элиты являются П. М. Машеров, В. И. Козлов, К. И. Доморад, П. З. Калинин, С. О. Притыцкий, К. М. Мазуров, Ф. А. Сурганов, В. Е. Лобанок, П. П. Липило и многие другие, в числе которых достойное место занимает В. Ф. Романовский.

Основная часть

В. Ф. Романовский родился 15 февраля 1918 года в поселке Кошевичи Петриковского района, с молодых лет стремился к получению знаний. В 1929 году он окончил Кошевичскую начальную школу, а в 1932 – Кошевичскую неполную среднюю школу. С 1934 по 1937 год являлся студентом педрабфака Бобруйского педагогического техникума Народного Комиссариата просвещения БССР. После окончания педагогического техникума в 1937 году поступил в Минский педагогический институт имени А. М. Горького, который окончил только в 1945 году.

Как и многим жителям СССР, война не позволила В. Ф. Романовскому своевременно завершить учебу. В ходе наступления немецких войск летом 1941 года В. Ф. Романовский получил контузию и до 1942 года находился на излечении у родственников жены, прожи-

вавших в районе ст. Ратомка Минского района. В декабре 1942 года В. Ф. Романовский был принят связным в партизанский отряд, позднее получивший название «Отряд имени А. В. Суворова». В сентябре 1942 года отряд вошел в состав партизанской бригады имени М. В. Фрунзе (18-я партизанская бригада имени М. В. Фрунзе) [1, л. 7].

За время деятельности в партизанском отряде В. Ф. Романовский проявил себя как дисциплинированный командир особой диверсионной группы. Под его командованием группа провела множество успешных боевых операций [2].

С октября 1943 года В. Ф. Романовский занимал должность заместителя комиссара отряда по комсомолу, совмещая участие в боевых действиях с пропагандистской работой среди партизан и населения в зоне действия партизанского отряда. Этому способствовало полученное до войны образование, а также приоритетное значение агитационно-пропагандистской работы в идеологическом противостоянии с оккупационными силами Третьего рейха. 22 апреля 1942 года ЦК ЛКСМ Белоруссии принял постановление «О ближайших мероприятиях по восстановлению и укреплению комсомольских организаций Белоруссии в тылу немецко-фашистских оккупантов». ЦК ЛКСМ Белоруссии считал одной из основных задач комсомольских организаций, действовавших в подполье, развертывание агитационно-пропагандистской работы, борьбу против фашистской пропаганды [3, с. 46].

За доблесть, проявленную в период Великой Отечественной войны, В. Ф. Романовский был награжден орденом Красной звезды, медалями «Партизану Отечественной войны» I и II степени, «За победу над Германией в Великой Отечественной войне 1941–1945 гг.», «За доблестный труд в Великой Отечественной войне 1941–1945 гг.» [4, с. 291].

После освобождения БССР, с июля 1944 года, В. Ф. Романовский работал на должности пропагандиста в Клецком районном комитете Коммунистической партии Белоруссии (РК КПБ) Минской области. С июля 1946 по январь 1950 года занимал должность начальника отдела пропаганды и агитации Клецкого РК КПБ. В 1950 году назначен Барановичским обкомом КПБ на должность заместителя Городищенского райисполкома.

В октябре 1951 года В. Ф. Романовский поступает в аспирантуру института истории АН БССР. Начинается научно-исследователь-

ская деятельность белорусского историка и настоящего белорусского патриота, обладающего не только знаниями в области истории, но также практическим опытом и знаниями в области информационно-идеологического противоборства. Эта совокупность профессиональных характеристик и личных качеств определит дальнейшее направление научно-исследовательской деятельности В. Ф. Романовского.

Тема диссертации на соискание ученой степени кандидата исторических наук была выбрана следующая: «Рабочий класс Белоруссии в борьбе за перестройку работы промышленности в годы развернутого наступления социализма по всему фронту (1930–1932 гг.)». В диссертации исследовался опыт борьбы рабочего класса за создание и развитие социалистической индустрии в БССР. В работе критиковались негативные явления, сопровождавшие развитие индустриализации, такие как уравниловка и обезличка. Отмечены такие позитивные тенденции, как поднятие культурно-технологического уровня производства, перестройка заработной платы, создание кадров производственно-технической интеллигенции, осуществление режима экономии на предприятиях [5, с. 2].

Актуальность исследования объективных процессов индустриализации подтверждалась в том числе тем, что во время Великой Отечественной войны темпы довоенной индустриализации и ее проблематика использовались оккупационной пропагандой для критики сталинского руководства и советского строя [6, с. 55]. Исследователь осветил передовые индустриальные достижения социалистического строя, а также обосновал интенсивность темпов индустриализации ввиду необходимости преодоления технико-экономической отсталости СССР, унаследованной от Российской империи [5, с. 5].

После успешной защиты диссертации и получения ученой степени кандидата исторических наук В. Ф. Романовский работал в Институте истории ученым секретарем с 1954 по 1955 год, старшим научным сотрудником в 1957 году, заведующий сектором истории Великой Отечественной войны и партизанского движения с 1957 по 1968 год.

В 1961 году вышел сборник «О партийном подполье в Минске в годы Великой Отечественной войны (июнь 1941 – июль 1944 года)», подготовленный Институтом истории партии при ЦК КПБ и Институтом истории

АН БССР. В сборнике, одним из соавторов которого был В. Ф. Романовский, проанализировано большое количество документов, отражающих деятельность минского подполья в период оккупации. Впервые была описана деятельность стихийно возникшей подпольной организации Военный совет партизанского движения (ВСПД): «В феврале 1942 года только в партизанский отряд “Мститель” (командир В. Т. Воронянский) ВСПД направил около двух десятков советских бойцов и командиров. Новое пополнение партизанских отрядов проходило в течение всего периода деятельности ВСПД (сентябрь 1941 года – март 1942 года). Вместе с людьми Военный совет отправлял в партизанские отряды оружие, боеприпасы, снаряжение, медикаменты, пропагандистский материал» [7, с. 50]. Сборник, написанный после окончания войны, стал предтечей для всех последующих исторических исследований о деятельности минского подполья. В результате последующих масштабных исторических исследований деятельности партизан и минского подполья в годы Великой Отечественной войны 26 июня 1974 года указом Президиума Верховного Совета СССР городу Минску было присвоено почетное звание «Город-Герой» с вручением ордена Ленина и медали «Золотая Звезда».

Дальнейшая научно-исследовательская деятельность В. Ф. Романовского переходит в плоскость защиты белорусского исторического наследия и противодействия фальсификации истории Великой Отечественной войны и партизанского движения на оккупированной территории БССР. Это было обусловлено развертыванием «исследовательской» деятельности западных публицистов и историков по дискредитации партизанского движения в БССР в годы Великой Отечественной войны, которая проводилась в рамках холодной войны против СССР, провозглашенной в марте 1946 года У. Черчиллем в Фултоне (США) [8, с. 73].

Являясь одним из направлений информационных диверсий холодной войны, фальсификация исторических событий периода Великой Отечественной войны опосредованно несла экзистенциальную угрозу белорусской государственности. Таким образом, защита исторического наследия в ходе информационного противоборства периода холодной войны становилась делом защиты белорусской государственности (БССР). В. Ф. Романовский, в числе других белорусских ученых, считал своим долгом включиться в информационное противоборство против западных фальсификаторов.

Одним из первых фундаментальных исследований фальсификации партизанского движения в БССР в ходе Великой Отечественной войны в зарубежной историографии является научный труд В. Ф. Романовского «Супраць фальсіфікацыі гісторыі савецкага партызанскага руху», изданный в 1962 году. Следует отметить, что в задачи Института истории Академии наук БССР входило также разоблачение исторических фальсификаций. На XXII съезде КПСС были определены задачи для работников общественных наук: решительно проводить последовательную аргументированную критику буржуазных фальсификаций, вскрывать политический смысл искажений реальных событий истории Советского государства. Акцентируется внимание на обоснованной критике и вскрытии враждебной пропаганды США и ФРГ, в которой используются исторические фальсификации [9, с. 3].

В работе исследуются труды западных авторов, описывающих и анализирующих события второй мировой войны, а также белорусское партизанское движение. Исследуется сборник статей «Итоги второй мировой войны», опубликованный в ФРГ в 1953 году. В. Ф. Романовский справедливо опровергает претензии авторов сборника на беспристрастность, объективность и использование правдивых данных [9, с. 9]. Характеристики некоторых авторов как раз указывают на их предвзятость в оценках партизанского движения в БССР. Нацистские генералы Г. Гудериан, Л. Рендулич и К. Типпельскирх в период Великой Отечественной войны направляли все свои усилия на разгром советских войск, а также на разграбление, порабощение и уничтожение населения БССР в соответствии с генеральным планом «Ост».

Цель издания сборника определена редактором Н. А. Соболевым в предисловии к сборнику: «Все последующее содержание статьи направлено на то, чтобы обосновать создание агрессивного союза европейских государств под эгидой США для борьбы против “большевистской опасности”» [10, с. 18].

Исследуются высокомерные и предвзятые доводы авторов Ч. О. Диксона и О. Гейльбрунна, изложенные через призму британской колониальной парадигмы в работе «Коммунистические партизанские действия» [11, с. 117].

Практически все авторы указывают на случайный характер возникновения партизанского движения, а основными причинами его

возникновения определяются ошибки и промахи оккупационной администрации Третьего рейха. Делается акцент на возникновение партизанского движения только весной 1942 года. Фактически отрицается фактор борьбы белорусского народа за независимость от оккупантов с первых дней войны. Предсказуемо не упоминается уничтожение белорусского населения в карательных операциях и концентрационных лагерях. Все авторы игнорировали осознанное стремление народа к защите своей независимости и белорусской советской государственности.

В своей работе В. Ф. Романовский последовательно опровергает инсинуации истинных причин возникновения и развития партизанского движения во время Великой Отечественной войны. Приводит огромное количество фактических данных о деятельности партизан на оккупированной территории БССР в 1941 году, практически с первых дней вторжения. Последовательно освещает высокий уровень организации белорусского партизанского движения, его эффективность и главное – неопровержимо доказывает высочайший уровень осознанного патриотизма белорусского общества, проявившегося в тотальной непримиримой борьбе с оккупантами. Автор в своем исследовании опровергает доводы западных пропагандистов, доказывая, что белорусское партизанское движение имело массовый характер, в то время как пособничество населения оккупантам, как правило, носило вынужденный характер и не оказывало значительной поддержки захватчикам.

В 1964 году опубликована фундаментальная научная работа в сфере исследований белорусского коллаборационизма под названием «Судзельнікі ў злачынствах». Фактически она являлась продолжением предыдущей работы и также была опубликована на белорусском языке. Это давало необходимый эффект для отражения информационного давления на СССР в период холодной войны. Одним из главных нарративов западной пропаганды, в продолжение оккупационной политики Третьего рейха, было обвинение советской власти в подавлении национальной идентичности народов СССР. Особенностью данной работы является, то что она была ориентирована в том числе на белорусов, по различным причинам находящихся в эмиграции [12, с. 11].

Продолжая противостоять натиску западной пропаганды, автор исследует деятельность белорусских коллаборационистов, бесспорно

доказывая враждебность их деятельности по отношению к населению БССР, их причастность к преступлениям Третьего рейха в отношении белорусского народа, подтверждает неприятие националистической идеологии коллаборационистов большинством белорусского населения. Эта работа в последующем становится базовым исследованием, с которого начинаются многие исследования белорусского коллаборационизма в период Великой Отечественной войны [13, с. 247–248].

В материалах научной конференции Академии наук СССР, посвященной 20-й годовщине победы над фашистской Германией, прошедшей 14–16 апреля 1965 года, опубликована статья В. Ф. Романовского «Преступления германского фашизма в Белоруссии». В статье анализируется колониальная политика Третьего рейха на оккупированной территории, в результате которой произошло разрушение государственной самостоятельности и территориальной целостности БССР [14, с. 331]. Автор обращает внимание на то, что преступления германского фашизма на оккупированной территории Белоруссии – это не только преступления СС и СД, это также преступления немецко-фашистского вермахта. Функционеры Третьего рейха занимали значимые должности в государственных учреждениях и иных структурах ФРГ после войны. Тем самым автор прямо указывал на наличие в ФРГ реваншистских настроений.

Материалы написанной В. Ф. Романовским в соавторстве статьи «Нацистский террор и беззакония в Белорусской ССР» были заслушаны на 3-й Международной конференции по истории движения Сопротивления в странах Европы в годы Второй мировой войны, которая состоялась 2–4 сентября 1963 года в Карловых Варах (Чехословакия). Конференция была посвящена теме «Оккупационный режим нацистов в Европе: его формы, методы и развитие» [15, с. 300–318]. Международному сообществу были представлены обновленные данные о преступлениях нацистской Германии на оккупированной территории БССР.

Интересное исследование, а точнее сказать расследование, было проведено В. Ф. Романовским в соавторстве с В. В. Михайловым по фактам массовой гибели итальянских узников концлагерей на оккупированной территории БССР. После капитуляции Италии 13 октября 1943 года и ее последующего вступления в войну на стороне антигитлеровской коалиции тысячи итальянцев стали жертвами жестокой

расправы гитлеровцев со своими вчерашними союзниками [16, с. 70]. Исследование подтверждало преступную сущность идеологии нацизма, для которого не существовало ограничений при истреблении людей.

В 1974 году В. Ф. Романовский закончил работу над докторской диссертацией на тему «Немецко-фашистская оккупационная политика и ее крах в Белоруссии, 1941–1944 гг.». Эта работа стала апогеем его научно-исследовательской деятельности. Онаместила все знания белорусского историка по избранной тематике. Диссертация была посвящена важнейшему периоду в истории белорусской государственности, имела важное научное и социально-политическое значение. Из шести глав пять было посвящено исследованию различных аспектов оккупационной политики Третьего рейха на территории БССР, а шестая глава посвящена исследованию зарубежной историографии по указанной тематике. Таким образом были исследованы не только исторические процессы, но и их интерпретации в зарубежных исследованиях, что было чрезвычайно важным аспектом исследований в эпоху холодной войны [17, с. 311–372].

В завершение необходимо отметить еще одну, последнюю работу В. Ф. Романовского «Против фальсификации истории Белоруссии периода Великой Отечественной войны». Продолжая защищать белорусское историческое наследие, автор вступает в противоборство с новой волной западных авторов, отрицающих либо принижающих социально-политическое значение белорусского партизанского движения. Кроме того, описывает гораздо более масштабные процессы по изменению европейского общественного мнения относительно преступлений Третьего рейха во Второй мировой войне. В частности, В. Ф. Романовский первым указал на создание в 1968 году в ФРГ «Комитета по восстановлению исторической правды» [18, с. 70]. Исследовано множество зарубежных трудов, в которых искажаются события Второй мировой войны. Как и прежде, все фальсификации были последовательно разоблачены и опровергнуты автором.

Заключение

Всю свою научно-исследовательскую деятельность В. Ф. Романовский посвятил исторической науке. В соавторстве участвовал в написании пятого тома фундаментального исторического труда «Гісторыя Беларускай ССР» [19]. Исследуя историю Великой Оте-

чественной войны, белорусского партизанского движения, он вносил неоценимый вклад в защиту белорусского исторического наследия, сохраняя его для следующих поколений. Не позволяя обогатить священную для белорусов и других народов СССР историю Великой Отечественной войны, он продолжал защищать интересы белорусского народа уже после того, как отгремели последние выстрелы войны. Являясь непосредственным участником боевых действий, сохраняя в памяти преступления нацистских оккупантов в отношении белорусского народа, В. Ф. Романовский продолжал сражение с врагом уже на другом – информационном фронте.

Труды В. Ф. Романовского запечатлены в историографических сборниках, историографических разделах диссертаций и монографий ученых. Его труды ложатся в основу многих исследований периода Великой Отечественной войны. Доктор исторических наук В. Ф. Романовский ушел из жизни 21 января 1992 года, но при этом остался навечно вписан в историю белорусского народа и белорусской государственности как ее истинный защитник и патриот.

СПИСОК ИСПОЛЬЗОВАННЫХ ИСТОЧНИКОВ

1. Центральный научный архив НАН Беларуси. – Ф. 2. Оп. 1. Д. 2880. Л. 7.
2. Партизаны Беларуси [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://partizany.by/partisans/51335/> – Дата доступа: 20.12.2024.
3. **Ивлев, И. А.** Оружием контрпропаганды: Советская пропаганда среди населения оккупированной территории СССР, 1941–1944 гг. / И. А. Ивлев, А. Ф. Юденков. – М. : Мысль, 1988. – 285 с.
4. Институт истории Национальной академии наук в лицах (1929–2008 гг.) : библиогр. справ. / Г. В. Корзенко [и др.]; Нац. акад. наук Беларуси, Ин-т истории. – Мн. : Беларус. наука, 2008. – 423 с.
5. **Романовский, В. Ф.** Рабочий класс Белоруссии в борьбе за перестройку работы промышленности в годы развернутого наступления социализма по всему фронту (1930–1932 гг.) : автореф. дис... канд. ист. наук : 07.00.02 / В. Ф. Романовский ; Институт истории АН БССР. – Минск, 1954. – 15 с.
6. **Болсун, Г. А.** Противостояние немецкой и советской пропаганды на оккупированной территории Беларуси (1941–1944 гг.) : дис... канд. ист. наук : 07.00.02 / Г. А. Болсун ; Бел. гос. ун-т. – Минск, 1999. – 110 с.
7. О партийном подполье в Минске в годы Великой Отечественной войны (июнь 1941 – июль 1944 года) / Ин-т истории партии при ЦК КПБ, Ин-т истории АН БССР. – Мн. : Гос. изд-во БССР, 1961. – 88 с.

8. **Волкогонов, Д. А.** Психологическая война / Д. А. Волкогонов. – М. : Воениздат, 1983. – 288 с.

9. **Раманоўскі, В. Ф.** Супраць фальсіфікацыі гісторыі савецкага партызанскага руху / В. Ф. Раманоўскі. – Мн. : Дзяржвыд БССР, 1962. – 90 с.

10. Итоги Второй мировой войны : сборник / пер. с нем. Л. К. Комоловой ; под ред. И. Н. Соболева. – М. : Иностранная литература, 1957. – 640 с.

11. **Диксон, Ч. О.** Коммунистические партизанские действия / Ч. О. Диксон, О. Гейльбрунн. – М. : Изд-во иностр. лит., 1957. – 291 с.

12. **Раманоўскі, В. Ф.** Саўдзельнікі ў злачынствах / В. Ф. Раманоўскі. – Мн. : Беларусь, 1964. – 288 с.

13. **Зданович, В. В.** Идеологическое противостояние на оккупированной территории Белорусской ССР в исторической литературе / В. В. Зданович // Журнал российских и восточноевропейских исторических исследований. – 2022. – № 1 (28). – С. 228–294.

14. **Романовский, В. Ф.** Преступления германского фашизма в Белоруссии / В. Ф. Романовский // Вторая мировая война : материалы науч. конф., посвящ. 20-й годовщине победы над фашистской Германией, 14–16 апр. 1965 г. : в 3 кн. / гл. ред. А. М. Самсонов. – М. : Наука, 1966. – Т. 1. – С. 331–336.

15. Немецко-фашистский оккупационный режим (1941–1945 гг.) : сб. ст. / Ин-т марксизма-ленинизма при ЦК КПСС. Отд. истории Великой Отечеств. войны ; под ред. Е. А. Болтина. – М. : Политиздат, 1965. – 388 с.

16. **Михайлов, В. В.** Нельзя простить / В. В. Михайлов, В. Ф. Романовский. – Мн. : Беларусь, 1967. – 77 с.

17. **Романовский, В. Ф.** Немецко-фашистская оккупационная политика и ее крах в Белоруссии (1941–1944) : дис. ... д-ра ист. наук : 07.00.02 / В. Ф. Романовский ; АН БССР, Ин-т истории. – Минск, 1974. – 515 с.

18. **Романовский, В. Ф.** Против фальсификации истории Белоруссии периода Великой отечественной войны / В. Ф. Романовский. – Мн. : Наука и техника, 1975. – 128 с.

19. Гісторыя Беларускай ССР : у 5 т. / АН БССР, Інстытут гісторыі ; пад рэд. І. М. Ігнаценкі. – Мн. : Навука і тэхніка, 1975. – Т. 5 : Беларуская ССР у перыяд стварэння развітога сацыялістычнага грамадства і будаўніцтва камунізму (1945–1974 гг.) / АН БССР, Інстытут гісторыі ; рэдкал.: А. А. Філімонаў і інш. – 1975. – 774 с.

Поступила в редакцию 20.12.2024 г.

Контакты: dzmitrydlugash@mail.ru (Длугаш Дмитрий Александрович)

This article examines the biography and research activities of the Belarusian historian Vasily Filippovich Romanovsky. The formation of the Belarusian historian and the evolution of his works are examined in chronological order. Special attention is paid to the relationship of his scientific research with the development of information warfare during the Cold War. The article analyzes the scientist's activities in the context of the need to protect historical heritage, counter information threats, distort and falsify the history of the Great Patriotic War and the Belarusian partisan movement. The assessment of the significance of V.F. Romanovsky's fundamental works for the development of Belarusian historical science by the next generations of researchers is given.

Keywords: Cold War, information warfare, falsification of history, protection of historical heritage, collaboration, occupation policy of the Third Reich, historiography, partisan movement in the BSSR, crimes of German Nazism.

Dluhash D. A. V. F. ROMANOVSKY'S SCIENTIFIC RESEARCH ACTIVITY ON THE PROTECTION OF THE BELARUSIAN HISTORICAL HERITAGE DURING THE COLD WAR ERA

ОСОБЕННОСТИ КОММУНИКАЦИИ И ВЗАИМОДЕЙСТВИЯ С ОКРУЖАЮЩИМ МИРОМ: СОЦИАЛЬНО-ПСИХОЛОГИЧЕСКИЕ ТРЕНДЫ ЦИФРОВОГО ПОКОЛЕНИЯ

А. А. Габинская

кандидат философских наук, заведующий кафедрой психолого-педагогического сопровождения образования

Гродненский областной институт развития образования

Целью данной статьи является изучение особенностей коммуникации и взаимодействия с окружающим миром цифрового поколения. Высказана мысль о том, что погружение в киберпространство не только позволяет молодому поколению удовлетворять их личные запросы и решать целый ряд жизненных задач, но также трансформирует механизм и формы межличностного общения. Последние актуализируют необходимость детального изучения социально-психологических трендов цифрового поколения с целью предупреждения негативных воздействий на подрастающее поколение и возникновения деструктивных социокультурных трансформаций.

Ключевые слова: виртуальное общение, интернет-технологии, межпоколенческий диалог, киберсоциализация, цифровые болезни, цифровой номуадизм, цифровое поколение.

Введение

За последние годы накоплен достаточный социокультурный материал, раскрывающий специфические черты цифрового поколения. Часть данных исследований сопряжена с влиянием интернет-технологий на сознание, поведение, потребности и предпочтения представителей данного поколения. В этой связи такие ученые, как Ф. Ю. Албакова [1], В. О. Богданова [2], Н. С. Быстракова [3], М. Р. Мирошкина, Е. Б. Евладова, Е. Г. Артамонова [4], Г. У. Солдатова, Е. И. Рассказова [5] отмечают, что интернет-технологии оказали существенное воздействие на ценностно-смысловую сферу, мировосприятие и миропонимание молодежи.

Другие авторы (Л. О. Алгави, И. И. Волкова, Ш. Н. Кадыров, Н. Е. Расторгуев, Е. Р. Южанинова) приходят к выводу, что цифровые технологии значительно трансформировали способы самоактуализации и самореализации подрастающего поколения в интернет-пространстве. В частности, данные авторы выделяют виртуальную самореализа-

цию в конструктивной форме (монетизация творческой деятельности, компьютерное со-творчество, экспериментирование, «примерка» различных позитивных образов на собственную личность, виртуальная самопрезентация, создание интернет-игр, прохождение онлайн-курсов, удовлетворение потребностей в общении и развлечении, создание чатов, ведение форумов и т.д.) и в деструктивной форме (игра идентичностей, различные формы кибербуллинга, кибераддикций, фишинга, вишинга, смишинга, фарминга и т.д.).

Есть группа исследователей (А. П. Глухов, Д. Е. Добринская и Т. С. Мартыненко, И. П. Кужелева-Саган, Л. Н. Мешкова, М. Пренски, В. С. Третьякова, Н. Г. Церковникова, С. Б. Цымбаленко), которые акцентируют внимание на том, что не столько снизилось социальное взаимодействие подрастающего поколения, сколько видоизменилась инфраструктура межличностного общения в целом. Например, Д. Е. Добринская и Т. С. Мартыненко замечают, что с появлением в жизни подрастающего поколения интернет-технологий, различных девайсов модифицировались возможности и качество коммуникаций, включая межпоколенческое взаимодействие. И если первый фактор (наличие технических устройств) тесно связан с финансированием, то второй отражает «цифровой разрыв» в возможностях и доступе к новейшим технологиям представителей различных слоев населения и предшествующих поколений [6, с. 109]. Аналогичного мнения придерживается М. Пренски, который по-новому интерпретирует проблему «отцов и детей», имея в виду противопоставление по уровню освоения интернет-технологий «цифровых иммигрантов» (предыдущие поколения) и «цифровых аборигенов» (молодое поколение) [7].

Как известно, по И. С. Тургеневу, проблема отцов и детей имеет непреходящий характер. Старшие поколения, как правило,

демонструють в значительній степені песимістичне ставлення до більш молодих поколінь. В наші часи міжпокоління діалог набув ще більш неоднозначного характеру. В зв'язі з цим вивчення і розуміння особливостей комунікації і способів взаємодії молоді з оточуючим світом крізь призму феномена покоління набуває особливу актуальність, так як дає можливість відповісти на питання: які інтернет-технології позитивно впливають на міжособистісне спілкування старших і молодших поколінь, а які, навпаки, не дозволяють налагодити міжпокоління діалог.

Основная часть

Под термином «поколение» мы понимаем общность современников, обладающих типичными идейными, нравственными, духовными, социально-психологическими характеристиками и находящихся в определенных, культурно-исторически обусловленных условиях. Что касается цифрового поколения (другие названия: миллениалы, поколение Z, интернет-поколение, домоседы, поколение «ЯЯЯ», глобальное поколение), то, как переходное поколение, сформировавшееся на рубеже двадцатого и двадцать первого столетий, оно существенно отличается от предыдущих. Рассмотрим более детально своеобразные черты цифрового поколения.

Цифровое поколение еще в раннем возрасте получает индивидуальный опыт вовлеченности в интернет-пространство, что, несомненно, влияет на дальнейшее развитие и процесс социализации его представителей. Тесно взаимодействуя с онлайн-средой, молодое поколение решает самые разнообразные задачи и удовлетворяет различного рода потребности. В то же время виртуальная реальность таит в себе немало опасностей и угроз для развития молодого поколения. Сегодня, вследствие свободного, бесконтрольного выхода в глобальную всемирную сеть, у цифрового поколения проявляются интернет-аддикции, которые препятствуют их личностно-социальному развитию. Кроме того, длительное нахождение детей в интернет-пространстве приводит к развитию феномена виртуального эскапизма и иллюзии полноценного общения. Ситуация усугубляется тем, что современные родители вместо полноценного развития ребенка, в основе которого лежит процесс межличностного взаимодействия посредством разговорной речи, на продолжительное время вручают

детям мобильные устройства. С помощью электронных устройств невозможно в полной мере достичь сенсорной интеграции у ребенка (сложный координационный процесс получения и обработки информации, поступающей от органов чувств и рецепторов и направленной на реагирование различного рода раздражителей), благодаря которому ребенок смог бы осуществлять планирование и выполнение конкретных действий в ответ на сенсорный раздражитель.

Сенсорная интеграция наподобие адаптивного опыта взаимодействия с окружающей действительностью выполняет огромную роль в развитии нервно-психических процессов организма человека, так как систематизирует и ранжирует получаемую информацию в его сознании. Особенностью же современного поколения является наличие клипового поверхностного мышления, предполагающего кратковременные формы коммуникации, опирающиеся на объемы информации, поступающие в головной мозг маленькими порциями, имеющими фрагментарный, нелинейный характер. Это сказывается на мировоззрении нового поколения, а также на формировании коммуникативно-культурной памяти, выполняющей роль «определенной помнящей общности» (по И. А. Исаеву), подразумевающей движение смыслов в социокультурном пространстве и времени от недавнего прошлого в настоящее и будущее.

Согласно исследованиям ряда ученых (А. Ассман, В. Ф. Олешко, Е. В. Олешко, А. А. Сучилина, М. Халбвакс), коммуникативно-культурная память сохраняется и транслируется в течение двух, трех поколений, что позволяет сохранять целостность, синкретизм мировосприятия исторического сознания. В этой связи А. Ассман, анализируя феномен коллективной памяти, фиксирует 3 измерения (полюса), в которых она реализуется, а именно: накопительный аспект как воспоминание и трансляция прошлого; трансформация исторического сознания и памяти конкретного социума под влиянием субъективных факторов; осознание единства, идентичности определенной общности [8].

В совокупности эти 3 измерения культурной памяти позволяли сохранять преемственность передачи социального опыта от одного поколения к другому. При этом моральные ценности и нравственные нормы принимались и транслировались на протяжении многих веков. Такая межпоколенческая преем-

ственность носила естественно-исторический характер и играла важную роль в генерации и передаче надбиологических программ деятельности, общения, образцов поведения людей, фиксирующихся в универсалиях отдельно взятых культур (В. С. Степин).

В настоящее время коммуникативно-культурная память воспроизводится преимущественно в интернет-пространстве посредством сетевого принципа коммуникации. При этом движение смыслов в виртуальном пространстве подвергается кардинальной трансформации. В первую очередь это касается преемственности трансляции смыслов культурной памяти в межпоколенческом взаимодействии. Уже сегодня меняются коммуникативные формы и привычки при переходе от одного поколения к другому. В данном контексте внимание общественных деятелей, ученых, педагогов обращено на трудности в общении современной молодежи с предшествующими поколениями. Например, по мнению И. Г. Шестаковой, данная проблема связана с несоответствием возможностей человека адаптироваться к меняющейся инфраструктуре информационного бытия современного человека [9, с. 47].

Добавим, что если ранее межпоколенческий диалог носил управляемый, планомерный характер и рассматривался как процесс осмысления, транслирования социального опыта от предшествующих поколений к молодежи, то теперь данный процесс стал приобретать все более стихийный характер. На процесс развития, становления личности ребенка заметное воздействие стали оказывать не столько агенты традиционной социализации (родители, родственники, педагоги и т.д.), сколько интернет-сообщества. Возник феномен так называемой киберсоциализации.

В последние годы допустимо мнение о том, что под влиянием новейших технологий темп и вектор передачи социокультурного опыта от предыдущих к нынешним поколениям видоизменился. Нивелируя потребность живого общения, данный процесс трансформировался с одностороннего в разносторонний, где опыт старших стал минимизироваться, а более востребованным стал опыт молодых. В этой связи ученые все чаще стали указывать на проблему утраты ценностного фона, исключительных взаимоотношений бабушек и дедушек с внуками, которые играли важную роль в недалеком прошлом. По утверждению П. Н. Демина, глубина и широта современных трендов социализации молодого

поколения отражают серьезные сдвиги в ценностной сфере как отдельно взятых субъектов массовой информационной коммуникации, так и духовной культуры в обществе в целом [10, с. 77].

У современных детей в независимости от геолокации электронного устройства есть ресурсы и возможность общаться с интересными, по их мнению, людьми посредством интернет-сообществ. Такая опосредованность экономит время и создает некий психологический комфорт у подростка, связанный с обеспокоенностью по поводу собственной внешности, социокультурных стереотипов, внутренних проблем, страхов и т.д. Здесь часто уравниваются статусные позиции собеседников, отсутствуют какие-либо обязательства и правила общения, что в перспективе не позволяет конструировать долгосрочные, тесные связи между людьми.

По сути, в виртуальном общении отсутствуют невербальные сигналы, отражающие чувственно-наглядную, эмоциональную сферу деятельности человека. Коммуникаторы через экран не чувствуют в полной мере друг друга. Как следствие, может происходить трансформация навыков биологического, естественного общения (общения «лицом к лицу»), характеризующегося трудностями в межличностном общении (социальном, товарищеском, интимно-личностном).

Определенная доля абстрагирования субъектов виртуальной коммуникации друг от друга впоследствии приводит к искажению их образов, представлений, что, несомненно, влияет не только на самооценку, но и оценку объективной действительности. Можно сказать, что отсутствие прямого контакта в киберпространстве притупляет ответственность субъектов коммуникации за результат общения. Как отмечают В. С. Третьякова и Н. Г. Церковникова, коммуникатор напрямую не может повлиять на собеседника, в связи с чем создается впечатление безнаказанности и обратимости, так как появляется возможность не только прокрутить уже прошедшее событие, но и удалить его или прокомментировать его в непристойном виде, не переживая тем временем по этому поводу [11, с. 57]. Последнее поднимает вопросы, связанные с удовлетворением деструктивных потребностей личности, а также проблему понимания чувств и состояний другого человека. Так, в ситуации чрезмерной открытости люди откровенно выражают личные переживания,

чувства и рассчитывают на ответную реакцию и эмоциональное сближение. А в ситуации анонимности в виртуальном пространстве, наоборот, реализация своих потребностей происходит в другом ракурсе. Человек, обнажая темные аспекты своей сущности, позволяет себе выплескивать отрицательные эмоции на других, нарушая социальные правила и нормы киберобщения, оставаясь при этом часто безнаказанным. Такое, по мнению Е. В. Филиндаша, псевдообщение имеет игровой, бесконтрольный характер, что обостряет проблему оторванности от окружающей действительности и приводит к состоянию одиночества в его деструктивных проявлениях (кризис собственного «Я», патологическая агрессивность, негативизм, нигилизм и т.д.) [12, с. 245].

Пытаясь избавиться от одиночества благодаря виртуальной коммуникации, молодежь живое общение подменяет искусственным, что еще больше усугубляет данную проблему. По этому поводу М. Р. Арпентьева замечает, что в настоящее время отношения друг с другом, сама жизнь в виртуальном пространстве являются признаками отчужденности, и называет данное явление «цифровым номадизмом», а представителей молодого поколения – «цифровыми беспризорниками», которые чувствуют и живут как одинокие люди [13].

Цифровой номадизм, как своеобразный стиль жизни большого количества молодежи, требует научного и философского осмысления, так как обнажает проблемы социальной изоляции и анонии, а также обостряет проблему деиндивидуализации, напрямую связанную с потерей индивидуальности, «самости», идентичности. Другими словами, индивид усредняется, уравнивается с другими людьми, становится одинаковым в толпе – состояние схоже с представлением о повседневной утрате человеком самого себя (М. Хайдеггер).

Вместе с тем тотальное информационное воздействие Интернета деформирует у подрастающего поколения представления об основаниях заключения брачно-семейных отношений, сохранении супружеской верности, о ролевых семейных взаимоотношениях. По результатам исследований российских ученых Ю. Воронцовой, В. В. Ермолаева, представления у подрастающего поколения о важности и ценности семьи в последние годы трансформировались. Данное явление связано с тем, что у молодого поколения наблюдается десинхронизация половой, экономической и социально-культурной зрелости [14].

Несмотря на то что современное поколение большое количество времени проводит в киберпространстве, сами встречи с родственниками достаточно часто происходят не аутентично, а опосредовано. Как ранее уже было отмечено, само понятие семьи видоизменилось: традиционный, нуклеарный тип семьи (в супружестве двое родителей воспитывают детей) трансформировался в нетипичные бинарную и даже сетевую формы (последующие браки родителей приводят не только к смене партнеров, но и к искажению модели семьи у ребенка). Данный феномен называют «семья после семьи» (В. Уэлман), и он сказывается на эффективности функционирования многих социальных институтов, а также полноценной социализации молодежи, так как затрагивает триаду «супружество – родительство – родственные связи», в основе которой лежит ценностное отношение к семье и окружающей действительности.

Современное поколение, несмотря на раннее приобретение опыта взаимодействия с новейшими технологиями, наиболее уязвимо и к деструктивным влияниям интернет-среды. К примеру, некоторые исследователи (М. Б. Бергельсон, О. В. Лутовинова, М. Ю. Сидорова) обращают внимание на тенденцию увеличения англоязычных слов в коммуникации цифрового поколения посредством гибридного языка интернет-пространства. Этот своеобразный лингвистический конструкт из различных языков, графической фиксации текста в виде смайлов, фото-, видеоматериалов пользователя в современной коммуникационной деятельности, порождая «новую коммуникативность», отражается на мировоззрении, мировосприятии и коммуникации нового поколения.

Сегодня в молодежной среде, несмотря на отсутствие дефицита информации, можно наблюдать так называемые цивилизационные «цифровые болезни» (цифровой Альцгеймер, цифровая аутизация, цифровая псевдодебильность, цифровое слабоумие, фейсбук-депрессия), которые имеют неофициальный характер, но тем не менее характеризуются психическими расстройствами подрастающего поколения. Данное обстоятельство отражается как на когнитивных способностях детей и подростков, так и на их психологическом состоянии и физическом здоровье. В соответствии с этим многие специалисты рекомендуют для цифрового поколения сбалансированную медиадету.

С нашей точки зрения, данная медиадиа-ета может противостоять «всеядности», неразборчивому поглощению огромного потока информации – информационному токсикозу, который негативно влияет на весь организм молодого поколения, так как способствуют выработке кортизола – гормона стресса. Кроме того, медиадиа-ета, как инструмент профилактики безопасного поведения в киберпространстве, может противодействовать такому антисоциальному явлению как информационный экстремизм в молодежной среде (информация в интернет-пространстве, связанная с целенаправленным оскорблением, унижением отдельно взятых людей, сообществ по расовому, национальному, конфессиональному, религиозному признакам; демонстрация и пропаганда нацистской символики и атрибутики; призыв и осуществление массовых беспорядков и т.п.).

Следует отметить, что информационный экстремизм в современных условиях носит вирусный характер и угрожает стабильности внутривнутриполитической и социокультурной обстановки в стране, а также способствует ослаблению национальной государственности, порождая деструктивные настроения. Учитывая сказанное, многие специалисты поднимают вопрос о включении в образовательные программы подрастающего поколения вопросов, касающихся цифрового этикета и цифровой гигиены – важных составляющих эффективной коммуникации и поведенческой культуры личности в киберпространстве.

Заключение

Несмотря на то что цифровое поколение отличается супермобильностью и свойством быстро приспосабливаться к социокультурным условиям, оно подвержено следующим негативным факторам: интернет-аддикциям, «цифровым болезням», клиповому мышлению, иллюзорности и примитивности общения, социальной отчужденности и равнодушию, что отрицательно сказывается на их социализации и коммуникации с окружающим миром. Данные факторы актуализируют необходимость детального изучения изменяющихся потребностей, поведенческих характеристик и форм коммуникации молодого поколения с целью прогнозирования различных сценариев межпоколенческого взаимодействия для предупреждения негативных социокультурных трансформаций.

СПИСОК ИСПОЛЬЗОВАННЫХ ИСТОЧНИКОВ

1. **Албакова, Ф. Ю.** Экзистенциальные проблемы бытия в контексте развития цифровых форм коммуникаций Ф. Ю. Албакова // Вестник МИРБИС. – 2019. – № 2 (18). – С. 12–17.
2. **Богданова, В. О.** Экзистенциальный подход к исследованию бытия цифрового поколения / В. О. Богданова // Социум и власть. – 2022. – № 3 (93). С. 17–24.
3. **Быстракова, Н. С.** Цифровое поколение в проекции жизненного самоопределения / Н. С. Быстракова // Новые информационные технологии в образовании и науке. – 2018. – № 1. – С. 102–109.
4. **Мирошкина, М. Р.** Цифровое поколение в ракурсе эпох и образовательных отношений / М. Р. Мирошкина, Е. Б. Евладова, Е. Г. Артамонова // Вопросы психического здоровья детей и подростков. – 2017. – № 4. – С. 75–78.
5. **Солдатова, Г. У.** «Цифровой разрыв» и межпоколенческие отношения родителей и детей / Г. У. Солдатова, Е. И. Рассказова // Психологический журнал. – 2016. – Т. 37. – № 5. – С. 44–54.
6. **Добринская, Д. Е.** Перспективы российского информационного общества: уровни цифрового разрыва / Д. Е. Добринская, Т. С. Мартыненко // RUDN Journal of Sociology. – 2019. – № 19 (1). – С. 108–120.
7. **Пренски, М.** Цифровые аборигены, цифровые иммигранты / М. Пренски // На горизонте. – 2001. – № 9. – С. 1–6.
8. **Асман, А.** Распалась связь времен? Взлет и падение темпорального режима Модерна / А. Асман ; пер. с нем. Б. Хлебникова ; пер. англ. цитат Д. Тимофеева. – М. : Новое литературное обозрение, 2017. – 272 с.
9. **Шестакова, И. Г.** Живые свидетели эры до-Интернета / И. Г. Шестакова // Общество. Среда. Развитие. – 2017. – № 1. – С. 47–51.
10. **Демин, П. Н.** Риски и возможности онлайн-социализации подростков и молодежи / П. Н. Демин // Ценности и смыслы. – 2022. – № 3. – С. 76–85.
11. **Третьякова, В. С.** Цифровое поколение: потери и приобретения / В. С. Третьякова, В. С. Церковникова // Профессиональное образование и рынок труда. – 2021. – № 2. – С. 53–65.
12. **Филиндаш, Е. В.** Особенности информационного общества, инициирующие одиночество в среде российской молодежи / Е. В. Филиндаш // Вестник университета. – 2015. – № 8. – С. 243–248.
13. **Арпентьева, М. Р.** Люди-беспризорники: жители инфокоммуникационной культуры / М. Р. Арпентьева // Научное обозрение. 2018. – № 1. – С. 1–7.

14. **Воронцова, Ю.** Гендерные представления о семье у поколения Z: кросс-культурный анализ / Ю. Воронцова, В. В. Ермолаев // Психолог. – 2016. – № 3. – С. 79–95.

Поступила в редакцию 10.11.2023 г.

Контакты: alla.gabinskaya@mail.ru (Габинская Алла Александровна)

Habinskaya A. A. FEATURES OF COMMUNICATION AND INTERACTION WITH THE ENVIRONMENT: SOCIO-PSYCHOLOGICAL TRENDS OF THE DIGITAL GENERATION

The purpose of the article is to study the features of communication and interaction of the digital generation with the outside world. The idea

has been expressed that immersion in cyberspace not only allows the younger generation to satisfy their personal needs and solve a number of life problems, but also transforms the mechanism and forms of interpersonal communication. The latter actualize the need for a detailed study of the socio-psychological trends of the digital generation in order to prevent negative impacts on the younger generation and the emergence of destructive sociocultural transformations.

Keywords: virtual communication, Internet technologies, intergenerational dialogue, cyber socialization, digital diseases, digital nomadism.

О РАЗГОВОРНЫХ ВАРИАНТАХ ПАДЕЖНЫХ ФОРМ ИМЕНИ СУЩЕСТВИТЕЛЬНОГО В РУССКОМ ЯЗЫКЕ КОНЦА XX – ПЕРВОЙ ЧЕТВЕРТИ XXI ВЕКА

Е. А. Болтовская

кандидат филологических наук, доцент, старший научный сотрудник
Могилевский государственный университет имени А. А. Кулешова
докторант кафедры русского языка
Белорусский государственный университет

В статье представлены результаты исследования конкуренции общеупотребительных и стилистически ограниченных вариантов формы предложного падежа единственного числа имени существительного. На основе сопоставления сведений, полученных из лексикографических источников, и данных, извлеченных из Национального корпуса русского языка, выявляются и характеризуются произошедшие с конца XX в. по настоящее время изменения в кодификационном статусе и узуальном употреблении разговорных и просторечных падежных вариантов имени существительного.

Ключевые слова: динамика морфологической нормы, конкуренция вариантов, разговорный падежный вариант, имя существительное, форма предложного падежа единственного числа.

Введение

Многие исследователи актуального состояния и перспектив развития русского языка, динамики его разноуровневых норм указывают на оскудение словарного запаса и отсутствие языковых авторитетов в сознании значительной части русскоговорящих, размывание границ литературного языка, усиление функциональной мобильности языковых единиц, стилистическое снижение, огрубление, примитивизацию речи вследствие нарушения принципа соответствия речи сфере общения и более толерантного, чем прежде, отношения языкового коллектива к употреблению стилистически маркированных единиц [см. 1–6].

С конца 80-х гг. XX в. до начала XXI в. вместо языка лучших художественных произведений, содержащих традиционные нормативные образцы, язык СМИ становится «эталонным нормотворческим фактором» [1, с. 60]. В наши дни СМИ утрачивают позицию самой влиятельной сферы коммуникации, уступая место различным видам интернет-общения (электронная почта, веб-форумы, веб-конфе-

© Болтовская Е. А., 2025

ренции, сетевые дневники, видеоблоги, социальные сети и др.): «Новые информационные технологии становятся важнейшим фактором изменения современной языковой личности. Завоевав позиции одного из ведущих типов общения, компьютерная коммуникация заметно подтачивает традиционную норму» [2, с. 5].

Цель данной статьи – установить сходства и различия между кодифицированной и узуальной нормой употребления стилистически ограниченных и общелитературных вариантов формы предложного падежа существительных в русском языке конца XX – первой четверти XXI в.

Основная часть

Материалом для исследования послужили данные, почерпнутые из лексикографических источников, изданных в начале XXI в., а также данные, собранные из текстов, представленных в подкорпусе «Социальные сети» Национального корпуса русского языка (НКРЯ). В работе были использованы описательный и количественный методы, при извлечении примеров из НКРЯ (<https://ruscorpora.ru/>) применялся частичный морфологический анализ слова.

Если сравнивать морфологический уровень языка с лексическим по степени стилистической дифференциации, то они находятся на противоположных полюсах. Считается, что морфологический уровень наименее подвержен стилистическому расслоению, в то время как для лексики даже отсутствие пометы в словаре значимо как показатель того, что она является общеупотребительной [7, с. 36–37]. Однако и в морфологии имеются свои источники («горячие точки» [8, с. 233]), обладающие определенным стилистическим потенциалом. Среди вариантов падежных форм наибольший интерес вызывают формы именительного (для неодушевленных существительных – и винительного) падежа множественного числа существительных мужского

го рода (*диспетчеры* и *диспетчера*, *бамперы* и *бампера*, *договоры* и *договора*), родительного падежа множественного числа (*абрикосов* и *абрикос*, *яслей* и *ясель*), предложного падежа единственного числа существительных мужского рода с предлогами *в* и *на* (*на снегу* и *на снеге*), родительного падежа единственного числа существительных с вещественным и абстрактным значением (*кусоч сахара* и *сахару*, *много простора* и *простору*), творительного падежа единственного числа существительных женского рода на мягкий согласный (*лошадями* и *лошадьми*) и существительных на *-а/-я* (*сиротой* и *сиротою*, *дядей* и *дядею*).

Употребление варианта с *-у/-ю* в сочетаниях с предлогами *в* и *на* отмечается в таких значениях, как 'внутри, в пределах чего-л.' (*в соке* и *в соку*), 'в условиях чего-л., в состоянии чего-л.' (*находиться в отпуске* и *в отпуску*), 'на поверхности чего-л.' (*распластаться на снеге* и *на снегу*). В то же время имеются сочетания, в которых предпочтителен или единственно возможен вариант с флексией *-у/-ю* (например, *на полу*, *на боку*, *во рту*, *в лесу*), в составе фразеологических сочетаний (например, *быть в долгу* перед кем-н., *на слуху* у кого-н.), в сочетаниях вещественных существительных с предлогом *в* со значением охвата или полноты охвата чем-н. (*весь в снегу*, *испачкать руки в клею*, *ходить в шелку*) и в сочетании с предлогом *на* со значением способа изготовления с применением чего-л. (*пальто на меху*, *мебель на клею*, *пряники на меду*) [см. 9, с. 188–189].

Основой для нашего исследования послужил «Словарь грамматических вариантов русского языка» (СГВРЯ) Л. К. Граудиной, В. А. Ицковича, Л. П. Катлинской, иллюстративный материал которого основан на речевой практике последних десятилетий XX в. [10, с. 7]. По словарю был составлен список равноправных вариантов существительных в форме предложного падежа единственного числа (54 пары) и выделено 7 вариантов с пометами *разговорное* (разг.) и *просторечное* (прост.): разг. *в газу*; *в грунту*; *на квасу*; *в отпуску*; *в терему*; *на холоду*; прост. *в хору* [10, с. 196–197].

Сначала мы выяснили, какая нормативная оценка дается стилистически сниженным словоформам в других лексикографических источниках: «Кратком словаре трудностей русского языка» (КСТРЯ) Н. А. Еськовой [11], «Словаре правильной русской речи» (СППР) Н. В. Соловьева [12] и словарях, размещенных на образовательном портале Грамота.ру

(<https://gramota.ru/>): «Большой толковый словарь русских существительных» (БТСРС) (отв. ред. Л. Г. Бабенко), «Большой толковый словарь русского языка» (БТСРЯ) (общ. ред. С. А. Кузнецов), «Большой универсальный словарь русского языка» (БУСРЯ) В. В. Морковкина, Г. Ф. Богачевой, Н. М. Луцкой, «Русский орфографический словарь» (РОС) под ред. В. В. Лопатина и О. Е. Ивановой, «Русское словесное ударение» (РСУ) М. В. Зарвы.

В КСТРЯ представлена следующая нормативно-стилистическая характеристика названных вариантов: 1) находящиеся в пределах литературной нормы равноправные варианты, соединенные союзом *и*: *быть (или находиться) в отпуску* и *в отпуске*; 2) нормативные варианты, один из которых признается основным. Помету «допустимо», означающую, что вариант не считается неправильным, но менее желателен в употреблении, имеют варианты *на газу*, *в/на грунту* в знач. 'разные виды', *в квасу* в знач. 'разные сорта' в специальном употреблении.

В СППР помету «разговорное» имеет находящийся в рамках нормы для разговорного функционального стиля вариант *на грунту*. Равноценными в семантико-стилистическом плане автором словаря признаются варианты *на газе* и *на газу*, *в отпуске* и *в отпуску*, *в хоре* и *в хору*.

Как видим, сведения о кодифицированной норме, почерпнутые из нескольких лексикографических источников, довольно противоречивы. Так, в СГВРЯ варианты *в отпуске* и *в отпуску* представлены как стилистически окрашенные разговорные, а в СППР и КСТРЯ – как равнозначные, нейтральные; в СГВРЯ *в хору* признается просторечным вариантом, а в СППР – стилистически нейтральным дублетом *в хоре*.

Лексикографы по-разному оценивают вариант *на газу*: он признается просторечным (БУСРЯ), разговорным (БТСРС, БТСРЯ) и нейтральным, равноправным с вариантом *на газе* (РОС). Вариант *в отпуску* имеет пометы, свидетельствующие о его общелитературном (РОС) или разговорном (БТСРС) статусе.

По поводу вариантов *в терему* и *на холоду* мнения кодификаторов схожи: первый считается стилистически нейтральным эквивалентом варианта *в тереме* (БТСРС, БТСРЯ, РСУ), а второй – разговорным (БТСРС, БТСРЯ).

Исследователи единодушны в том, что разговорная речь «находится в зоне узуального, а не кодифицированного нормирования» [7, с. 35], поэтому мы обратились к материалам подкорпуса «Социальные сети» НКРЯ,

чтобы отследить актуальные узусные предпочтения в использовании рассматриваемых вариантов.

Вариант *в хоре* встретился в 94 текстах с 2010 по 2022 г.: *Помни и о существовании певцов, не забудь, что самое высокое в музыке находит свое выражение в хоре и оркестре.* [vk (28.05.2016)]. Вариант *в хору* в подкорпусе «Социальные сети» не обнаружен. Поиск этого варианта в газетном подкорпусе также не увенчался успехом. Только в 16 текстах основного подкорпуса нашлись примеры, но это употребления, зафиксированные с 1886 по 1957 г. в художественной речи (*Конечно,*

Шилов в хору был всегдашним солистом или запевалой... [А. А. Черкасов. Шахтама (1886)]; *А разве Ворон тоже в хору состоит?* – спросил Степа. [А. И. Мусатов. Большая весна (1957)], т. е. можно, основываясь на узусных данных, утверждать, что вариант *в хору* в русском языке давно перешел в пассивный словарный запас и в современных словарях для него уместна такая помета, как «устар.» (устарелое).

Результаты количественного анализа других пар вариантов формы предложного падежа единственного числа представлены в табл. 1.

Таблица 1 – Употребление вариантов формы предложного падежа единственного числа существительных мужского рода в текстах подкорпуса «Социальные сети» НКРЯ, в %

Вариантная пара	Вариант на -е	Вариант на -у
<i>в газе – в газу</i>	100	0
<i>на газе – на газу</i>	67,8	32,2
<i>в грунте – в грунту</i>	100	0
<i>на грунте – на грунту</i>	100	0
<i>в квасе – в квасу</i>	100	0
<i>на квасе – на квасу</i>	100	0
<i>в отпуске – в отпуску</i>	99,5	0,5
<i>в тереме – в терему</i>	100	0
<i>на холоде – на холоду</i>	98,8	1,2
<i>в хоре – в хору</i>	100	0

Примечание. Одно найденное употребление *в терему* при подсчете не учитывалось, так как в контексте цитировалось стихотворение А. Блока: ... *Я умчусь с огневыми кругами И настигну Тебя в терему.* Блок А., 1901 [vk (05.06.2015)].

Как видно из таблицы, только в паре *на газе – на газу* сохраняется конкуренция, в остальных парах доминирует вариант с флексией -е.

Употребление в реальной языковой практике варианта *на квасе* (встретился в 23 текстах) со значением способа изготовления с применением чего-л. вместо рекомендованного авторами «Краткой русской грамматики» единственно возможного в данном случае *на квасу* [9, с. 189], с одной стороны, уточняет имеющиеся теоретические представления о конкуренции рассматриваемых падежных вариантов, с другой – подтверждает общую тенденцию «к сокращению круга слов, принимающих окончание -у» [10, с. 194] в современном литературном языке. Интересно, что в газетном подкорпусе также отмечается стопроцентное употребление варианта *на квасе* в 26 текстах с 1997 по 2000 г.: *Эксперты «Рос-*

качества» признали классической окрошку на квасе, а не на кефире. [Поставлена точка в споре об окрошке // lenta.ru, 13.06.2019]. Вариант *на квасу* приводился только в качестве примера из словаря В. И. Даля: *В толковом словаря В.И. Даля она определяется как «холодная похлебка на квасу из отварной ботвы, лука, огурцов, рыбы; баланда, холодец».* [Ярославская Юлия. Суп не съел – откуда сила? // Труд-7, 07.08.2008]. Возможно, это связано с тем, что «особенностью русской разговорной речи является ее принципиальная литературность, а не диалектность происхождения» [6, с. 142], а также с более прочной позицией варианта на -е в падежной системе: в парах вариантов, представляющих форму предложного падежа единственного числа, основным, стилистически немаркированным, как правило, является вариант с флексией -е, способной выразить все оттенки значений предложного падежа, тогда

как вариант с флексией *-у/-ю* может иметь стилистически сниженную окраску.

Проверив далее наличие в подкорпусе «Социальные сети» (с привлечением данных газетного подкорпуса) 54 пар вариантов, признанных авторами СГВРЯ равноправными, мы пришли к следующим выводам: в 20 парах со значительным количественным перевесом преобладает вариант на *-у/-ю* (*в аэропорту* (95,6 %) – *в аэропорте* (4,4 %), *на балу* (94,6 %) – *на бале* (5,4 %), *на бережку* (100 %) – *на бережке* (0 %), *в быту* (98,3 %) – *в быте* (1,7 %), *на валу* (100 %) – *на вале* (0 %), *на ветру* (99,4 %) – *на ветре* (0,6 %), *в гробу* (98,7 %) – *в гробе* (1,3 %), *в дыму* (88,9 %) – *в дыме* (11,1 %), *в зобу* (100 %) – *в зобе* (0 %), *на колу* (100 %) – *на коле* (0 %), *в кругу* (86,9 %) – *в круге* (13,1 %), *на лугу* (99,2 %) – *на луге* (0,8 %), *во мху* (81,3 %) – *во мхе* (18,7 %), *на пиру* (86,3 %) – *на пире* (13,7 %), *на плоту* (95,1 %) – *на плоту* (4,9 %), *в пуху* (80,0 %) – *в пухе* (20,0 %), *в строю* (95,4 %) – *в строе* (4,6 %), *на спирту* (82,8 %) – *на спирте* (17,2 %), *в хлеву* (94,1 %) – *в хлеве* (5,9 %), *в шкафу* (99,9 %) – *в шкафе* (0,4 %)), при этом варианты *на бережке*, *на вале*, *в зобе*, *на коле* отсутствуют. В 19 парах с количественным отрывом доминирует вариант на *-е* (*на воротах* (85,7 %) – *на воротах* (14,3 %), *в гное* (75,0 %) – *в гноу* (25,0 %), *на дубе* (82,2 %) – *на дубу* (17,8 %), *на зубе* (100 %) – *на зубу* (0 %), *на крюке* (100 %) – *на крюку* (0 %), *на мысе* (80,4 %) – *на мысу* (19,6 %), *в поте* (73,1 %) – *в поту* (26,9 %), *на свете* (98,7 %) – *на свету* (1,3 %), *в слое* (100 %) – *в слою* (0 %), *на смотре* (75,0 %) – *на смотре* (25,0 %), *в спирте* (90,7 %) – *в спирту* (9,3 %), *в супе* (100 %) – *в супу* (0 %), *в уголке* (93,4 %) – *в уголку* (6,6 %), *на холме* (100 %) – *на холму* (0 %), *в цветке* (84,6 %) – *в цветку* (15,4 %), *в чае* (98,5 %) – *в чаю* (1,5 %), *в чане* (100 %) – *в чану* (0 %), *в часе* (100 %) – *в часу* (0 %), *в шелке* (80 %) – *в шелку* (20 %)), при этом варианты *на зубу*, *на крюку*, *в слою*, *в супу*, *на холму*, *в чану*, *в часу* не были нами обнаружены. Предпочтение вариантам *на дубе*, *в зобу*, *на колу*, *в пуху*, *в поте*, скорее всего, отдается в связи с цитацией прецедентных текстов (авторских и народных), в которых они задействованы (*златая цепь на дубе том, в зобу дыханье сперло, на колу мочало, рыло/рыльце в пуху, в поте лица*), существование варианта *на воротах* объясняется тем же (*брань на воротах не виснет*).

Из-за малой распространенности (встречаемость до 3 текстов) узуальная норма не-

очевидна для 9 пар вариантов: *на мыске* – *на мыску* (1:0), *на настее* – *на насту* (0:0), *в паю* – *в пае* (1:0), *в рою* – *в рою* (2:1), *на следе* – *на следу* (1:1), *в следе* – *в следу* (3:0), *на стане* – *на стану* (3:0), *в тыне* – *в тыну* (0:0), *в узле* – *в узлу* (3:0).

В парах *в мозгу* (59,3 %) – *в мозге* (40,7 %) (602:413), *в стоге* (57,5 %) – *в стогу* (42,5 %) (42:31), *в цехе* (54,8 %) – *в цеху* (45,2 %) (80:66) продолжается активная конкуренция. Данные из газетного подкорпуса свидетельствуют о более частой встречаемости первых вариантов в паре: *в мозгу* (51,6 %) – *в мозге* (48,4 %) (651:610), *в стоге* (77,3 %) – *в стогу* (22,7 %) (153:45), *в цехе* (78,9 %) – *в цеху* (21,1 %) (1106:295).

Некоторые количественные данные не совпадают в подкорпусе «Социальные сети» и в газетном подкорпусе. Так, по данным из соцсетей, более востребованы варианты на *-у/-ю*: *на клею* (68,4 %) – *на клее* (31,6 %) (13:6), *в краю* (60,3 %) – *в крае* (39,7 %) (79:52), *в меду* (58,5 %) – *в меде* (41,5 %) (38:27), а в газетном подкорпусе обнаружена их или одинаковая встречаемость *на клею* (50,0 %) – *на клее* (50,0 %) (8:8), или преобладание варианта на *-е*: *в краю* (3,1 %) – *в крае* (96,9 %) (142:4548), *в меду* (46,1 %) – *в меде* (53,9 %) (54:63).

Большую востребованность вариантов на *-е* (например, *в крае*, *в меде*, *в стоге*, *в цехе*) в текстах публицистических изданий и вариантов на *-у/-ю* в текстах соцсетей (например, *в мозгу*, *в краю*, *в меду*, *на клею*) можно объяснить тем, что письменная газетная речь «требует сознательной установки на средства выражения» [13, с. 169]. Так как «варианты на *-е* употребляются в письменной речи и приобрели оттенок книжной или нейтрально-литературной речи», они в большей мере, чем варианты на *-у/-ю*, которые, «употребляясь в разговорной речи, имеют разговорную или просторечную окраску» [10, с. 195], соответствуют строгой литературной норме и сфере, предполагающей официальное общение.

Заключение

Таким образом, диапазон нормативно-стилистической оценки вариантов на *-у/-ю*, представляющих форму предложного падежа единственного числа существительных мужского рода, широк. Один и тот же вариант (например, *на газу*) лексикографами может признаваться просторечным, разговорным, нейтральным. Сопоставив на материале корпусных данных кодифицированную норму с

узуальной, мы пришли к выводу о том, что в текстах соцсетей малоупотребительны или отсутствуют варианты, признанные в СГВРЯ разговорными (*в отпуску, на холоду, в терему*), более того, рекомендованный грамматикой в качестве нормативного вариант *на квасу* заменяется вариантом *на квасе*. В подавляющем большинстве пар равноправных, стилистически нейтральных вариантов наблюдается сокращение конкуренции или в сторону варианта на -у (*в аэропорту, на балу, в быту, в шкафу*), или в сторону варианта на -е (*в супе, на свете, в спирте, в чае*). Лишь в нескольких вариантных парах можно отметить сохранение активных конкурентных отношений (*в мозгу – в мозге, в меду – в меде, в стоге – в стогу, в цехе – в цеху*).

СПИСОК ИСПОЛЬЗОВАННЫХ ИСТОЧНИКОВ

1. Гудков, Д. Б. О русском языке и не только о нем / Д. Б. Гудков, Е. Ю. Скороходова. – М. : Гнозис, 2010. – 206 с.
2. Барабаш, В. В. Динамика нормативности и экологическое мышление (на материале русского языка XXI века) : монография / В. В. Барабаш, Л. А. Брусенская, Э. Г. Куликова. – М. : ФЛИНТА, 2023. – 220 с.
3. Дегальцева, А. В. К проблеме изменения норм современного русского языка / А. В. Дегальцева, О. Б. Сиротинина // Изв. Саратов. ун-та. Новая сер. Сер.: Филология. Журналистика. – 2022. – Т. 22, вып. 4. – С. 368–376. Doi.org/10.18500/1817-7115-2022-22-4-368-376, EDN:VUIWGO.
4. Сицына-Кудрявцева, А. Н. Языковые факторы, способствующие актуализации употребления разговорных, жаргонных, сленговых единиц в современных дискурсах и текстах / А. Н. Сицына-Кудрявцева // Вестник МГОУ. Серия «Русская филология». – 2011. – № 6. – С. 85–90.
5. Сковородников, А. П. О предмете эколингвистики применительно к состоянию современного русского языка / А. П. Сковородников // Экология языка и коммуникативная практика. – 2013. – № 1. – 194–222.
6. Сиротинина, О. Б. Изучение разговорной речи как одна из проблем русской стилистики / О. Б. Сиротинина // Stylistyka, Opole. – 1997. – Т. 6 : Русская стилистика. – С. 137–144.
7. Литневская, Е. И. Письменные формы русской разговорной речи (к постановке проблемы) : монография / Е. И. Литневская. – М. : МАКС Пресс, 2011. – 304 с.
8. Голуб, И. Б. Стилистика русского языка / И. Б. Голуб. – 10-е изд. – М. : Айрис-пресс, 2008. – 448 с.
9. Краткая русская грамматика / В. Н. Белосусов, И. И. Ковтунова, И. Н. Кручинина [и др.] ; под ред. Н. Ю. Шведовой и В. В. Лопатина. – 2-е изд., стер. – М. : РАН, Ин-т русского языка им. В. В. Виноградова, 2002. – 726 с.
10. Граудина, Л. К. Словарь грамматических вариантов русского языка / Л. К. Граудина, В. А. Ицкович, Л. П. Катлинская ; Ин-т рус. яз. им. В. В. Виноградова РАН. – 3-е изд., стер. – М. : Астрель : АСТ, 2008. – 555, [5] с.
11. Еськова, Н. А. Краткий словарь трудностей русского языка. Грамматические формы. Ударение / Н. А. Еськова. – 6-е изд., испр. – М. : АСТ: Астрель, 2008. – 605, [3] с.
12. Соловьев, Н. В. Словарь правильной русской речи / Н. В. Соловьев ; Ин-т лингв. исслед. РАН. – М. : АСТ : Астрель, 2008. – 847, [1] с.
13. Винокур, Г. О. Культура языка / Г. О. Винокур ; предисл. Л. П. Крысина. – 5-е изд., стереотип. – М. : ЛЕНАНД, 2018. – 352 с.

Поступила в редакцию 20.09.2024 г.

Контакты: boltovskaia@m.msu.by (Болтовская Елена Александровна)

Boltovskaya E. A. ON COLLOQUIAL VARIANTS OF THE CASE FORMS OF RUSSIAN NOUNS DURING THE LATE XX CENTURY – THE FIRST QUARTER OF THE XXI CENTURY

The article presents the results of the study of competitiveness between commonly used and stylistically restricted singular prepositional case forms of a noun. Based on the comparison of the data obtained from lexicographic sources and the data extracted from the Russian National Corpus, the changes in the codification status and usual usage of colloquial and common noun case variants that have occurred since the end of the XX century up to the present days are revealed and characterized.

Keywords: morphological norm dynamics, competitiveness of variants, colloquial case variant, noun, singular prepositional case form.

ЭПИТЕТЫ ЖИЗНИ И СМЕРТИ В РУССКОМ ПОЭТИЧЕСКОМ ДИСКУРСЕ XX–XXI ВЕКОВ: СЕМАНТИКА ВНУТРЕННЕГО КАЧЕСТВА

А. А. Папейко

кандидат филологических наук, доцент, доцент кафедры теории и методики начального образования

Могилевский государственный университет имени А. А. Кулешова

В статье рассматриваются особенности образной характеристики жизни и смерти в русском поэтическом дискурсе XX–XXI веков. Описываются следующие подгруппы эпитетов: отношение к окружающему; грусть и веселье; интенсивность проявления; беспечность и тревожность; величие и низость; ментальные свойства; обусловленность физиологическим состоянием; греховность и праведность; уровень культуры и др.

Ключевые слова: концепт, лексический репрезентант, русская поэзия, поэтический дискурс, семантика, эпитет, жизнь, смерть.

Введение

Жизнь и смерть принадлежат к числу лингвокультурных понятий, изучение которых позволяет получить представление о важнейших фрагментах языковой картины мира [1]. Воплощенные в дискурсе посредством тех или иных лексических реализаций названные концепты трактуются как ключевые многими авторитетными учеными [2–6], при этом часто прослеживается логически оправданное стремление к рассмотрению *жизни* и *смерти* в качестве членов бинарной оппозиции, отношения в рамках которой не исчерпываются антонимией [7–10].

Невозможность непосредственного наблюдения за концептом как ментальным образованием приводит к тому, что, помимо определения перечня актуальных лексических репрезентантов, необходимо продумать стратегию описания и классификации, учитывающую одновременно и формально-грамматические, и смысловые признаки языковых единиц. С этой целью в рамках диссертационного исследования «Ключевые концепты русского поэтического дискурса XX – начала XXI веков в синхронии и диахронии: семантико-статистическое моделирование» нами была

разработана методика для описания концептов *жизнь* и *смерть*, учитывающая следующие образные средства с участием одноименных лексических репрезентантов: субстантивные метафоры; субстантивные сравнения; эпитеты; субъектные глагольные метафоры; объектные глагольные метафоры. В рамках каждого из перечисленных образных средств были выявлены 20 соотносимых смысловых групп, выделяемых в лексико-семантических полях *жизни* и *смерти* и дающих возможность частотного и смыслового сопоставления. Некоторые результаты апробации данной методики на материале творчества М. И. Цветаевой были опубликованы ранее [11–14].

Цель данной статьи заключается в рассмотрении группы эпитетов *жизни* и *смерти* с общей семантикой внутреннего качества. Фактической базой исследования послужили поэтические произведения 31 автора, написанные в период с 1901 по 2022 г. и содержащие в совокупности более 2,2 млн словоупотреблений. Источником текстового материала послужил Национальный корпус русского языка [15], а также различные литературные ресурсы, персональные страницы и личные архивы авторов.

Основная часть

Сплошная выборка из рассмотренных текстов показала в общей сложности 1206 примеров эпитетов *жизни* и 320 эпитетов *смерти* (495 и 213 разных слов соответственно), что дает соотношение эпитетов *жизни* и *смерти* $1206 : 320 \approx 3,77$ раза. Одной из частых в лексико-семантическом поле *жизни* (3-е место; 128 примеров, 83 разных слова, 10,61%) и самой частой в поле *смерти* (1-е место; 52 примера, 39 разных слов, 16,25%) проявила себя группа эпитетов с общей семантикой внутреннего качества.

Данные эпитеты осуществляют образную характеристику *жизни* по следующим направ-

лениям (цифры в скобках обозначают количество употреблений того или иного слова, если значение больше 1):

1) качества по отношению к окружающим – *беспощадная* (2), *благосклонная*, *грозная* (2), *грубая* (4), *жестокая* (2), *злая*, *любезная*, *милая* (8), *насмешливая*, *нежная* (2), *строгая* (3), *суровая* (3), *холодная*;

2) грусть и веселье, удовольствие и не-удовольствие – *блаженная*, *веселая* (в т.ч. *веселенькая*) (7), *грустная* (4), *занудливая*, *несчастливая*, *печальная* (4), *скорбная*, *скудная* (в т.ч. *скушная*) (2);

3) интенсивность проявления – *бесноватая*, *бешабабинная* (2), *бешеная*, *кроткая*, *лихая*, *мятежная*, *неистовая*, *пылкая* (2), *спокойная*, *страстная*, *терпеливая*, *удалая*, *чумная*, *шальная*;

4) беспечность и тревожность, отношение к обязанностям – *беззаботная*, *беспечальная*, *беспечная* (2), *беспокойная*, *ветреная* (2), *тревожная*;

5) величие и низость, честность и лицемерие – *верная*, *гнуемая*, *лживая*, *лицемерная*, *лукавая*, *подлая* (2), *хитрая*, *честная*;

6) ментальные свойства – *безумная* (2), *беспамятная*, *глупая*, *забычивая*, *задумчивая*, *зломудрая*, *мудрая*, *несмышленная*;

7) обусловленность физиологическим состоянием – *бессонная*, *больная* (2), *пьяная*, *усталая*;

8) степень целесообразности, защищенности, уверенности – *беззащитная*, *бесприютная*, *беспутная* (2), *бесталанная*, *вздорная*, *незадачливая*, *непутевая*, *удивленная*;

9) греховность и праведность, наличие вины – *алчная*, *грешиная* (2), *девственная*, *жадная*, *невинная*, *неповинная*, *праведная*, *развратная* (2), *святая* (3), *сластолюбивая*;

10) культура, образованность, обработка – *дикая* (в т.ч. *дикуватая*) (3), *дремучая*, *породистая*, *сорная*.

Эпитеты *смерти* показывают соответствие первым девяти из перечисленных выше подгрупп:

1) *безжалостная*, *грозная*, *грубая* (3), *добрая*, *жестокая*, *злая* (2), *лютая*, *милая*, *недобрая*, *нежная*, *неласковая*, *справедливая*;

2) *блаженная* (3), *веселая* (2), *грустная*, *нудная*, *печальная* (2), *угрюмая*, *хмурая*;

3) *бесстрастная* (2), *кроткая*, *лихая*, *окрыленная*, *шальная*;

4) *деловитая*, *усердная*;

5) *величавая*, *верная* (4), *гордая*, *правдивая*, *трусливая*;

6) *любопытная*, *памятливая*, *пристальная*;

7) *ненасытная*, *пьяная* (3);

8) *доверчивая*, *растерянная*;

9) *невинная*.

С учетом соотношения количества разных слов, представляющих лексико-семантические поля *жизни* и *смерти* в рамках данной группы (83 и 39 соответственно), обращают на себя внимание эпитеты в первых двух подгруппах, в которых *смерть* получает характеристику, по лексическому разнообразию практически не уступающую отражению *жизни*: количество разных слов, представляющих лексико-семантические поля *жизни* и *смерти*, составляет, соответственно, в первой подгруппе 13 и 12, а во второй 8 и 7. При этом заметно, что характеристика как *жизни*, так и *смерти* в рамках одной и той же подгруппы зачастую полярна.

Так, в плане качеств по отношению к окружающим (подгруппа №1) *жизнь*, с одной стороны, показана как *беспощадная*, *грозная*, *грубая*, *жестокая*, *злая*, *строгая*, *суровая*, а с другой – как *благосклонная*, *любезная*, *милая*, *нежная*; интересно, что и с точки зрения лексического разнообразия, и с точки зрения совокупного количества примеров преобладают эпитеты с отрицательной коннотацией, например: *Но жизнь свежа и беспощадна: / в черемухи прощальный день / глаз безутешный – мрачно, жадно / успел воззриться на сирень.* (Ахмадулина) *Мне нравится, что жизнь со мной – груба / и так насмешлива, подробна и неуместна...* (Воденников) *Я пью за разоренный дом, / За злую жизнь мою, / За одиночество вдвоем, / И за тебя я пью, – / За ложь меня предавших губ, / За мертвый холод глаз, / За то, что мир жесток и груб, / За то, что Бог не спас.* (Ахматова) В рамках этой же подгруппы *смерть*, с одной стороны, предстает как *безжалостная*, *грозная*, *грубая*, *жестокая*, *злая*, *лютая*, *недобрая*, *неласковая*, а с другой – как *добрая*, *милая*, *нежная*, *справедливая*; заметно, что в плане лексического разнообразия и совокупного количества примеров также преобладают эпитеты с обобщенной отрицательной оценкой, например: *Теперь ты знаешь тяжкий труд / И дуновение смерти грозной, / Ты знаешь бешенство минут, / Припоминая слово «поздно».* (Гумилев) *...без пощады Смерть в Аид низводит души, / Напрасно к ней взывать; / Жестокая, она, заткнув упрямо уши, / Не хочет нам внимать.* (Брюсов) *Вот лежу я на койке, как чайничек, / Злая смерть надо мною кружит, / А начальник мой, а начальник, / Он в отдельной палате лежит.* (Галич)

В подгруппе №2 с общим значением эмоций, настроения, ощущений (грусть и веселье, удовольствие и неудовольствие) *жизнь* изображается, с одной стороны, как *блаженная, веселая*, а с другой – как *грустная, занудливая, несчастная, печальная, скорбная, скучная*. *Смерть* в рамках этой же подгруппы определяется эпитетами *блаженная, веселая*, которым противостоят отрицательно окрашенные образные определения *грустная, нудная, печальная, угрюмая, хмурая*. Как и в случае с первой подгруппой, в обоих лексико-семантических полях преобладают эпитеты негативной окраски, например: *А там: Уйдем, уйдем от жизни, / Уйдем от этой грустной жизни!* (Блок) *Но только тот действительно спортсмен – / Кто разорвал печальной жизни плен: / Он знает мир, где дышит радость, пенясь...* (Мандельштам) – Сравн.: *Когда его художник милый / Выводит на стеклянной тверди, / В сознании минутной силы, / В забвении печальной смерти.* (Мандельштам)

В остальных подгруппах эпитетов полярность характеристики также прослеживается, хотя и проявляется более четко в лексико-семантическом поле *жизни*, что объясняется количеством зафиксированных примеров. Например, в подгруппе №3 эпитеты *жизни* по принципу интенсивности проявления разделяются на: а) *бесноватая, бесшабашная, беишенная, лихая, мятежная, неистовая, пылкая, страстная, удалая, чумная, шальная*; б) *кроткая, спокойная, терпеливая*. Аналогичное разделение эпитетов смерти оказывается следующим: а) *лихая, окрыленная, шальная*; б) *бесстрастная, кроткая*. Заметно, что в поле *жизни* очевидно преобладают эпитеты с общей семантикой активности, интенсивности, силы проявления, в то время как в поле *смерти* обнаруживается смысловое и количественное равноправие эпитетов, выражающих страсть и бесстрашие, лихость и кротость, например: *Жизнь – как вода, / вел я всегда / жизнь бесшабашную. / Все ерунда, / кроме суда / самого страшного.* (Высоцкий) *Прошумела в ратном поле / Жизнь мятежная моя.* (Брюсов) *А про что умолчал в этой жизни чумной? / Умолчал про стихи, убиенные мной.* (Егоров) – Сравн.: *Пусть говорят: любовь крылата, – / Смерть окрыленное стократ.* (Мандельштам) *Выход один беднякам и богатым: / Смерть – это самый бесстрастный анатом.* (Высоцкий)

В подгруппе №4 (беспечность и тревожность, выполнение обязанностей) *жизнь* показана как *беззаботная, беспечальная, беспеч-*

ная, ветреная Vs. *беспокойная, тревожная*; в то же время *смерть* предстает только как *деловитая и усердная*. Подгруппа №5 (величие и низость, честность и лицемерие) наделяет *жизнь* такими качествами, как *верная, честная* Vs. *гнусная, лживая, лицемерная, лукавая, подлая, хитрая* с заметным акцентом на качествах отрицательных, а *смерть* характеризуется как *величавая, верная, гордая, правдивая* Vs. *трусливая* с явным акцентом на качествах положительных, например: *Вынужденные страдать – / Мы, печальники на время, / Вынуждены принимать / Лицемерной жизни бремя.* (Мандельштам) *Значит, жизнь такая подлая – / лежи и в грязь встывай?! (Евтушенко) – Сравн.: Дай мне / ясной жизни, / судьба! / Дай мне / гордой смерти, / судьба! (Рождественский)*

Подгруппа №6 (ментальные свойства) называет такие внутренние качества *жизни*, как *безумная, беспамятная, глупая, забывчивая, несмысленная* Vs. *задумчивая, зломудрая, мудрая*, т.е. обозначается как высокий, так и низкий уровень памяти, внимания, интеллекта; в поле *смерти* обозначены только качества *любопытная, памятливая, пристальная*, свидетельствующие о развитом внимании и хорошей памяти, например: *Я коротаю жизнь мою, / Мою безумную, глущую: / Сегодня – трезво торжествую, / А завтра – плачу и пою.* (Блок) *Беспамятна лишь жизнь, – такой не назовем / Ее сестру, – последняя дремота / В назначенный вчера, сегодня входит дом, / И целый день стоят открытыми ворота.* (Ахматова) *И тут была страшная битва, / И дым, и грохот – и снова / Наш город тихий / Живет задумчивой жизнью...* (Шварц) – Сравн.: *И перед тем как ринуться, посметь – / В висок... наискосок к затылку, / Вдруг загляделась пристальная Смерть / На жалкую взбесившуюся жилку.* (Высоцкий)

Если в описанных выше подгруппах №1 (качества по отношению к окружающим) и №2 (грусть и веселье, удовольствие и неудовольствие) наблюдается приблизительно одинаковое разнообразие эпитетов в обоих лексико-семантических полях, то в подгруппах №8 и №9 широкому лексическому спектру поля *жизни* соответствуют лишь малочисленные эпитеты *смерти*. Так, в рамках подгруппы №8 (степень целесообразности, защищенности, уверенности) *жизнь* отображается как *беззащитная, бесприютная, беспутная, бесталанная, вздорная, незадачливая, непутевая, удивленная*, при этом замечен акцент на незащищенности и

недостаточной осмысленности; *смерть* же получает характеристику как *доверчивая* и *растерянная*. В подгруппе №9 (греховность и праведность, наличие и отсутствие) полнота отображения *жизни* и *смерти* контрастирует еще больше: десяти разным эпитетам *жизни*, дающим в совокупности 14 примеров и представляющим оба полюса при разделении на греховное и праведное (*алчная, грешная, девственная, жадная, невинная, неповинная, праведная, развратная, святая, сладострастная*) в поле *смерти* соответствует единичный эпитет *невинная*.

В рамках подгруппы внутренних качеств обращает на себя внимание не просто частое столкновение дискурсивных образов *жизни* и *смерти* в узком контексте, но и их лаконичная характеристика по принципу антитезы, позволяющей подчеркнуть противоположные качества противоположных же понятий. Так, в первой из приведенных ниже цитат контекстуальное сопоставление *жизни* и *смерти* позволяет оценить их с точки зрения ментальных способностей, а во второй противопоставить по признаку свойству говорить правду или лгать: *Как жизнь забывчива, как памятлива смерть.* (Ахматова) – Сравни: *Правдива смерть, а жизнь бормочет ложь...* (Гумилев)

Контекстуальное столкновение *жизни* и *смерти* может служить почвой для сопоставления не столько названных понятий, сколько различных «вариантов» одного из них. Так, в приведенной ниже цитате сравниваются не столько *жизнь* и *смерть*, сколько *жизнь* достойная и *жизнь* недостойная, «правильная» и «неправильная», в результате чего в качестве главной ценности утверждается не само наличие *жизни* как таковой, но ее качество, безусловный примат соответствия внутреннему эталону: *И рано нас равнять с болотной слизью – / Мы гнезд себе на гнили не соведем! / Мы не умрем мучительною жизнью – / Мы лучше верной смертью оживем!* (Высоцкий)

Что касается общих для *жизни* и *смерти* эпитетов, то к ним относятся качественные *блаженная, верная, веселая, грозная, грубая, грустная, жестокая, злая, кроткая, лихая, милая, невинная, нежная, печальная, пьяная, шальная*, которые дают в сумме 41 пример эпитетов *жизни* и 28 примеров эпитетов *смерти*, что составляет в двух лексико-семантических полях 32,03 и 53,85% соответственно и отличается от совокупного показателя по общим эпитетам менее чем на 10%.

Заключение

Сказанное в статье позволяет сделать следующие выводы.

1. Характеристика как *жизни*, так и *смерти* в рамках одной и той же подгруппы часто оказывается полярной, что в силу количественной представленности более заметно в лексико-семантическом поле *жизни*.

2. В подгруппах с семантикой качеств по отношению к окружающим и основным эмоциям, ощущений, настроения в лексико-семантических полях *жизни* и *смерти* преобладают эпитеты негативной окраски.

3. В плане интенсивности проявления жизнь в сравнении со смертью отражается в поэтическом дискурсе как начало безусловно более активное, спонтанное, сильное.

СПИСОК ИСПОЛЬЗОВАННЫХ ИСТОЧНИКОВ

1. **Логинова, М. М.** Концептуализация лингвокультурных понятий «жизнь» и «смерть» в русской языковой картине мира: когнитивные, лексико-семантические характеристики и гендерная специфика : автореф. дис. ... канд. филол. наук : 10.02.01 / М. М. Логинова ; Кубанский гос. ун-т. – Краснодар, 2017. – 26 с.

2. **Апресян, Ю. Д.** Образ человека по данным языка: попытка системного описания / Ю. Д. Апресян // Вопросы языкознания. – 1995. – № 1. – С. 37–67.

3. **Караулов, Ю. Н.** Русский язык и языковая личность / Ю. Н. Караулов. – 7-е изд. – М. : Издательство ЛКИ, 2010. – 264 с.

4. **Попова, З. Д.** Очерки по когнитивной лингвистике / З. Д. Попова, И. А. Стернин. – 3-е изд. – Воронеж, 2003. – 192 с.

5. **Степанов, Ю. С.** Константы : Словарь русской культуры / Ю. С. Степанов. – 3-е изд., испр. и доп. – М. : Академический проект, 2004. – 992 с.

6. **Шмелев, А. Д.** Русская языковая модель мира : материалы к словарю / А. Д. Шмелев. – М. : Языки славянской культуры, 2002. – 224 с.

7. **Александрович, Н. В.** Экзистенциально-значимые концепты LIFE/ЖИЗНЬ и DEATH/СМЕРТЬ в оригинале и переводах художественного текста / Н. В. Александрович // Мир науки, культуры, образования. – 2008. – № 4 (11). – С. 45–49.

8. **Дзюба, Е. В.** Концепты жизнь и смерть в поэзии М. И. Цветаевой : дис. ... канд. филол. наук : 10.02.01 / Е. В. Дзюба. – Екатеринбург, 2001. – 255 с.

9. **Пономарева, Е. Ю.** Концептуальная оппозиция «Жизнь – Смерть» в поэтическом дискурсе (на материале поэзии Д. Томаса и В. Брюсова)

: автореф. дис. ... канд. филол. наук : 10.02.20 / Е. Ю. Пономарева ; Тюменский гос. ин-т. – Тюмень, 2008. – 27 с.

10. **Прохорова, А. В.** Биполярность концепта «Жизнь / Смерть» в дискурсивном пространстве ранних рассказов Л. Андреева / А. В. Прохорова // Вестник РУДН. Сер. Русский и иностранные языки и методика их преподавания. – 2018. – Т. 16, № 2. – С. 224–241.

11. **Папейко, А. А.** Метафорическое осмысление жизни в поэтическом дискурсе М. И. Цветаевой: глагольные конструкции со значением субъекта / А. А. Папейко // Вестник МГЛУ. Сер. 1. Филология. – 2023. – № 5(126). – С. 93–100.

12. **Папейко, А. А.** Качественная характеристика жизни в поэтическом дискурсе М. И. Цветаевой / А. А. Папейко // Известия Смоленского гос. ун-та. – 2023. – № 4 (64). – С. 89–101.

13. **Папейко, А. А.** Лексический репрезентант концепта *ЖИЗНЬ* в поэтическом дискурсе М. И. Цветаевой: субстантивные метафоры / А. А. Папейко // Веснік МДУ імя А. А. Куляшова. Сер. Гуманітарныя навукі (гісторыя, філасофія, філалогія). – 2024. – № 1 (63). – С. 81–85.

14. **Папейко, А. А.** Жизнь как объект глагольного действия в поэтическом дискурсе М. И. Цветаевой / А. А. Папейко // Веснік Мазырскага дзяржаўнага педагагічнага ўніверсітэта імя І. П. Шамякіна. – 2024. – № 1 (63). – С. 179–184.

15. Национальный корпус русского языка [Электронный ресурс]. – 2023. – Режим доступа: ruscorpora.ru. – Дата доступа: 01.09.2023.

Поступила в редакцию 02.09.2024 г.

Контакты: anatoly_papeiko@mail.ru (Папейко Анатолий Анатольевич)

Papeiko A. A. EPITHETS OF LIFE AND DEATH IN THE RUSSIAN POETIC DISCOURSE OF THE XX–XXI CENTURIES: SEMANTICS OF INTERNAL QUALITY

The article examines the features of the figurative characteristics of life and death in the Russian poetic discourse of the XX – XXI centuries. The following subgroups of epithets with general semantics of internal quality are described: attitude towards others; sadness and joy; intensity of manifestation; carelessness and anxiety; greatness and baseness; mental properties; dependence on physiological state; sinfulness and righteousness; level of culture, etc.

Keywords: concept, lexical representative, Russian poetry, poetic discourse, semantics, epithet, life, death.

ЭТИМОЛОГИЯ ЛЕКСИЧЕСКИХ ЕДИНИЦ СО ЗНАЧЕНИЕМ РОДСТВЕННЫХ ОТНОШЕНИЙ В СОВРЕМЕННОМ АНГЛИЙСКОМ ЯЗЫКЕ

А. В. Динькевич

кандидат филологических наук, доцент кафедры романо-германской филологии
Могилевский государственный университет имени А. А. Кулешова

В статье рассматривается этимология лексических единиц, передающих значение родственных отношений. Определено, что с генетической точки зрения данный слой лексики в английском языке является индоевропейским и общегерманским. Определено иноязычное влияние на данный слой лексики, выразившееся в наличии французских заимствований, а также отражающее скандинавское влияние.

Ключевые слова: этимология, лексические единицы со значением родственных отношений, современный английский язык, диахрония

Введение

Диахронические исследования в современной парадигме языкознания не теряют своей актуальности, поскольку позволяют глубже проникнуть в историю становления языка, объяснить как тенденции его развития, так и многие особенности и явления на современном этапе [1]. Несмотря на имеющиеся исследования в области лексики, все еще остаются аспекты, которые вызывают интерес к более детальному изучению [2].

В научной литературе, посвященной изучению лексического строя английского языка, а также в учебниках по истории и лексикологии английского языка процессы формирования терминосистемы родства рассматриваются достаточно кратко. Между тем сведения о процессе складывания данного слоя словаря английского языка могут внести вклад в установление этимологических особенностей.

Целью статьи является определение этимологии пласта слов, обозначающих родственные отношения и соотношение исконной и заимствованной лексики в терминосистеме родства. Изучение терминов родства поможет выявить степень иноязычного влияния, прежде всего французского и латинского, на ядро лексического состава современного английского языка.

Данный слой лексики представляет интерес для изучения, поскольку термины родства и свойства относятся к архаичному и устойчивому разделу лексической системы любого языка.

Основная часть

Путем отбора лексики из учебников по практике английской речи, интернет ресурсов по изучению английского языка и тематических словарей английского языка нами сформирован корпус лексических единиц, выражающих отношения, которые являются родственными. Объединим отобранные лексические единицы по их семантике в следующие группы:

1) обозначающие семью в целом, ее близких членов: *family, folks, household, tribe, clan, next of kin* ‘ближайший родственник’, *descendant, ancestor, forefather, grandfather, grandmother, grandparents, great grandparents; mother, father, sister, brother, son, daughter, sibling* (‘родные брат и сестра’);

2) обозначающие более далеких родственников *aunt, uncle, cousin* (в том числе в сложных словах *second/third cousin* (‘троюродные сестра/брат’), *fourth cousin* (‘четвероюродные сестра/брат’); *niece, nephew*;

3) слова, обозначающие родственные отношения свойства (*inlaws*) ‘родственников одного супруга по отношению к другому и его родственникам’: *daughter-in-law* (‘невестка’ или ‘сноха’, жена брата/сына), *son-in-law* (‘зять’, муж сестры, дочери) *mother-in-law* и т. д.;

4) другие лица, относящиеся к членам семьи: *a foster child/brother* (‘приемный ребенок/брат’), *step-mother/father* (‘мачеха/отчим’), *half-brother/sister* (‘сводные брат/сестра’).

Рассмотрим этимологию слов первой лексической группы.

По сведениям этимологических словарей, существительное *family* получило распространение в среднеанглийский период (первые десятилетия XV в.). Слово имеет латинские корни. Оно раскрывает особенности социального устройства английского общества и, по-видимому, отражает понятие семьи, взятого из быта и жизни французской аристократии и феодалов той эпохи. Так под словом *family* в основном понимаются все слуги, служители и помощники в доме (семье хозяев): “servants of a household” [3]. Слово *family* этимологиче-

ски восходит к латинскому слову *familia*, что значит *family servants, domestics collectively, the servants in a household* [там же]. При этом под словом *family* сначала имелись в виду все слуги (челядь), а затем также члены семьи хозяев домовладения.

Для передачи слова *family* ‘семья’ в его современном значении “группа родственников” (“*a group of people who are related to each other, such as a mother, a father and their children*” [4]) говорящие на латинском языке жители Римской империи употребляли другое слово – *domus* (отсюда же и английское прилагательное *domestic*). К производным словам от латинского *famulus* относятся существительное *famula* ‘служанка’ (“*serving woman, maid*,”), наречие *famulanter* ‘как слуга’ (“*in the manner of a servant*”), прилагательное *familiaris* ‘принадлежащий чему-либо домохозяйству, семейный; дружеский’ (“*of one’s household, private; intimate*”), существительное *familiaritas* также могло означать ‘близкая дружба’ (“*close friendship*”). Что примечательно, слово “фамильярный” в русском языке, очевидно, этимологически связано с тем же латинским словом, которое обозначало дружеский, семейный тон общения, но со временем обрело в русском отрицательный оттенок (“неуместно развязный, слишком непринужденный, бесцеремонный” [5]).

Что касается исконно германских лексем, имевших значение “семья, родственники”, то известно две лексические единицы с данным значением. «Древнегерманские тексты позволяют реконструировать для обозначения рода прагерманскую праформу **kun-*. Ср.: **kun-* > гот. *kunja* ‘род, раса, племя’, др.-англ. *cun(n)* ‘раса, люди, семья’, др.-исл. *kun* ‘род, родственник’. В то же время в древнегерманских языках присутствуют слова, отражающие семейные отношения и восходящие к праформе **hiwa-*. Ср.: **hiwa-* > гот. **heirs* ‘дом’; др.-англ. *hiwan (higan)* ‘семья’, ‘домочадцы’; др.-исл. *hjú/hjün, hjon* ‘домочадцы’, ‘супруги» [6, с. 485]. Следует отметить, что в германский период под семьей, согласно проведенной семантической реконструкции, понималось «совместное проживание мужа, жены и их детей» [там же, с. 389].

В древнеанглийском языке существовала еще одна лексическая единица: *mægþ*, обозначающая большую группу кровных родственников (“*an extended family, a kind of kindred group*”), а также имела значение ‘поколение’ или ‘народ’ (“*clan, tribe, generation, stock, race, people*” [7]).

В словаре Collins указывается дата появления слова *mæg*: оно зафиксировано в древ-

неанглийский период, до 900 г.; древнеанглийское *mæg* в результате модификации правописания в среднеанглийском изменилось на *mai*, а в современном английском – на *may* [3]. Примечательно, что слово *may* сохранилась до нашего времени в американском варианте английского как устаревшее, в значении *maiden* ‘девица’, ‘девушка’, ‘дева’ [там же]. По-видимому, этимология слов (*old*) *maid/maiden* ‘(старая) дева, незамужняя; девственный’ связана с рассматриваемой лексемой. Исторически произошло сужение лексического значения до специального термина: так стали называть кровную родственницу, незамужнюю девушку/женщину в семье. При этом в современном английском языке вариант *maiden* является архаичным [8]. Интересно, что по данным этимологического словаря А. И. Смирницкого, слово *mæg* ‘родственник’ присутствует в ряде древнегерманских языков, что может указывать на его прагерманскую этимологию. Его значения в то время также связаны с наименованием членов семьи мужского пола: древневерхненемецкое *māg* и древнескандинавское *māgr* означают ‘тесть’, ‘свекор’, ‘зять’, готское *mēgs* значит ‘зять’ [6, с. 217]. Таким образом, этимология слова помогает обнаружить понимание семьи как малой ячейки общества в общегерманский и древнеанглийский период, которое сменилось на понимание под семьей слуг и хозяев конкретного домовладения в среднеанглийский период.

Лексема *folk(s)* употребляется также в значении ‘семья’ и имеет общегерманские корни (“*a people, the inhabitants of a state, a nation*” и “*a race, tribe*” [6, с. 187; 8]). То же общегерманское происхождение имеет лексема *household* ‘домочадцы, домашнее хозяйство; семья’ [4; 7, с. 206;], образованная путем сложения германских основ *hūs* ‘house’ + (*ge*)-*heald* ‘hold’ и изменившая правописание в среднеанглийский период на *hous(e)-hold*.

Лексема *tribe* в значении ‘семья’ употреблялась еще в Библии и проникла в английский язык из латыни при переводе Священного Писания. Греческое слово *phyle* было передано на латынь словом *tribe* в значении “*race or tribe of men, body of men united by ties of blood and descent, a clan*” [9], заимствовано в английский, очевидно, еще в древнеанглийский период.

Слово *clan*, означающее ‘семья, племя’ [9], ‘клан, род’ [4], характерно для Северо-Шотландского нагорья. Оно происходит от гаэльского (Gaelic) слова *clann* “*family, stock,*

offspring”, родственного древнеирландскому *cland* “*offspring, tribe*”. Интересно отметить, что это не кельтизм; в языки кельтской группы это слово было заимствовано ранее из латинского *planta* “*offshoot*” ‘боковая ветвь (рода)’. В гаэльском языке отсутствовал инициальный *p*-, поэтому на месте латинского [p] в этом языке появился звук [k] (передаваемый буквами *k*- или *c*-). То же самое латинское слово в средневаллийском языке используется с инициальным *plant* в значении “*children*” [9].

Изучение объема понятия “семья” у древних германцев в целом и англо-саксонских племен является актуальным и производится путем семантической реконструкции и глубокого изучения семантики лексических единиц, которые обозначали данное понятие [7].

Лексема *descendant* ‘потомок’, заимствованная из французского языка (в XIII в.), является формой причастия от глагола *descendre* “*to come down*” [9].

Французскую этимологию имеет слово *ancestor* ‘предок’ (“*one from whom a person is descended*”). Употребление данной лексемы зафиксировано в 1300 годах в формах *ancestre*, *antecessour* “*ancestor, forebear, forefather*” (‘предок, предшественник’, ‘праотец’), которые, в свою очередь, восходят к позднелатинскому *antecessor* “*predecessor*”, буквально “*fore-goer*” (‘впереди идущий’).

Лексема *forefather* прослеживается в ряде германских языков, например, в древнескандинавском *forfaðir*, древнеанглийском *forð-fæder*, нидерландском *voorvader*, немецком *Vorvater*, датском *forfædre*, что свидетельствует о ее германском происхождении.

Для передачи значения “дедушка” в древнеанглийском использовалось слово *ealdefæder* (‘старший+отец’), восходящее к индоевропейскому периоду [9].

В начале XV в. начинает более широко употребляться лексема *grandfather*, которая, по аналогии с французским *grand-père*, включает в свою структуру элемент *grand*-. Как нам представляется, компонент *grand*- появился как дань тенденции, моде использовать французские лексемы и средства словообразования в среднеанглийский период. Данный компонент, однако, имеет то же значение, что и использовавшийся элемент *ealde*- в древнеанглийском. То есть семантическая емкость компонента *grand*- осталась прежней, что позволяет считать современное английское *grandfather* лексической единицей, частично модифицированной под влиянием француз-

ского языка, но, по сути, имеющей исконно английские корни. То же относится к другим лексемам с компонентом *grand*-.

Слова *grandmother* ‘бабушка’ зафиксировано в английском словаре также в начале XV в. Образовано оно путем слияния основ *grand*- + *mother* по аналогии с французским *grand-mère*.

К слову, специальное использование компонента *grand*- в составных словах, обозначающих генеалогию, в значении ‘более старшее поколение’ начинает употребляться с 1200-х гг., что связано с норманнским влиянием.

Расширение значения компонента *grand*- до обозначения потомков (“*a generation younger than*”) и появление слов *grandson* ‘внук’, *granddaughter* ‘внучка’ также относится к началу новоанглийского периода, к эпохе правления королевы Елизаветы I (1558–1603 гг.). Для обозначения слов “внук”, “внучка” до этого использовалось словосочетание из древнеанглийского языка *sunu sunu* (“*son’s son*”), *dohtor sunu* (“*son’s daughter*”).

Сложные слова с компонентом *great* (*great*- + *grandfather* и др.) появляются в начале XVI в. (в 1510-х гг.). Компонент *great* происходит от слова “великий” (*great, large*) и имеет общегерманские корни.

Подчеркнем, что семантическую основу большинства рассмотренных выше лексических единиц составляют компоненты *father, mother, son, daughter*, которые, как и слова *sister, brother*, этимологически относятся к наиболее древнему слою английского языка, а именно индоевропейской лексике [9].

Слово *parent* ‘родитель’ как отдельная лексическая единица, так и в составных словах является французским заимствованием в значении “*a mother or father; a forebear, ancestor*” (происходит от старофранцузского *parent* “*father, parent, relative, kin*” (XI в.), которое, в свою очередь, берет начало в латинском слове *parentem* (в именительном падеже *parens* “*father or mother, ancestor*”) от причастия *parire* “*bring forth, give birth to, produce*”, которое восходит к праиндоевропейскому глаголу **pere*- “*to produce, bring forth*”. Слово *parent(s)* стало использоваться вместо германского *elder* после 1500-х гг.

Лексические единицы *mother, father, sister, brother, son, daughter* имеют индоевропейские этимологические корни.

Лексема *sibling* имеет индоевропейские корни. *Sibling* в значении “*brother or sister*” зафиксировано в 1903 г. В той же форме *sibling*

использовалось в древне- и среднеанглийском в значении “*relative, kinsman or kinswoman*”. Слово имеет корень *sib*, что значит “*kinship, relationship; love, friendship, peace, happiness*”. В прагерманском слово **sibja*- означало “*blood relation, relative*”. Встречается во многих германских языках: древнесаксонском *sibba*, древнефризском, средненидерландском *sibbe*, древневерхненемецком *sippa*, в современном немецком *Sippe*, готском *sibja* в значении “*kin, kindred*”).

Слово *aunt* относится к французским заимствованиям. Его появление в языке датируется 1300-ми годами. Англо-норманнская форма *aunte* происходит от старофранцузского *ante*. Источником слова во французском стало латинское *amita* “*paternal aunt*”, уменьшительно-ласкательной форма **amma*, которую использовали дети в значении “мама”.

Слово *uncle*, появившееся в конце XIII в., происходит от старофранцузского *oncle*, происходящего от латинского *avunculus* ‘брат матери’ (для обозначения брата отца использовалось специальное слово *patruus*). Этимологически слово *onkel* ‘дядя’, так же как и в английском, является заимствованным в ряде других германских языков: немецком, датском, шведском.

Лексема *cousin* появилась в английском языке в начале XIII в. также под влиянием французского. Она означала бокового кровного родственника, более дальнего, чем брат или сестра.

Слова *niece, nephew* ‘племянник, племянница’ являются заимствованиями из французского. Исходя из приведенных в этимологических словарях фактов (свидетельствующих о том, что изменилась, по сути, лишь внешняя форма слова, в то время как и у французского и у английского слова семантика оставалась сходной), оно может быть отнесено не к французским заимствованиям, а к общеиндоевропейскому словарному фонду.

Лексические единицы третьей группы включают наименования родственников в браке. Специфический компонент *in-law* в лексических единицах изучаемой группы появляется только в среднеанглийский период (XIII–XIV вв.), например, *moder-in-laue*. Древнеанглийское *lagu* “*ordinance, rule prescribed by authority, regulation; district governed by the same laws*”; передающее также значение “*right, legal privilege*”, является скандинавским заимствованием: в древнескандинавском слово **lagu* “*law*” буквально значит “*something laid down, that which is fixed or set*”. Данное скандинавское заимствование вытеснило древнеанглийское слово общегерманского

происхождения *æ/ǣw* (означавшее не только “закон”, но также “верность, брак”; отсюда немецкое *Ehe* ‘брак’ [6, с. 143; 8]).

Термин *inlaws* в значении “*anyone of a relationship not natural*” появился в поздненовоанглийский период (1894 г.).

В четвертой группе слов компонент *foster* имеет индоевропейские корни и в словосочетании *foster child* соединяется с германской основой, в словосочетании *foster brother* – с другой индоевропейской основой. *Foster* происходит от древнеанглийского глагола **fostrian* ‘обеспечивать питанием, питать, поддерживать’ (“*to supply with food, nourish, support*”), а также существительного *fostor* со значением питания, еды, связанным с воспитанием, означает буквально “вскармливание” (“*food, nourishment, bringing up*”). Древнеанглийское слово восходит к прагерманской основе **fostra-*, которая, соответственно, была унаследована от древнего праиндоевропейского корня **pa-* ‘кормить’. Под действием закона Гримма слово изменилось: индоевропейский глухой взрывной [p] в прагерманском перешел в глухой фрикативный [f] **pa-*→**fostra-*. В среднеанглийский период произошло уточнение значения и слово стало означать “воспитывать ребенка с родительской заботой”, то есть семантика слова стала связана непосредственно с родительской опекой (приблизительно в XIII в.)

Словосочетания *step-mother/father* (‘мачеха/отчим’) (древнеанглийские) являются исконно английскими.

Составные *half-brother/sister* (‘сводные брат/сестра’) со значением ‘имеющий одного родителя’ впервые начинают употребляться в среднеанглийском. Образованы они при помощи сложения индоевропейских основ.

Следует сделать оговорку, что данное исследование не представляет исчерпывающий охват английского словарного состава и его историческое развитие, а лишь позволяет определить этимологические особенности и уточнить историческое становление одного из его пластов.

Заключение

Подводя итоги сказанному, следует отметить, что в современном английском языке лексические единицы, выражающие родственные отношения, имеют общеиндоевропейскую этимологическую основу, включая в себя, хотя и в меньшей степени, также и общегерманские лексические единицы. Среди заимствований

не отмечено кельтских элементов, что свидетельствует об отсутствии кельтского влияния на исследуемую лексику. В целом проанализированный лексический слой, как видно, имеет индоевропейские корни. Романские заимствования оказывают меньшее влияние на данный слой лексики.

СПИСОК ИСПОЛЬЗОВАННЫХ ИСТОЧНИКОВ

1. *Shevtsova, A.* Stylistic features of British newspaper headlines in a diachronic aspect / A. Shevtsova // *Studies in linguistics, Culture and FLT.* – Volume 5 : Viewpoints and perspective in Discourse studies. – Shumen : Konstantin Preslavsky University of Shumen, 2019. – P. 66–76.

2. *Дышекова, О. В.* К вопросу о соотношении заимствованной и исконно английской лексики английского языка (на основе анализа словаря Webster's College Dictionary) / О. В. Дышекова, Ю. А. Нижельская // *Гуманитарные и социальные науки.* – 2018. – № 1. – С. 112–121 [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://cyberleninka.ru/article/n/k-voprosu-o-sootnoshenii-zaimstvovannoy-i-iskonno-angliyskoy-leksiki-angliyskogo-yazyka-na-osnove-analiza-slovyara-webster-s-college>. – Дата доступа: 28.01.2024.

3. Collins dictionary [Electronic resource]. – Mode of access: <https://www.collinsdictionary.com>. – Date of access: 21.01.2024.

4. Cambridge dictionary [Electronic resource]. – Mode of access: <https://dictionary.cambridge.org/ru/>. – Date of access: 21.01.2024.

5. Викисловарь [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://ru.wiktionary.org/wiki/%D1%84%D0%B0%D0%BC%D0%B8%D0%BB%D1%8C%D1%8F%D1%80%D0%BD%D1%8B%D0%B9>. – Дата доступа: 21.01.2024.

6. *Смирницкий, А. И.* Хрестоматия по истории английского языка с VII по XVII в. с грамма-

тическими таблицами и историко-этимологическим словарем : учеб. пособие для студ. филол. и лингв. фак. высш. учеб. заведений / А. И. Смирницкий. – 5-изд., испр. и доп. – Москва : Академия, 2008. – 304 с.

7. *Сорокина, Е. А.* Статус семьи у древних германцев (к проблеме семантической реконструкции) [Электронный ресурс] / Е. А. Сорокина // *Индоевропейское языкознание и классическая филология.* – 2009. – № 13. – С. 483–492. – Режим доступа: <https://cyberleninka.ru/article/n/status-semiu-drevnih-germantsev-k-probleme-semanticeskoy-rekonstruktsii/viewer>. – Дата доступа: 21.01.2024.

8. Bosworth Toller's Anglo-Saxon dictionary online [Electronic resource]. – Mode of access: <https://bosworthtoller.com>. – Date of access: 21.01.2024.

9. Online etymology dictionary [Electronic resource]. – Mode of access: <https://www.etymonline.com>. – Date of access: 21.01.2024.

Поступила в редакцию 1.11.2024 г.

Контакты: dinkevich@m.msu.by (Динькевич Алевтина Владимировна)

Dinkevich A. V. ETYMOLOGY OF LEXICAL UNITS WITH THE MEANING OF FAMILY RELATIONSHIPS IN MODERN ENGLISH

The article examines the etymology of lexical units conveying the meaning of kinship. It is determined that from a genetic point of view, this layer of vocabulary in the English language is Indo-European and common Germanic. Foreign language influence on this layer of vocabulary reveals itself in French borrowings, and an insignificant Scandinavian influence.

Keywords: etymology, lexical units with the meaning of family relationships, Modern English, diachrony

УДК 81'42 : 316,77

ПОНЯТИЯ «ЯЗЫКОВАЯ ЛИЧНОСТЬ» И «РЕЧЕВОЙ ПОРТРЕТ»: ЮРИСЛИНГВИСТИЧЕСКИЙ АСПЕКТ ¹

А. Л. Дединкин

кандидат исторических наук, доцент, доцент кафедры правоведения и социально-гуманитарных дисциплин

Витебский филиал Международного университета «МИТСО»

В статье на материале экспертной практики выявлена сущность прагмасемантического подхода к речевому портретированию языковой личности. Данный подход является наиболее подходящим для юрислингвистического моделирования речевого поведения делинквента. Характеризуя особенности речевого портрета языковой личности, эксперт должен определить влияние прагматических факторов на процесс речепорождения, а также выявить языковые средства, которые были использованы для реализации коммуникативных задач. Корреляция лингвистических и экстралингвистических факторов позволяет процедуру речевого портретирования сделать объективной.

Ключевые слова: юрислингвистика, лингвоперсонология, языковая личность, речевой портрет, прагмасемантическая парадигма.

Введение

Среди актуальных проблем лингвистики с ее выраженным антропоцентризмом важное место занимает разработка концепции языковой личности и ее речевого портретирования. Очевидно, что исследуемый нами феномен является «интегральным» объектом целого ряда наук, и в первую очередь в содружестве с языкознанием выступают антропология, педагогика, психология, социология и культурология.

В конце XX в. сформировалась лингвистическая персонология – самостоятельная отрасль языкознания, непосредственным объектом которой является языковая личность. Теоретические основы лингвоперсонологии нашли отражение в трудах Г. Богина и Ю. Караулова, а само наименование было предложено В. Нерознаком [1]. Благодаря усилиям

Н. Голева термин «лингвоперсонология» закрепился в юрислингвистических исследованиях.

Предметная область лингвоперсонологии является многогранной. Учеными исследуется состояние языка идиолектной языковой личности (к примеру, Я. Коласа, Ф. Достоевского). Ее называют «частночеловеческой» («уникальной»). Рассматривают типы языковых личностей, представляющие собой определенный полилект. Это «многочеловеческая» («стандартная») языковая личность. Примерами могут являться русская, французская, белорусская и другие национальные языковые личности. Также предметом лингвоперсонологии может быть обобщенный языковой «портрет» конкретной социальной общности. Это социолектная языковая личность (к примеру, личность экстремиста).

Несмотря на растущее число научных работ в сфере лингвоперсонологии, юрислингвистический аспект обозначенной проблемы недостаточно разработан.

Основная часть

Лингвофилософская разработка проблемы личности началась в XVIII в. Так, Э. Б. Кондильяком и И. Гердером исследовалось влияние языка на культуру, где язык представлялся своеобразным инструментом социализации человека. Работы философов, по мнению Ю. Караулова, «послужили стимулом к включению человеческого фактора в лингвистическую парадигму» [2, с. 198]. О необходимости изучения языка отдельной личности писал В. фон Гумбольдт: «Все люди говорят как бы одним языком, и в то же время у каждого человека свой отдельный язык. Необходимо изучать живую разговорную речь и речь отдельного индивидуума» [3, с. 345].

Относительно того, кто первым употребил термин «языковая личность», мнения разнятся. Практически в одно и то же время это сделали немецкий ученый Й. Л. Вайсгербер

¹ Исследование выполнено при финансовой поддержке Белорусского республиканского фонда фундаментальных исследований (НИР Г24-008 «Судебная лингвистическая экспертиза поликодовых текстов в аспекте оценки их деструктивного информационного воздействия»).

(«никто не владеет языком лишь благодаря собственной языковой личности; наоборот, это языковое владение вырастает в нем на основе принадлежности к языковому сообществу... [4, с. 81] и советский лингвист В. Виноградов («индивидуальный речевой опыт необходимо рассматривать как сферу творческого раскрытия языковой личности...») [5, с. 28]. Вместе с тем в их трудах языковая личность не являлась самостоятельным объектом исследования, четких дефиниций рассматриваемого понятия авторами не дано.

Концептуальное осмысление языковой личности как лингвистического феномена началось только в 1980-е гг. В это время советскими языковедами Г. Богиным и Ю. Карауловым были разработаны уникальные модели описания языковой личности.

Так, Г. Богин, разработчик *лингводидактической модели*, подчеркивал, что языковая личность – это «человек, рассматриваемый с точки зрения его готовности производить речевые поступки» [6, с. 3]. В соответствии с концепцией автора, формирование языковой личности происходит поступательно (от уровня к уровню). Вначале человек усваивает элементарные правила языка, затем переходит к уровню интериоризации речи, осваивает лексико-грамматическое богатство языка, после чего овладевает навыками осознанного выбора языковых средств для трансляции и восприятия информации. Таким образом, данная модель представляет языковую личность в ее развитии, а исследования проводятся в рамках коммуникативно-деятельностной парадигмы.

Ю. Караулов является основателем *теоретико-эпистемологической модели* языковой личности. По его мнению, языковая личность представляет собой «совокупность характеристик и способностей индивида, обуславливающих создание и восприятие им речевых произведений, различающихся степенью структурно-языковой сложности, целевой направленностью, а также точностью и глубиной отражения окружающей действительности» [7, с. 3]. Автором были выделены три уровня языковой личности: вербально-семантический (включает лексикон, тем самым отражает степень владения языком), когнитивный (включает идеи и концепты, формирующие картину мира), прагматический (определяет цели, мотивы, коммуникативные потребности личности).

Модели языковой личности, предложенные Г. Богиным и Ю. Карауловым, оказались востребованными в рамках современного языкознания.

Лингвокультурология исследует языковую личность с позиции национально-языкового своеобразия. Учеными рассматриваются этноспецифические языковые черты личности, отраженные в текстах как продуктах определенной культуры, моделируется «собирабельный» национально-культурный прототип носителя языка. Соответственно, языковая личность представляет собой объект, существующий в пространстве отраженной в языке культуры. Единицей исследования является лингвокультурный типаж, обладающий личностными чертами и имеющий национальные культурно-исторические характеристики.

Объектом *психолингвистики* выступает языковая личность, рассматриваемая в индивидуально-психологическом аспекте. Утверждается, что особенности языковой личности детерминированы ее темпераментом, уровнем мотивации человека в достижении поставленных задач, а также степенью развития коммуникативных способностей. Психолингвистический подход акцентирует внимание не столько на лексических и грамматических особенностях речи, сколько позволяет выявить эмоционально-волевые характеристики субъекта, рассмотреть, как они меняются в процессе личностного развития. Исследователями рассматриваются формы языковой активности различных психотипов личности (гипертимов, параноиков, истероидов, сензитивов, циклоидов, шизоидов и др.).

Лингвокогнитивный подход позволяет понять, каким образом язык влияет на познавательные процессы. Исследователи акцентируют внимание на том, как люди воспринимают и интерпретируют информацию через призму своего языкового опыта, а также на том, какое влияние оказывают индивидуальные когнитивные процессы на формирование языковой идентичности. Тем самым язык рассматривается как способ организации и структурирования мыслительных процессов. Объектом исследования в данном случае являются языковые структуры, отражающие когнитивные схемы и концепты, сформированные в сознании личности.

Сторонники *социолингвистического* подхода подчеркивают важность социального контекста в изучении языковой личности. Исследователи полагают, что язык не только отражает, но и формирует социальные отношения. Языковая личность выступает как носитель специфических языковых черт, которые соотносятся с принадлежностью к той

или иной социальной общности, коррелируют с социальным статусом человека или группы, обусловлены ролевыми ожиданиями. Текст, произведенный языковой личностью, по мнению сторонников данного подхода, позволяет реконструировать ее социально обусловленные характеристики (образование, профессию, социальное происхождение и т.д.).

Особенностью *гендерного* подхода является исследование различного рода маскулиных или фемининных языковых характеристик личности. Лингвогендерная составляющая проявляется через речевое поведение, в частности – через соответствующие стереотипы как «культурно и социально обусловленные presupпозиции о качествах, атрибутах и нормах поведения представителей обоих полов» [8, с. 90]. Вербальные гендерные стереотипы усваиваются в ходе социализации личности, формируют стандарты жизни и оценочно-ориентированные дихотомичные ассоциации. Также «гендерные» маркеры проявляются посредством речевых клише, специфических лексем и синтаксических конструктов.

Рассмотренные нами трактовки понятия «языковая личность» не противоречат друг другу, являются взаимодополняющими, что подчеркивает многоаспектность исследуемого феномена. Отдельные позиции данных подходов нами будут учтены в ходе речевого портретирования языковой личности делинквента (в частности – экстремиста).

Понятие «речевой портрет» было введено в научный оборот советским языковедом М. Пановым [9]. Автором были исследованы фонетические особенности речи отдельных писателей и политиков, а также сделан справедливый вывод о том, что принадлежность субъекта к той или иной социальной группе формирует типичные черты его речевого поведения.

Идея речевого портрета, предложенная М. Пановым, получила свое дальнейшее развитие. В настоящее время объектом речевого портретирования является идиолектная, полилектная (национальная) и социолектная языковые личности.

В современной лингвистике соотношение категорий «языковая личность» и «речевой портрет» определяется следующим образом:

1. Речевой портрет – это воплощенная в речи языковая личность. В соответствии с данным подходом языковая личность представляется как фундаментальное понятие, а речевой портрет – как ее частная характеристика. Речевое портретирование, таким образом, является методом описания лексикона языковой личности.

2. Речевой портрет – это набор речевых предпочтений языковой личности, используемый ею в конкретных обстоятельствах для осуществления необходимых коммуникативных интенций. Сторонниками данного подхода акцентируется внимание на прагматиконе. Посредством метода речевого портретирования фиксируются типичные стратегии речевого поведения языковой личности.

3. Речевой портрет – это реализация функциональной модели формирующейся языковой личности. В рамках данного подхода речевое портретирование осуществляется с целью реконструкции языковой личности по всем трем уровням: лексикон, тезаурус и прагматикон. Таким образом, при создании речевого портрета делается прямая отсылка к модели языковой личности по Ю. Караулову. Анализ в данном случае подвергаются особенности речи субъекта, специфика его коммуникативного поведения, а также психосоциолингвистические параметры.

Речевое портретирование языковой личности делинквента (в том числе личности экстремиста) с точки зрения юрислингвистики, на наш взгляд, целесообразно осуществлять в рамках прагмасемантической парадигмы.

Чтобы охарактеризовать особенности речевого портрета того же экстремиста, эксперт должен определить влияние прагматических факторов на процесс речепорождения, а также выявить языковые средства, которые были использованы субъектом для реализации коммуникативных задач.

Реализация коммуникативных интенций языковой личности.

Способность субъекта выражать коммуникативные намерения является основой для речепорождения. Интенциональные «состояния» языковой личности определяются ее мотивами и ценностно-смысловыми конструктами, сопряженными с речевым воздействием на аудиторию.

В самом широком смысле можно говорить о трех видах коммуникативных намерений [10]:

- 1) деформирование взглядов адресата путем «навязывания» собственных мировоззренческих установок;
- 2) выражение личной позиции без существенного изменения представлений адресата;
- 3) формирование общей с адресатом «системы координат».

Реализация интенции языковой личности, как правило, имеет следующий алгоритм: привлечение внимания адресата → самопре-

зентация → обозначение тематики сообщения → формирование у адресата осознанной установки на слушание или чтение → трансформация смысловых конструкторов адресата → программирование деятельности адресата на перспективу.

В рамках проведения судебной лингвистической экспертизы анализу подвергаются спорные тексты, которые были созданы под воздействием императивных или манипулятивных намерений адресанта. Их достаточно много: совет, просьба, предостережение, сомнение, информирование, ирония, одобрение, согласие и т.д.

В качестве примера назовем средства языковой экспликации иллокутивных актов, в которых отражена такая интенция, как требование: повелительное наклонение глаголов; инфинитивы в сочетании с частицей «давай»; неглагольные формы в составе восклицательных высказываний и др. Примеры: «*Думайте!*», «*Давайте бороться!*», «*В бой!*».

Характер коммуникативного воздействия языковой личности на аудиторию.

Воздействие языковой личности на участников коммуникации в устном и письменном дискурсах происходит по-разному. В устном дискурсе, который предполагает обратную связь, адресант имеет возможность оперативно корректировать речевые стратегии воздействия на адресата, наблюдать его реакции, достоверно определять, успешным ли стал речевой акт. Адресант письменного дискурса может только предполагать, будет ли понятен его посыл для адресата, будут ли используемые языковые средства эффективно воздействовать на сознание аудитории.

Важным критерием эффективности взаимодействия адресанта и адресата является диалогичность коммуникативного акта. Сообщая ту или иную информацию, адресант всегда учитывает фактор адресата, его тезаурус, мотивы, мировоззренческие установки и социальные позиции. Результатом успешной коммуникации является формирование целостной адресант-адресатной языковой личности.

Чтобы доказать воздействие указанного нами прагматического фактора на характер передаваемого сообщения, эксперт-лингвист должен выявить те языковые приемы, которые применялись языковой личностью для создания эффекта включенности адресата в коммуникативную ситуацию. Назовем лишь некоторые из них. Это использование в тексте убеждающих («согласитесь с нами, что...»)

или императивных («давайте принимать решение») конструкций, включение в высказывание вопросов («А вы как думаете?»), использование лексемы «мы» вместо лексем «я» и «вы» («Мы это сделаем!») и т.д.

Психосоциолингвистический контекст реализации коммуникативного акта.

Условия, в которых происходит коммуникативный акт, мы рассматриваем как ключевые свойства, определяющие характер реализации коммуникативных компетенций языковой личности. К ним можно отнести:

- статус личности (уровень образования, профессиональная принадлежность, служебное положение, политические взгляды, вероисповедание, увлечения и т.д.).

- тип коммуникации (официальная / неофициальная; институциональная / неинституциональная; личностно-ориентированная / статусно-ориентированная; межличностная / массовая; контактная / дистантная; устная / письменная; непосредственная / опосредованная и др.).

- жанр коммуникативного события (лекция, беседа, дискуссия, программная речь, петиция и т.д.).

- уровень правовой компетенции языковой личности (понимание недопустимости с юридической точки зрения распространения той или иной информации, к примеру, пропаганды нацистской символики и атрибутики).

Заключение

Ключевое место в современной лингвистике занимает разработка концепции языковой личности и ее речевого портретирования. Языковая личность является непосредственным объектом лингвистической персонологии, теоретические основы которой были заложены в трудах Г. Богина и Ю. Караулова. Объектом исследования являются идиолектные, полилектные и социолектные языковые личности. Вместе с тем юрислингвистический аспект обозначенной нами проблемы еще недостаточно разработан.

В лингвокультурологии языковая личность представляет собой объект, существующий в пространстве отраженной в языке культуры, а единицей исследования является лингвокультурный типаж. Психолингвистический подход акцентирует внимание не столько на лексических и грамматических особенностях речи, сколько на формах языковой активности различных психотипов личности. Лингвокогнитивный подход позволяет понять,

каким образом язык влияет на познавательные процессы. Объектом исследования являются языковые структуры, отражающие когнитивные схемы и концепты, сформированные в сознании личности. Сторонники социолингвистического подхода полагают, что язык не только отражает, но и формирует социальные отношения, а языковая личность выступает как носитель специфических языковых черт, которые соотносятся с принадлежностью к той или иной социальной общности. Особенностью гендерного подхода является исследование различного рода маскулинных или фемининных языковых характеристик личности. Отдельные позиции данных подходов нами были учтены в ходе речевого портретирования языковой личности делинквента (в частности – экстремиста).

Понятие «речевой портрет» было введено в научный оборот советским языковедом М.Пановым. В современной лингвистике соотношение категорий «языковая личность» и «речевой портрет» определяется следующим образом: 1) воплощенная в речи языковая личность; 2) набор речевых предпочтений языковой личности, используемый ею для осуществления необходимых коммуникативных интенций; 3) реализация функциональной модели формирующейся языковой личности.

Речевое портретирование языковой личности делинквента (в том числе экстремиста) с точки зрения юрислингвистики, на наш взгляд, целесообразно осуществлять в рамках прагматической парадигмы. Для этого эксперт должен определить влияние прагматических факторов на процесс речепорождения, а также выявить языковые средства, которые были использованы для реализации коммуникативных задач. Ключевыми маркерами, на наш взгляд, являются следующие: реализация коммуникативных интенций языковой личности; характер коммуникативного воздействия языковой личности на аудиторию; психосоциолингвистический контекст реализации коммуникативного акта. В рамках прагматической модели речевого портретирования все перечисленные нами лингвистические и экстралингвистические факторы учитываются в их взаимодействии. Это позволяет процедуру речевого портретирования сделать объективной, а выводы аргументированными.

СПИСОК ИСПОЛЬЗОВАННЫХ ИСТОЧНИКОВ

1. **Нерознак, В. П.** Лингвистическая персоналогия: к определению статуса дисциплины / В. П. Нерознак // Сб. науч. тр. МГЛУ. – Вып. 426:

Язык. Поэтика. Перевод. – М. : Изд-во МГЛУ, 1996. – С. 112–116.

2. **Караулов, Ю. Н.** Русский язык и языковая личность / Ю. Н. Караулов. – М. : Эдиториал УРСС, 2002. – 264 с.

3. **Гумбольдт, В.** Избранные труды по языкознанию / В. Гумбольдт. – М. : Прогресс, 1984. – 397 с.

4. **Вайсгербер, Й. Л.** Родной язык и формирование духа: пер. с нем. 2-е изд., испр. и доп. / Й. Л. Вайсгербер. – М. : Эдиториал УРСС, 2004. – 232 с.

5. **Виноградов, В. В.** Избранные труды. О языке художественной прозы / В. В. Виноградов. – М. : Наука, 1980. – 360 с.

6. **Богин, Г. И.** Современная лингводидактика / Г. И. Богин. – Калинин : Калинин. гос. ун-т, 1980. – 61 с.

7. **Караулов, Ю. Н.** Предисловие. Русская языковая личность и задачи ее изучения / Ю. Н. Караулов // Язык и личность. – М., 1989. – С. 3–8.

8. **Прима, А. М.** Языковая личность автора с позиции гендрологии / А. М. Прима // *Lingua mobilis*. – 2012. – № 6 (39). – С. 88–91.

9. **Панов, М. В.** Русская фонетика / М. В. Панов. – М. : Просвещение, 1967. – 440 с.

10. **Воронцова, Т. А.** Коммуникативное пространство в лингвопрагматической парадигме / Т. А. Воронцова // Вестник Удмуртского университета. Серия «История и филология». – 2009. – №. 1. – С. 11–17.

Поступила в редакцию 12.11.2024 г.

Контакты: alexanderdedinkin@yandex.by
(Дединкин Александр Леонидович)

Dedinkin A. L. THE CONCEPTS OF «LINGUISTIC PERSONALITY» AND «SPEECH PORTRAIT»: THE LEGAL LINGUISTIC ASPECT

In the article, based on the material of expert practice, the essence of the pragmasemantic approach to the speech portrayal of a linguistic personality is revealed. This approach is the most suitable for the legal linguistic modeling of the delinquent's speech behavior. Characterizing the features of the speech portrait of a linguistic personality, the expert should determine the influence of pragmatic factors on the process of speech generation, as well as identify the linguistic means used to implement communicative tasks. The correlation of linguistic and extralinguistic factors allows the procedure of speech portraiture to be made objective.

Keywords: legal linguistics, linguopersonology, linguistic personality, speech portrait, pragmasemantic paradigm.

УДК 81'44+340.13

ЛИНГВИСТИЧЕСКАЯ ЭКСПЕРТИЗА ТЕКСТА (ИЗ ПРАВОВОЙ ПРАКТИКИ ОПРОТЕСТОВАНИЯ РЕЗУЛЬТАТОВ СПЕЦИАЛЬНОГО ИССЛЕДОВАНИЯ) ¹**А. А. Лавицкий**

кандидат филологических наук, доцент

докторант кафедры языкознания и лингводидактики

заведующий кафедрой правоведения и социально-гуманитарных дисциплин

Белорусский государственный педагогический университет имени М. Танка

Витебский филиал Международного университета «МИТСО»

В статье на материале ходатайств об отводе эксперта и опротестовании результатов его работы по изучению содержания моно- и поликодовых текстов разъясняются отдельные методологические и процессуальные вопросы проведения специальных исследований текста на предмет наличия в их содержании признаков противоправной деятельности. Уточняются особенности использования экспертом-лингвистом терминов «предложение», «высказывание», «речевой акт», детализируются лингво-правовые аспекты понятий «конфликтный / конфликтногенный текст», «потенциально ложные сведения». Освещаются проблемы дифференциации экспертизы и судебной экспертизы.

Ключевые слова: лингвистическая экспертиза, судебная лингвистическая экспертиза, предложение, высказывание, речевой акт, конфликтногенный текст, потенциально ложные сведения, дискредитация.

Введение

Несмотря на то что вопросы лингвистической экспертизы достаточно системно упорядочены административно- и уголовно-процессуальным законодательством, нормами, регламентирующими гражданские и хозяйственные правоотношения, Законом о судебно-экспертной деятельности и др., в современной юридической практике все еще возникают спорные моменты. Чаще всего речь идет о вопросах методологического и процессуального характера, которые зачастую становятся основанием для опротестования результатов экспертизы защитой в административном и уголовном процессах, одной из сторон в гражданском судопроизводстве. Такое положение дел пре-

доопределило цель настоящего исследования, в котором разъясняются и детализируются отдельные проблемные лингвоэкспертные вопросы организации и проведения специального исследования текста. В качестве фактического материала использованы обобщенные сведения реальной правовой практики ходатайств об отводе эксперта и опротестовании результатов его работы по изучению содержания моно- и поликодовых текстов (по правовым причинам автор не конкретизирует состав преступлений и не уточняет в статье иную информацию, позволяющую идентифицировать конкретное правовое разбирательство).

Основная часть

Как показывает проанализированный фактический материал, частотным «языковым» фактором опротестования экспертного заключения является проблема трактовки отдельных терминов. Дело в том, что адвоката, потерпевшего, истца, ответчика и т.д. зачастую отличает наивное (обыденное) понимание языковых категорий. Так, юристы зачастую не дифференцируют термины *предложение*, *высказывание*, *речевой акт* или, наоборот, не понимают, почему эксперт в своем заключении использует эти понятия как синонимы по отношению к одному и тому же речевому материалу. Для специалиста, в свою очередь, важна привязка к языковому примеру, так как в конкретном случае высказывание может укладываться в схему предложения и совпадать с ним по объему или рассматриваться как составляющая, то есть компонент речевого акта [1, с. 53]. Речевой акт также может равняться предложению. Однако принципиальной оговоркой является то, что первый термин традиционно эксплицирует прагматику коммуникативного поведения и чаще всего используется при установлении речевых интенций. Предложение является традиционной единицей синтаксического и логико-синтаксического анализа. Высказывание же обычно выступает как объект семанти-

¹ Исследование выполнено при финансовой поддержке Белорусского республиканского фонда фундаментальных исследований (НИР Г24-008 «Судебная лингвистическая экспертиза поликодовых текстов в аспекте оценки их деструктивного информационного воздействия»).

© Лавицкий А. А., 2025

ческого изучения. Приведем пример: в заявлении об отводе эксперта адвокат обвиняемого в уголовном преступлении указал, что в заключении термин «утверждение» разъясняется как «вербально передаваемая кому-либо информация <...>, а сама информация представляется в грамматической форме повествовательного предложения <...>» [2, с. 125], однако далее в исследовательской части и выводах эксперт пишет об утвердительных высказываниях. Таким образом, по мнению адвоката, в экспертизе просматривается противоречивость использования понятийных единиц, что подтверждает некомпетентность специалиста. В опросе лица, проводившего исследование, дано объяснение о том, что предложение и высказывание могут использоваться как синонимичные понятия, однако первое рассматривается как формальная (синтаксическая) единица языка, а второе актуализирует содержательную сторону. В целом такой подход совпадает с научным описанием высказывания, отраженным в Современном словаре методических терминов и понятий. Э. Г. Азимова и А. Н. Щукина [1, с. 53].

Также в практике оспаривания результатов экспертной работы имеются случаи апелляции к некомпетентности лица, проводившего исследование, за использование им понятия *конфликтный / конфликтогенный текст* и терминологического оборота *потенциально ложные сведения*. В первом случае несогласная с заключением сторона указывает на превышение специалистом своих экспертных полномочий, отмечая, что установление факта наличия конфликтности / конфликтогенности речевого поведения (в правовой интерпретации) относится к функциям суда. Следовательно, номинация *конфликтный / конфликтогенный текст* по отношению к объекту специального лингвистического исследования является признаком выхода эксперта за границы своих компетентных возможностей. С одной стороны, такая мотивировка представляется субъективной, так как обсуждаемые термины вообще не относятся к чисто юридическим и используются в правовом дискурсе чаще всего в общелингвистическом значении, вытекающем из определения лексемы *конфликт* (серьезное разногласие, столкновение противоположных сторон, мнений, сил [3, с. 217]; столкновение, серьезное разногласие, спор [4, с. 246]). А факт наличия конфликта и является формальным основанием для вынесения постановления о назначении экспертизы. С другой стороны, эксперты достаточно часто экспортируют определение

конфликтного текста из сферы лингвистической конфликтологии, не всегда вкладывая в его понимание лингвоправовой аспект. Собственно из двух обсуждаемых понятий именно «конфликтный текст» (синонимично также используется и термин «спорный текст») был заимствован из указанного направления языкознания. Однако такой подход видится не совсем верным, хотя, очевидно, и не фатальным для результатов грамотно проведенного экспертного исследования. Так, например, А. Н. Баранов рассматривает конфликтный текст как «сферу функционирования языка», где «<...> адресат осознанно или нет использует глубинные свойства языка» [2, с. 3]. Представленное описание вполне соответствует коммуникативному подходу интерпретации речевого конфликта, но не отражает наличие в нем признаков противоправной деятельности. Поэтому более удачным следует признать терминологическую формулировку, согласно которой конфликтный текст в юрелингвистическом аспекте является собой формальный (условный) объект лингвистической экспертизы (см., например, работы О. Н. Матвеевой [5, с. 65–66], М. Б. Ворошиловой [6, с. 3]), то есть текст, содержание которого является причиной юридического разбирательства. Кроме того, с нашей точки зрения, более логичным для лингвоправовой сферы является употребление термина «конфликтогенный текст». Во-первых, словообразовательный компонент *-генный* (лат. *genos* – связанный с происхождением) напрямую эксплицирует значение «порождающий конфликт» [7, с. 140], что соотносится с прикладной задачей лингвистической экспертизы – изучение конкретного языкового материала. Во-вторых, понятие конфликтного текста представляется более широким, так как может включать и тексты, спровоцировавшие конфликт, и продуцируемые во время конфликта, и даже создаваемые вне конфликтной ситуации [8, с. 103].

Терминологический оборот «потенциально ложные сведения» используется в экспертных исследованиях по делам, сопряженным с распространением клеветы, а также дискредитацией Республики Беларусь. Собранный нами фактический материал касается именно последнего вида противоправного деяния. Опротестовывая результаты экспертизы, несогласная сторона обычно апеллирует к тому факту, что характеристика потенциального несоответствия сведений реальному положению дел не является квалификационной для состава преступления, содержащего препозицию

дискредитации. Однако параметры ее идентификации, обнаруживаемые в юридической трактовке (распространение заведомо ложных сведений <...> направленное на причинение существенного вреда государственным или общественным интересам (ст. 369¹ УК)), частично верифицируются на лингвистическом уровне. Содержание дискредитирующего текста должно включать негативную характеристику объекта речевой агрессии, выраженную в форму утверждения о факте(ах), и иметь целью нанесения ему прямого или косвенного ущерба. Следовательно, языковыми маркерами дискредитации являются атрибутированность, объектность и фактологичность конфликтного текста. В компетенцию суда будет входить установление соответствия распространяемых сведений истине и наличие целевой установки (не путать с умыслом как формой вины). Указанные лингвистические параметры устанавливают понятийные границы терминологического оборота «потенциально ложные сведения»: первый определяет наличие семантики негативной характеристики, второй – в отношении кого имплементируется атрибутированность, третий – ориентирован на идентификацию формы реализации речевой деятельности (сообщение о сведениях или выражение мнения, распространение информации, субъективизированной третьим лицом). Таким образом, «потенциально ложные сведения» являются лингвоэкспертной категорией, которой определяют фрагмент текста, соответствующий лингвистическим параметрам идентификации дискредитации.

Еще одно основание опротестования результатов экспертизы текста кроется в процессуальных аспектах ее назначения и проведения. Данные вопросы, хотя формально и относятся к юридической сфере, самым непосредственным образом экстраполируются на деятельность эксперта-лингвиста. Правоприменители зачастую не принимают во внимание наличие процессуальных отличий между понятиями экспертизы и судебной экспертизы. Первая назначается в соответствии со ст. 231 Уголовно-процессуального кодекса (УПК) «Проведение экспертизы вне судебно-экспертной организации». Особенности производства второго вида исследования определяется ст. 230 указанного кодекса «Проведение экспертизы в судебно-экспертной организации». Такое положение дел в целом коррелирует и с Процессуально-исполнительным кодексом Республики Беларусь об административных правонарушениях (ПКОАП), где в ч. 3 ст. 11.13

«Порядок назначения экспертизы» указано, что экспертиза проводится специалистами судебно-экспертных организаций (подразделений) либо другими лицами, обладающими необходимыми знаниями, с их согласия. Иными словами, отечественное законодательство наделяет должностное лицо органа, ведущего административный процесс, фактическим правом по своему усмотрению назначать экспертизу или судебную экспертизу. Обозначенные отличия обнаруживаются и на уровне сравнительного анализа терминологической трактовки понятий «эксперт» и «судебный эксперт»: *эксперт* – не заинтересованное в исходе уголовного дела (административного правонарушения) лицо, обладающее специальными знаниями в науке, технике, искусстве, ремесле и иных сферах деятельности, которому поручено проведение экспертизы (ст. 61 УПК, ст. 4.7. ПКОАП); *судебный эксперт* – лицо, которое проводит судебную экспертизу объективно в пределах своей компетенции, всесторонне и в полном объеме с применением допустимых и достоверных методов» (п. 1 ст. 9 Закона «О судебно-экспертной деятельности»).

В правовой практике обнаруживаются случаи, когда сторона защиты, ссылаясь на Закон «О судебно-экспертной деятельности», заявляет о невозможности проверить обоснованность выводов эксперта в случае, если его заключение не содержит обоснования методов и научно-технических средств, которые позволяют достичь поставленных целей при проведении исследования.

Действительно, диспозициями указанного правового акта предусмотрены обязательства использовать при проведении экспертизы методических материалов, одобренных и рекомендованных Межведомственным научно-методическим советом в сфере судебно-экспертной деятельности при ГКСЭ. Однако лицо, проводящее экспертизу, не имеет квалификации судебного эксперта, следовательно, не обязано использовать методические и справочные материалы, рекомендованные ГКСЭ. УПК, ПКОАП также не содержат норм obligatorности обращения эксперта к методическим материалам из указанного выше реестра. Приводить в лингвистическом заключении полное обоснование используемых специалистом методик и методов с их описанием является несколько проблематичным, так как потребует серьезных трудозатрат, продлит время проведения исследования и значительно увеличит текстовый объем информации. При этом правоприменители в отсутствие специальных

лінгвістических познаній, скорее всего, будут понимать обоснование фрагментарно, что позволит несогласной с выводами стороне затягивать разбирательство, требуя проведения опросов и допросов эксперта с целью детализации и разъяснения отдельных положений об использованных методиках и методах. В этой связи вполне оправданным видится наличие в заключении ссылок на использованные научные труды, где содержится описание исследовательской методики и указания на перечень методов (общезвестных для специалистов), использовавшихся в конкретном экспертном исследовании.

Развивая тему о проблемах методологического обеспечения экспертной и судебно-экспертной лінгвістической деятельности, позволим сделать небольшое отступление. Анализ собранного материала показывает, что в отечественной экспертологии отсутствуют типовые методики исследования отдельных аспектов содержательного наполнения конфликтогенных текстов, а также изучения поликодовых речевых материалов. Этот факт является определяющим при направлении конфликтогенного текста на исследование во внеэкспертную организацию, где вопрос об использовании методов исследования по отношению к конкретному конфликтогенному тексту входит в зону персональной ответственности эксперта. Неслучайно ученые отмечают, что в системе методологии лінгвістической экспертологии «царит явный количественный и качественный хаос, бросающийся в глаза любому постороннему и существенно снижающий авторитет лінгвістической экспертизы» [9, с. 119]. А адвокаты активно апеллируют данным положением, акцентируя внимание на отсутствии гарантий объективности результатов проведенного специального исследования. Одним из возможных путей нивелирования проблемы является внедрение методологических принципов триангуляции – «проверки согласованности данных, полученных посредством различных вариаций качественных и количественных методов» [10, с. 223]. В экспертной работе триангуляция может быть реализована на уровне использования данных (обращение в одном исследовательском проекте к различным типам данных) и методологии (использование для решения одной задачи нескольких методов) [11, с. 110]. Такой подход теоретически обоснован в отношении поликодовых текстов (см. [12]) и, очевидно, снижает уровень возможной субъективизации результатов их экспертного исследования.

Заклучение

Отечественной лінгвістической экспертологией накоплен достаточно серьезный опыт решения прикладных задач. В то же время в этой сфере имеются отдельные проблемные вопросы. Речь, в частности, идет о понятийном тезаурусе, который не формализован на законодательном уровне, как, например, в России, где имеется опыт создания Национального стандарта «Судебная лінгвістическая экспертиза. Термины и определения» (ГОСТ Р 70003-2022). Так, фактические данные опротестования результатов экспертизы текста и попыток отвода эксперта показывают, что юристам не до конца понятным является соотношение категорий *предложение*, *речевой акт*, *высказывание*, которые, в зависимости от конкретного языкового примера, могут использоваться синонимично, а также дифференцировать отдельные элементы текстового материала. Кроме того, и сами эксперты не всегда отражают в используемых определениях правовые аспекты отдельных понятий, что позволяет несогласной с результатами заключения стороне апеллировать к отсутствию в них значимых квалификационных характеристик инкриминируемого преступления. Например, специалисты активно культивируют в исследованиях понятие *конфликтный / конфликтогенный текст* в интерпретации лінгвістической конфликтологии, хотя с лингвоправовой точки зрения речь идет о формальном объекте экспертного изучения, то есть материале, направляемом органами следствия и судом для проведения специального (судебного) изучения. Схожая ситуация складывается и в отношении терминологического оборота *потенциально ложные сведения*, понимание которого требует отдельного анализа диспозиций уголовного и гражданского законодательства.

Отдельный блок проблемных вопросов актуализирован взаимосвязью процессуальных и методологических аспектов проведения специального исследования продуктов речевой деятельности. Национальное законодательство предусматривает в этом случае инициирование экспертизы текста и судебной экспертизы текста. Юридическая сила обеих процессуальных процедур является идентичной, но отличается алгоритмом назначения и спецификой работы лица, которому поручается подготовка заключения. Экспертиза регламентируется УПК и ПИКоАП и не подпадает под действие Закона о судебно-экспертной деятельности, что позволяет специалисту самостоятельно определять

методологию и методы исследования, использовать научные, научно-методические, учебные и справочные источники по своему усмотрению. Все это становится основанием для предпринимаемых стороной защиты попыток опротестовать результаты экспертизы (чаще всего речь идет о поликодовых текстах) как несостоятельные ввиду невозможности их верификации и (или) некомпетентности эксперта. В то же время в практику лингвистической экспертологии внедряются новые подходы, позволяющие снять часть методологических вопросов (например, триангуляция).

В правоприменительной практике фиксируются единицы примеров, когда доводы апелляции на заключение лингвистической экспертизы принимаются во внимание как объективные. В этом случае не всегда назначается повторная экспертиза, а проводится дополнительная, которая может поручаться тому же самому лицу.

СПИСОК ИСПОЛЬЗОВАННЫХ ИСТОЧНИКОВ

1. **Азимов, Э. Г.** Современный словарь методических терминов и понятий. Теория и практика обучения языкам / Э. Г. Азимов, А. Н. Щукин. – М. : Русский язык. Курсы, 2018. – 496 с.
2. **Баранов, А. Н.** Лингвистическая экспертиза текста: теория и практика / А. Н. Баранов. – М. : Флинта : Наука, 2007. – 592 с.
3. **Ефремова, Т. Ф.** Новый словарь русского языка. Толково-словообразовательный : св. 136000 словар. ст., ок. 250000 семант. единиц / Т. Ф. Ефремова. – Т. 1. А–Т. – М. : Рус. яз., 2000. – 605 с.
4. **Ожегов, С. И.** Толковый словарь русского языка : ок. 100 000 слов, термин. и фразеол. выраж. / С. И. Ожегов ; под ред. проф. Л. И. Скворцова. – 27-е изд., испр. – М. : ОНИКС, 2022. – 736 с.
5. **Матвеева, О. Н.** Функционирование конфликтных текстов в правовой сфере и особенности его лингвистического изучения (на материале текстов, вовлеченных в юридическую практику) / О. Н. Матвеева. – Барнаул : АлтГПУ, 2014. – 283 с.
6. **Ворошилова, М. Б.** Лингвистическая экспертиза : задачник : учеб. пособие. – Ч 1. Экспертиза конфликтного текста / М. Б. Ворошилова ; ФГБОУ ВО «Урал. гос. пед. ун-т». – Екатеринбург : УГПУ, 2016. – 220 с.
7. **Макаренко, Г. С.** О соотношении понятий «конфликтотенный» и «конфликтный» текст в рамках изучения юрислингвистики / Г. С. Макаренко // Научное наследие В. А. Богородицкого

и современный вектор исследований казанской лингвистической школы : тр. и мат-лы Междунар. конф. / под общ. ред. К. Р. Галиуллина, Е. А. Горобец, Э. А. Исламовой. – Т. 1. – Казань : Казанский (Приволжский) федеральный университет, 2018. – С. 139–142.

8. **Белоус, Н. А.** Конфликтный дискурс vs конфликтный текст / Н. А. Белоус, Н. В. Осолкова / Вест. С.-Петербург. ун-та. Сер. 9. – 2007. – Вып. 4. – Ч. II. – С. 96–107.

9. **Кукушкина, О. В.** Методы анализа, применяемые в судебной лингвистической экспертизе / О. В. Кукушкина // Теория и практика судебной экспертизы. – 2016. – № 1(41). – С. 118–126.

10. **Янчук, В. А.** Введение в современную социальную психологию : учеб. пособие для вузов / В. А. Янчук. – Минск : АСАР, 2005 – 768 с.

11. **Denzin, N.** The Research Act : A Theoretical Introduction to Sociological Methods / N. Denzin. – Chicago : Aldine, 1970. – 326 с.

12. **Лавицкий, А. А.** Семантика невербальных компонентов поликодовых текстов в аспекте судебной лингвистической экспертизы / А. А. Лавицкий // Вест. Гроднен. Гос. ун-та имени Янки Купалы. Сер. 3. Филология. Педагогика. Психология. – 2024. – Т. 14. – № 2. – С. 49–56.

Поступила в редакцию 11.11.2024 г.

Контакты: anton_lavitski@mail.ru (Лавицкий Антон Алексеевич)

Lavitski A. A. LINGUISTIC EXAMINATION OF TEXT (FROM LEGAL PRACTICE OF PROTESTING THE RESULTS OF SPECIAL RESEARCH)

The article, based on the material of petitions to disqualify an expert and protest the results of his work on studying the content of mono- and polycode texts, explains certain methodological and procedural issues of conducting special studies of the text for the presence of signs of illegal activity in their content. The features of the expert linguist's use of the terms "sentence", "utterance", "speech act" are clarified, and the linguistic and legal aspects of the concepts "conflict/conflict-prone text", "potentially false information" are detailed. The problems of differentiation of examination and forensic examination are revealed.

Keywords: linguistic examination, forensic linguistic examination, sentence, utterance, speech act, conflict-prone text, potentially false information, discrediting.

УДК 81'255.2: 82-2=161.1=161.3+ 811.161'373

МАДЭРНИЗАЦЫЯ ЛЕКСІКІ П'ЕСЫ А. В. ВАМПІЛАВА “КАЧЫНАЕ ПАЛЯВАННЕ” Ў СПЕКТАКЛІ “ПАЛЯВАННЕ НА СЯБЕ”

К. Д. Ганчарэнка

кандыдат філалагічных навук, старшы навуковы супрацоўнік

Цэнтр даследаванняў беларускай культуры, мовы і літаратуры НАН Беларусі

У артыкуле разглядаюцца лексемы і выразы, з дапамогай якіх была мадэрнізавана п'еса А. В. Вампілава “Качынае паляванне” ў пастаноўцы “Паляванне на сябе” Рэспубліканскага тэатра беларускай драматургіі. Прааналізаваны агучныя дыялогі персанажаў на беларускай, рускай мовах і “трасяньцы”. У першасным і вытворным тэкстах вылучаны супастаўляльныя рэплікі, дзе адзінкі нейтральнай і размоўнай лексікі заменены словамі і выразамі, што ўказваюць на сучасную рэальнасць. У тым ліку прааналізаваны лексемы (пераважна онімы), якія падкрэсліваюць перанос месца дзеяння ў Беларусь. Адзначаны адсылкі да культурна-гістарычных рэалій у двух тэкстах.

Ключавыя словы: драматургія, пераклад, руская мова, беларуская мова, неалагізмы, жаргон, культурна-гістарычныя рэаліі.

Уводзіны

Спектакль “Паляванне на сябе” паводле п'есы А. В. Вампілава “Качынае паляванне” (1967 г.) [1] быў пастаўлены ў Рэспубліканскім тэатры беларускай драматургіі рэжысёрам С. Жыковым. Дзеянне п'есы перанесена ў сучасную Беларусь, акрамя таго, М. Пушкінай нестандартным чынам быў зроблены пераклад. У пастаноўцы, як і ў п'есе Вампілава, малады інжынер Віктар Зілаў атрымлівае кватэру, аднак не робіцца шчаслівым. Даследчыца Г. А. Аўдзеева, аналізуючы вобразы Зілава, створаныя ў кіно, заўважае ідэю “лішняга чалавека”, які ідзе да маральнага краху, пагібелі [2, с. 186, 190].

У спектаклі “Паляванне на сябе” адбылася мадэрнізацыя твора, калі “выкарыстоўваецца сюжэт мастацкага тэксту літаратурнай класікі, але яго героі жывуць у сучасным свеце” [3, с. 3–4], або *асучасненне* – “абнаўленне традыцыйнага разумення твора” [4, с. 133]. Філолаг Ф. В. Драбень, аналізуючы беларускую дзіцячую драматургію мяжы XX – XXI ст., вылучае два шляхі мадэрнізацыі вядомых фальклорных і літаратурных сюжэтаў. Першы: “стварэнне сучаснага каларыту ў гучанні дат,

назваў, прозвішчаў, слоў і фраз” [5, с. 88]. Пры гэтым выкарыстанне, напрыклад, рэкламных выразаў у маўленні персанажаў будзе цікавым, “пакуль гледачы будуць пазнаваць гэтыя слогаў” [5, с. 90, 96]. Другі шлях – “мадэрнізацыя сутнасная, глыбінная, якая падымас пытанні быцця, маралі, працы чалавека на пэўным жыццёвым этапе” [5, с. 88].

“У паляванні на сябе” былі ўведзены не толькі сучасныя лексічныя адзінкі, але адбылася замена онімаў (геаграфічных, камерцыйных назваў, імён вядомых асоб) на беларускія. Менавіта “фонавыя онімы”, як указвае С. Ф. Бут-Гусаім, “ствараюць эфект праўдзіваці падзей” у літаратурным творы [6, с. 46–50]. Новаўвядзенні, якія адбыліся ў спектаклі, бліжэй т. зв. “выпраўленчага перакладу”, які аналізуе В. П. Рагойша: у пачатку XX ст. пры перадачы твораў прозы і драматургіі з украінскай і рускай моў адметныя онімы замяняліся беларускімі (*Чыгірын* на *Смаргонь*, *Ломов* на *Ламака* і інш.) [7, с. 139–140]. Гэта не тоесна стратэгіі *даместыкацыі* (тэрмін Л. Венуці), калі пры перакладзе, напрыклад, твора рускай літаратуры на французскую і англійскую мовы для онімаў падбіраюцца наяўныя замежныя эквіваленты або апісальна перадаецца іх семантыка, пры гэтым граматычныя асаблівасці імён могуць не захоўвацца [8, с. 162].

У рэпліках спектакля, акрамя беларускай мовы, яшчэ выкарыстоўваюцца руская мова і “трасянка” – “змяшаная гаворка, якая носіць стыхійны, разнастайны, індывідуальны характар” [9, с. 189]. Н. Я. Нікіціна, аналізуючы аўтарскія пераклады з беларускай на рускую мову, указвае на факты інтэрферэнцыі і інтэркаляцыі (уплыў мовы 1 на мову 2 і наадварот), бо перакладчык і чытач – білінгвы; мовам уласціва падабенства сістэм, а іх носбітам – ментальная і культурная блізкасць [10, с. 156–157]. Нягледзячы на тое, што ў некаторых фрагментах “Палявання на сябе” пераклад на беларускую не быў зроблены, у любым выпадку пры працы з драматургічным тэкстам іншамовнага аўтара назіраецца “трансфармацыя тэксту” [11, с. 619], “сур’ёзныя зрухі

ў моўнай і стылістычнай плоскасцях” [12, с. 122]. С. В. Кавалёў слухна заўважае, што, паколькі “рэальнае асяроддзе з’яўляецца фактычна рускамоўным”, “драматург, які па-беларуску піша пра сучасную рэчаіснасць, фактычна робіць пераклад жывых рускамоўных дыялогаў <...> на літаратурную беларускую мову” [13, с. 486].

У рэпліках спектакля, як і ў тэксце Вампілава, часта выкарыстоўваецца жаргонная і грубая лексіка. В. І. Рагаўцоў разглядае стылістычна зніжаны адзінкі як сродкі камічнага ў драматургіі, асабліва калі яны “ў межах рэплікі ўжываюцца канцэнтравана” [14, с. 122]. Т. Г. Барычэўская ўказвае, што “трасянка”, абсцэнная лексіка і сучасны слэнг становяцца дадатковым моўным сродкам сцэнічнай выразнасці для беларускіх драматургаў-наватараў [15, с. 16]. Але ёсць сведчанні, што некаторыя гледачы РТБД сыходзілі са спектакляў “эстэтычна абражаныя” [16].

Такім чынам, даследаванне лексікі спектакля “Паляванне на сябе” паводле п’есы А. В. Вампілава “Качынае паляванне” мае актуальнасць з пункту гледжання выяўлення слоўных маркёраў сучаснасці, прадстаўлення тыповага маўлення XXI ст. Мэта даследавання – выявіць лексемы, выразы, фрагменты тэксту, з дапамогай якіх быў зроблены перанос дзеяння п’есы А. В. Вампілава “Качынае паляванне” ў сучасную Беларусь ў спектаклі “Паляванне на сябе” Рэспубліканскага тэатра беларускай драматургіі.

Асноўная частка

Для лінгвістычнага аналізу былі адабраныя агучаныя рэплікі персанажаў спектакля “Паляванне на сябе” (аўдыёзапіс 2023 г. – 131 хв.) на беларускай, рускай мове і “трасянцы”, якія ўказваюць на мадэрнізацыю п’есы “Качынае паляванне” А. В. Вампілава. Пад увагу былі ўзятыя фрагменты, дзе назіраецца замена назваў рэалій на больш сучасныя або ўласнабеларускія, увядзенне размоўнай лексікі к. XX – пачатку XXI ст. і абсцэннай.

У галоўнага героя Зілава, як сцвярджае выканаўца ролі акцёр М. Брагінец, выбар сродкаў зносін паказвае на яго дваістую натуру: ён размаўляе па-беларуску, калі шчыры, а калі прымярае “сацыяльную маску” – на “трасянцы” [17]. У адным фрагменце ў яго пераважна рускамоўнае гутарковае маўленне, скажонае беларускім вымаўленнем: *Пацаны, рэальна спасіба, я сам да сых пор в шоке. Он такой гаварыт мне: “Прыдзі”...* У іншым – беларускае пераважна літаратурнае маўлен-

не з інтэрфераванай лексмай: *Ты проста не ўяўляеш, якая ты прэлесць*. Жонка Зілава (актрыса Л. Сідаркевіч), дзяўчына Ірына (Ю. Лазоўская) размаўляюць на літаратурнай беларускай мове, кіраўнік Кушак (С. Шымко) – па-руску, астатнія выкарыстоўваюць змешанае маўленне. Усім персанажам уласцівы жаргон.

Матэрыялам даследавання сталі 59 парных і 23 няпарных фрагментаў рэплік і рэма-рак аўтара, якія ўтрымліваюць 162 лексічныя адзінкі (словы і словазлучэнні). Гэтыя адзінкі былі размеркаваны паводле стылявой, часовай і тэрытарыяльнай прыналежнасці (гл. табл.). Не ўлічваліся паўторы аднолькавых замен, пары ідэнтычнай лексікі: *шеф – шэф, алік – алката, крутить динамо – продинамила* ‘дынаміць – моладз. падманваць, не выконваць таго, што абяцаў, парушаць дамоўленасць’ [18, с. 197]; замены, дзе розніца ў часе і тэрыторыі не адчуваецца: *“Красногорск”* (футбольная каманда) – *“СКА”* (хакейнае каманда Санкт-Пецярбурга), *крабы [ежа. – К. Г.] – “шуба”, аліўе* і інш.

У групе замен гутарковай лексікі на нейтральную можна вылучыць наступныя спосабы мадэрнізацыі. Першы: увядзенне назваў актуальных рэалій (13 адзінак + беларускія назвы): *звонил в школу* – рус. *звонил на мобильный*, *иняз* – *лінгвістычны, нажимают на рычаг [тэлефона. – К. Г.] – працуе “Вайбер”, “Тэлеграм”, “Фэйсбук”, мэсэнджэр, “Ватсан”* і інш.

“Качынае паляванне” Кузаков: <i>Мое имя Ни- колай, а вы назвали меня Аликом. ... Но позже я потребую у вас объяснения!</i> [1, с. 202–203].	“Паляванне на сябе” Кузакоў (акцёр А. Курэнь): <i>А як вы гля- дзіце на тое, што я вас запрашу да сябе ў месца з А1 інтэр- нэтам? <...> – Сто мегабайт за секунду!</i>
---	---

Некаторыя адзінкі ў апошні час набылі новае значэнне ці актыўнае карыстанне. Напрыклад, *французскае акно* – ‘шырокае панарамнае акно да падлогі...’ [19, с. 565].

“Качынае паляванне” Кушак: <i>“Квартирка чудесная! (Подожел к окну – взглянул на свою машину)”</i> [1, с. 194].	“Паляванне на сябе” Кушак: <i>“Хорошая квартира! Потолоч- ки 2,74, французские окна, паркетик”...</i>
---	--

У рэпліцы Валерыі (В. Буслаевай) “Сёння мы пазбаўляем яго [Саяпіна. – К. Г.] хакея. У яго да яго **сэксуальнае прыцяжэнне**” тэрміналагічнае спалучэнне са сферы псіхалогіі за кошт ужывання ў дачыненні нежывога прадмета на-

Замены лексікі ў спектаклі “Паляванне на сябе”
 як мадэрнізацыя п’есы “Качынае паляванне”

Лексічныя замены паводле стылю мовы	“Качынае паляванне”		“Паляванне на сябе”		Колькасць фрагментаў рэплік		
	групы лексікі	колькасць лексічных адзінак	групы лексікі	колькасць лексічных адзінак			
нейтральная – нейтральная	XX ст. і СССР	1 КТР + 1	пазначасавая	2	28	2-2	21–21
		13	к. XX ст. – пач. XXI ст.	8		4-4	
			рэаліі Беларусі (у тым ліку сучасныя)	11 (6)		9-9	
	пазначасавая	6	к. XX ст. – пач. XXI ст. сучасныя рэаліі Беларусі	4 2 + 1 КТР		6-6	
размоўная – нейтральная	размоўная	1	сучасныя рэаліі Беларусі	1 КТР	1	1–1	
нейтральная – размоўная	XX ст. і пазначасавая	23	жаргон і размоўная к. XX ст. – пач. XXI ст.	12	28	11-11	23–23
			лаянкавая	12		9-9	
			інш. размоўная	4		3-3	
размоўная – размоўная	жаргон XX ст.	5	жаргон мяжы XXI ст.	6	15	15–15	
	лаянкавая	5	лаянкавая	9			
	інш. разм.	5					
няпарная група	устарэлая і СССР	4 + 1 КТР	-----	0		3–0	
	-----		нейтральная лексіка к. XX ст. – пач. XXI ст.	1 + 1 КТР	23	0-2	0–20
			рэаліі Беларусі (у тым ліку сучасныя)	4 (2) + 1 КТР		0-4	
			жаргон к. XX ст. – пач. XXI ст.	7		0-7	
			лаянкавая	9		0-7	
усяго	67		95		82		
	162				(парных – 59, няпарных – 23)		

бывае гумарыстычны эфект. Параўнаем з п’есай: *Тогда вы не представляете, что значит для него футбол!* [1, с. 230]. Камічнае абыгрыванне моўных штампаў адносіцца да полісемічных каламбураў [20, с. 115], спалучэнне слоў, якія лексічным значэннем адлюстроўваюць сувязі, што не існуюць у рэчаіснасці, – да лексічных алагізмаў [14, с. 59].

Другая група лексічных замен звязана з увядзеннем слоў, што пераносяць дзеянне твора А. В. Вампілава ў Беларусь (17, з ix – 10 сучасных найменняў, 7 – даўніх): *в новом типовом доме – у Новай Баравой, кафе “Незабудка” – “Друзья” [рэстаран у Мінску. – К. Г.], фарфоравы завод в Свирске – круп-мальный завод у Любані. У няпарных рэпліках згадваецца новы мікрараён Мінска Магістр, піцэрыя “Dominos pizza”, дзевяць Ба-равікоўчына пад Налібоцкай пушчай.*

“Качынае паляванне”

Ірына: Если бы я зна-
ла, где у вас **главно-
чтатм**, я бы **сочине-
ние** раньше сдала [1,
с. 210].

“Паляванне на сябе”

Ірына: Дамовіліся су-
стрэцца каля **стэлы**.
Калі б я ведала, дзе
гэтая **стэла**, я б **ЦТ**
хутчэй здавала.

Тут называюцца *стэла* “Мінск – горад-ге-рой” на пр. Пераможцаў і *цэнтралізаванае тэсціраванне* як “форма ўступных выпрабаванняў, арганізаваная на аснове педагагічных тэстаў...” [21], якое праводзіцца ў Беларусі з пачатку 2000-х гг.

У асобных фрагментах двух тэкстаў прысутнічаюць адсылкі да культурна-гістарычных рэалій. Напрыклад, у рамантычных успамінах галоўнага героя і жонкі:

“Качынае паляванне”

Зілов: **Внутри пла-
нетарий, а снаружи
все-таки **церковь**.**
Помнишь, ты сказа-
ла: я хотела бы об-
венчаться с тобой в
церкви?.. [1, с. 221].

“Паляванне на сябе”

Зілаў: Я хацеў бы аб-
вянчацца з табой у
касцёле.

Так, у 1950 г. у будынку Троіцкай царк-вы ў родным А. В. Вампілаву г. Іркуцку быў адкрыты планетарый [22], а ў пасляваенныя гады “сімволіка асваення космасу стала эфек-тыўным праектам атэістычнай прапаганды” ў СССР [23, с. 69–70]. Указанне на каталіц-кі храм у спектаклі, верагодна, уласны выбар

перакладчыка або трупы. Заўважым адсутнасць парных рэплік для некаторых устарэлых адзінак. Так, Зілаў абражае афіцыянта Дзіму лакеем, пытаецца ў Ірыны: *Товарищ Рожкова? <...> Вы комсомолка?.. Может быть, вы в Бога верите?* [1, с. 240–241]. Сваіх сяброў за жарт з пахавальным вянком Віктар называе *оасовцы* ад *ОАС* – ‘падпольная фашысцкая арганізацыя, якая ўзнікла ў Францыі і Алжыры ў лютым 1961 г. ...’ [24, с. 393]. Заменены таксама адзінкі *пионер* на *малойца*, *в гастрономе* – у *Центральным*, нягледзячы на тое, што яны ўжываюцца ў сучасным маўленні.

Тры фрагменты звязаны з актуальнай праблемай стаўлення да беларускамоўных асоб як да дзівакоў. Сябры Зілава не адразу разумеюць, што такое *ўлазіны*, ён ім перакладае – *на-васелье*. Кушак абураецца маўленнем Ірыны: *Девушка, какая аб'ява, говорите нормально <...> – об'явление...* У п'есе А. В. Вампілава Віктар просіць прадстаўніцу службы даведкі “*давайте с вами поболтаем*”, у спектаклі гэта заменена на “*А вам цяжка было б паразмаўляць са мной па-беларуску?*” да супрацоўніцы піцэрыі, якая “*доўга ржала з мяне*”. Яшчэ адзін фрагмент адсылае да псіхалагічнага аналізу прычын сямейнага гвалту.

У 16 выпадках размоўная лексіка зыходнага тэксту заменена больш сучаснай (6) або лаянкавай (9). Гэта пары *алик* – *бухарык* < *бухачь* – ‘піць моцныя спіртныя напоі ў вялікай колькасці, бязмерна’ [25, вып. 1, с. 156], *бодрычок* – *папик* ‘пажылы мужчына, які забяспечвае юную дзяўчыну, якая спадзяецца на яго багацце або на тое, каб ажаніўся з ёй’ [25, вып. 3, с. 23], *был мелким шkodником* – *заўжды здзекаваўся над Верай, ну прыкалваўся < прыкол* ‘жарт, кур’ёз, дасціпная незвычайная выходка, выбрык’ [24, вып. 3, с. 651], *шпана, пацаны* – *гопнікі* ‘гопнік – жарг. 1. агрэсіўна настроены падлетак, вулічны злодзей, хуліган, шпана’ [18, с. 163], *им это трын-трава* – *ім гэта па барабану* ‘няма ніякай справы, абьякава’ [25, вып. 1, с. 79] і інш.

“Качынае паляванне”	“Паляванне на сябе”
Вера: <i>Этот бодрычок, он, кажется, на что-то надеется?</i> [1, с. 204].	Вера (Г. Семьянка): <i>А гэты мням-мням папик на нешта спадзяецца?</i>

У 23 парах нейтральная лексіка заменена размоўнай (28 адзінак, з іх 12 – сучасная жаргонная і размоўная): *подала телеграмму?* – *трас. смску прышлі, убью* – рус. *завалю,*

друг – рус. *чувак, ладно* – рус. *оки* і інш. Двойчы ўжыта лексема беларускамоўнай сферы – *неспадзяваначка* ад *неспадзяванка* – ‘разм. нечаканае здарэнне, выпадак і пад.’ [26, с. 3]. Дэрыват папулярываўся праз мэсэнджары [27, с. 147].

“Качынае паляванне”	“Паляванне на сябе”
Зілов: <i>Будет еще одна персона. <...> Разве я тебе о ней не говорил?</i>	Зілаў: <i>Будзе яшчэ адна асоба. <...></i>
Галина: <i>Представь себе – нет. Сюрприз</i> [1, с. 191];	Галіна: <i>Уяві сабе, неспадзяваначка;</i>
Зілов: <i>Он жену на юг отправил.</i>	Зілаў: <i>Шэф учора жонку ў Сухумі адправіў.</i>
Саяпин: <i>Вот оно что, то-то загулял мужик</i> [1, с. 185].	Сябры: <i>Ооо, неспадзяваначка!</i>

Некаторыя жаргонныя і лаянкавыя адзінкі з п'есы А. В. Вампілава заменены больш грубымі: *кончай базар* – *слухай, г**нюк, хреновый я ему был сын* – *х*ровый я ему был сын, халтурицики* – *мудакі* і інш. У рэпліках спектакля заўважаны сінанімічны рад *канец* ‘канец’, *гібель*’ [25, вып. 1, с. 34] – *ніпец* – *трындец*. Ужыты 3 маты (паўторна), з поўным і няпоўным вымаўленнем слова.

Цікава, што ў мадэрнізаваных рэпліках “Палявання на сябе”, там, дзе ўтрымліваецца прааналізаваная нейтральная лексіка, пераважна ўжываецца беларуская мова (22 рэплікі, або 79,5%), руская – у 4 (14%), “трасянка” – у 2 (7%). У рэпліках з размоўнай лексікай суадносіны трох моўных кодаў іншыя: беларуская – 21 рэпліка (41%), руская – 17 (33,5%), “трасянка” – 13 (25,5%). Гэта сведчыць пра характэрнасць жаргоннай і зніжанай лексікі менавіта рускамоўнаму і змешанаму маўленню, складанасць у падборы ўласнабеларускай падобнай лексікі.

Заклучэнне

Такім чынам, падчас аналізу мадэрнізацыі лексікі п'есы “Качынае паляванне” А. В. Вампілава ў спектаклі “Паляванне на сябе” Рэспубліканскага тэатра беларускай драматургіі было выяўлена 82 фрагменты рэплік (59 парных і 23 няпарных), якія ўтрымліваюць 162 лексічныя адзінкі.

Для асучаснення п'есы ў спектаклі былі ўведзены адзінкі, якія абазначаюць з'явы ХХІ ст. (13): *мэсэнджэр*, *Фэйсбук*, *французскіе окна* і інш., а таксама онімы і назвы рэалій, ха-

рактэрныя для сучаснай Беларусі (10): *Новая Баравая, А1, ЦТ* і пазачасавыя найменні (7): *крухмальны завод, Налібоцкая пушча*. Акрамя таго, адбылося выдаленне або замена рэалій савецкага перыяду (*церковь в планетарии, комсомолка* і інш.).

Сярод прааналізаваных адзінак мадэрнізацыі са спектакля “Палявання на сябе” заўважана перавага размоўных слоў і выразаў (59 адзінак у 52 рэпліках) над нейтральнай лексікай (32 адзінкі і 4 адсылкі да сучасных рэалій у 28 рэпліках). У параўнанні з п’есай “Качынае паляванне” на размоўную была замена як размоўная (*бодрычок – панік, шпана – гоннікі*), так і нейтральная лексіка (*телеграмма – смска, друг – чужак*). У пастаноўцы РТБД ужываюцца лаянкавыя словы і нават маты. Больш за палову выбраных размоўных рэплік агучана на рускай мове і “трасянцы”. У такім падыходзе бачыцца задума творчай групы перадаць маўленне сучасніка найбольш набліжана да рэальнага, нягледзячы на тое, што гэта можа эстэтычна абразіць глядача.

СПІС ВЫКАРЫСТАНЫХ КРЫНІЦ

1. **Вампилов, А. В.** Утиная охота : пьесы / А. В. Вампилов ; худож. О. Нефедов. – М. : Дет. лит., 2009. – 270 с.
2. **Авдеева, Г. А.** Интерпретация образа главного героя пьесы А. Вампилова “Утиная охота” в российском кинематографе / Г. А. Авдеева // Человек, текст, язык в системе социогуманитарного знания: сб. материалов II Всероссийской науч.-практ. конф. / Нижнетагил. гос. соц.-педагог. ин-т (ф-л), Ниж. Тагил, 11 апр. 2018 г.; отв. ред. И. Л. Чижова. – Ниж. Тагил, 2018. – С. 185–195.
3. **Тычына, С. М.** Шляхі мадэрнізацыі літаратурнай класікі / С. М. Тычына // Рэжым доступу: <http://repository.buk.by/bitstream/handle/123456789/1094> / SHLYAH%D0%86%20MADE%27RN% D0%86ZACYI%D0%86%20L % D 0 % 8 6 T A R A T U R N A Y % 2 0 K L A S % D 0 % 8 6 K % D 0 % 8 6 . pdf?sequence=1&isAllowed=y. – 2013. – Дата доступу: 01.03.2023.
4. **Сальникова, Е. В.** Интерпретация классики в театре и кино: феномен осовременивания в контексте других традиций / Е. В. Сальникова // Культура и искусство. – 2017. – № 3. – С. 131–146.
5. **Драбень, Ф. В.** Беларуская драматургія канца XX – пачатку XXI стагоддзя: жанрава-стылёвыя тэндэнцыі / Ф. В. Драбень, рэд. Л. Д. Сінькова. – Мінск : БДУ, 2012. – 119 с.
6. **Бут-Гусаім, С. Ф.** Нацыянальна-культурная адметнасць анамастыкону прозы і драматургіі Раісы Баравіковай для дзяцей і юнацтва / С. Ф. Бут-Гусаім // Нацыянальна-культурны кампанент у літаратурнай і дыялектнай мове : зб. навук. арт. / Брэст. дзярж. ун-т імя А. С. Пушкіна; рэдкал.: Л. В. Леванцэвіч [інш.], пад агульн. рэд. С. Ф. Бут-Гусаім. – Брэст : БрДУ, 2015. – С. 46–50.
7. **Рагойша, В. П.** Проблемы перевода с близкородственных языков. Белорусско-русско-украинский поэтический взаимоперевод / В. П. Рагойша. – Минск : Изд-во БГУ им. В. И. Ленина, 1980. – 181 с.
8. **Лабко, В. А.** Стратегии передачи специфики ономастического пространства романа-хроники Н. С. Лескова “Соборяне” при переводе на английский и французский языки / В. А. Лабко // Филолог. науки. Вопросы теории и практики. – Тамбов : Грамота, 2020. – Т. 13, Вып. 4. – С. 159–163.
9. **Цыхун, Г. А.** Простора мовы. Моўныя сувязі. Гісторыя слоў: выбр. працы / Г. А. Цыхун. – Мінск : Беларус. навука, 2018. – 314 с.
10. **Никитина, Н. Е.** Авторский перевод с белорусского языка на русский: билингвальный аспект : дис. ... канд. филолог. наук: 10.02.20 / Н. Е. Никитина; Беларус. гос. педагог. ун-т им. М. Танка. – Минск, 2017. – 180 л.
11. **Садовский, Я.** Пьеса – экран – трансформация – актуализация (на материале «Самобийцы» Валерия Пендраковского) / Я. Садовский // Производство смысла: сб. статей и материалов памяти И. В. Фоменко / ред.: С. Ю. Артемова [и др.]. – Тверь : Твер. гос. ун-т, 2018. – С. 617–633.
12. **Bassnett-McGuire, S.** Translation studies / S. Bassnett-McGuire. – London : New York : Routledge, 1991. – 168 p.
13. **Кавалёў, С. В.** Рускамоўная літаратура Беларусі: альтэрнатыва ці пагроза? (на прыкладзе развіцця сучаснай драматургіі) / С. В. Кавалёў // Трэці міжнародны кангрэс даследчыкаў Беларусі : прац. матэрыялы. – Kaunas : Vytautas Magnus Univ. press, 2014. – Т. 3. – С. 483–486.
14. **Рагаўцоў, В. І.** Слоўнік пра камічнае: мовазнаўчы аспект / В. І. Рагаўцоў. – Магілёў : МДУ імя А. А. Куляшова, 2010. – 172 с.
15. **Барычэўская, Т. Г.** Экспериментальные тэндэнцыі ў драматургіі Аўстрыі другой паловы XX – пачатку XXI стагоддзяў (у параўнанні з драматургіяй Беларусі) : аўтарэф. дыс. ... канд. філалаг. навук : 10.01.03 / Т. Г. Барычэўская ; Беларус. дзярж. ун-т. – Мінск, 2016. – 28 с.
16. **Кацяловіч, І.** Аляксандр Гарцуеў: Я бачыў, як публіка сыходзіла са спектакляў эстэтычна пакрыўджанай / І. Кацяловіч // Звязда. – 2020. – 1 лют. – С. 9.
17. **Гурына, Ж.** Тэатраадчуванні: паляванне на Бабруйск / Ж. Гурына. – Рэжым доступу: <https://rtbd.by/blog/blog-palyavanne/>. – Дата доступу: 01.03.2023.
18. **Химик, В. В.** Толковый словарь русской разговорно-обиходной речи : в 2 т. / В. В. Химик. – СПб : Златоуст, 2017. – Т. 1 : А–Н. – 528 с.

19. Большой строительный словарь: терминологический словарь-справочник / сост.: В. Д. Наумов [и др.], ред. Ю. В. Феофилов. – Минск : Минсктиппроект, 2008. – 812 с.
20. Шубадзёрава, А. М. Каламбуры ў драматургічных творах А. Дзялендзіка / А. М. Шубадзёрава // Актуальныя пытанні лінгвістыкі, лінгвастылістыкі і лінгвакультуралогіі: да 75-год. з дня нарадж. праф. М. В. Абабуркі: матэрыялы Рэспублік. навук.-практ. канф., 20 мая 2016 г. / рэд.: В. М. Шаршнёва. – Магілёў : МДУ, 2016. – С. 113–116.
21. Положение о порядке организации и проведения централизованного тестирования [Электрон. ресурс] / Национ. правовой Интернет-портал Респ. Беларусь. – Режим доступа: <https://pravo.by/document/?guid=3871&p0=C20600714>. – Дата доступа: 21.03.2024.
22. Через церковь к звездам / [X.] – Режим доступа: <https://www.irk.ru/news/blogs/irk-1522826645.94/1338/>. – Дата доступа: 25.03.2024.
23. Аринин, Е. И. О космосе в храме (на материале истории Владимирского планетария, расположенного в здании Николо-кремлевской церкви) / Е. И. Аринин, М. С. Лютаева // Вестник Владимир. гос. ун-та; Сер. «Социальн. и гуманитар. науки». – 2021. – № 1. – С. 68–78.
24. Советская историческая энциклопедия : в 16 т. / Отд-ние ист. наук Акад. Наук СССР; гл. ред. Е. М. Жуков. – М. : Совет. энцикл., 1961 – 1976. – Т. 10 : Нахимсон – Пергам. – 1967. – 534 с.
25. Толковый словарь русской разговорной речи : в 5 вып. / Рос. акад. наук, Ин-т рус. яз. им. В. В. Виноградова; М. Я. Гловинская [и др.], отв. ред. Л. П. Крысин. – М. : Языки славян. культ., 2014–2022.
26. Тлумачальны слоўнік беларускай літаратурнай мовы : у 2 т. / Нац. акад. навук Бел., Ін-т мовазн. імя Я. Коласа; І. Л. Капылюў [і інш.]. – Мінск : Беларусь, 2022. – Т. 2 : Н–Я. – 483 с.
27. Дубровін, Ц. А. Хуткія фразы: новыя магчымасці для зносін / Ц. А. Дубровін, навук. кір. К. М. Міцкевіч // Язык – Общество – Культура [Электрон. ресурс]: сб. материалов Междунар. студ. науч.-практ. конф. в рамках 20-й Междунар. науч.-техн. конф. БНТУ «Наука – образованию, производству и экономике», 28 апр. 2022 г. / Белорус. нац. техн. ун-т; редкол.: И. В. Будько [и др.] ; сост. Е. Ю. Казимирчик. – Минск : БНТУ, 2022. – С. 146–149.

Паступіў у рэдакцыю 01.07.2024 г.

Кантакты: kattka_84@mail.ru (Ганчарэнка Кацярына Дзмітрыеўна)

Hancharenka K. D. MODERNIZATION OF THE LEXIS OF THE PLAY «DUCK HUNTING» by A. V. VAMPILOV IN THE PERFORMANCE «HUNTING YOURSELF»

The article examines lexemes and expressions with the help of which A. V. Vampilov's play «Duck Hunting» was modernized in the performance «Hunting Yourself» by the Republican Theater of Belarusian Drama. Voiced dialogues of characters in Belarusian, Russian and «Trasyanka» are analyzed. In the primary and derivative texts, comparable cues are highlighted, where units of neutral and colloquial vocabulary are replaced by words and expressions that indicate modern reality. Lexemes (mostly onyms) that emphasize the transfer of the action place to Belarus are also studied. References to cultural and historical realities in the texts are noted.

Keywords: drama, translation, Russian language, Belarusian language, neologisms, jargon, cultural and historical realities.

УДК 008+159.922.4

НАЦИОНАЛЬНЫЙ ХАРАКТЕР КАК НАУЧНАЯ КАТЕГОРИЯ: ДЕФИНИЦИЯ, ХАРАКТЕРИСТИКИ, МЕЖДИСЦИПЛИНАРНАЯ СПЕЦИФИКА

Чжан Сюнь

аспирант кафедры теоретического и славянского литературоведения
Белорусский государственный университет

Статья посвящена изучению специфики и функционирования понятия «национальный характер». Большой интерес представляет состав понятия и его структура. Мы говорим о «национальном характере» как научной категории. В статье рассматриваются структура и наиболее существенные источники изучения стереотипных представлений о национальном характере. Представлены подходы к описанию понятия с точки зрения ряда социогуманитарных наук (философия, социология, психология, история, литературоведение).

Ключевые слова: национальный характер, социогуманитарные науки, междисциплинарная специфика, структура «национального характера».

Введение

Вопрос состава понятия «национальный характер» интересует ученых-антропологов уже многие десятилетия, но и на сегодняшний день он остается открытым. «Наблюдение, что народы различны, – общее место. Но без ответа остается вопрос: действительно ли эти различия являются национальными различиями, то есть характеристиками национальной популяции как целого? Являются ли эти характеристики специфическими для нации, то есть различаются ли они от одной нации к другой?» [1] – так в шестидесятом году XX в. антропологи Х. Дайкер и Н. Фрейда описывают сложившуюся вокруг этого понятия ситуацию.

Основная часть

Результаты многочисленных исследований в этой сфере позволили достичь серьезных успехов и пролить свет на различия в поведении и мышлении людей из разных культур. Например, удалось выявить определенные регулярности в стиле мышления, свойственные конкретным этническим сообществам. Это подтвердило, что наше восприятие окружающего мира и реакции на него во многом обусловлены культурными факторами, а также

способствовало более глубокому объяснению исторических процессов, социальной динамики и специфики коммуникации между представителями разных этносов. Понятие «национальный характер» изучается с позиций философии (С. М. Арутюнян, Э. А. Баграмов, Н. Джандильдин, Ф. Х. Кессиди) [2–5], социологии (К. Касьянова, П. И. Смирнов, З. В. Сикевич) [6; 7; 8], психологии (Ю. П. Платонов) [9], истории и этнографии (Ю. В. Бромлей, А. М. Черныш) [10; 11] и журналистики (Д. Ольшанский) [12]. Круг толкований и структурных компонентов данного понятия столь широк, что его систематизация затруднена.

Актуальность темы определяется тем, что состав понятий, связанных с «национальным характером», до сих пор окончательно не зафиксирован. В научных дисциплинах социогуманитарного профиля «национальный характер» часто трактуется как ментальность, культурные особенности и привычные поведенческие паттерны, по которым можно отличать один народ от другого [13, с. 32]. В данном определении делается акцент на том, что специфичные черты и поведенческие нормы есть у любого этноса.

Цель настоящей работы – охарактеризовать понятие «национальный характер» и выявить его особенности как междисциплинарного феномена.

В качестве материала для исследования были использованы труды лингвистов, политологов, социологов, психологов, этнографов и философов, посвященные анализу национального характера.

В разных областях гуманитарного знания существует широкий спектр толкований данного термина.

1. В философии:

– «это отражение в психике представителей нации особенностей исторической среды, в которой она формировалась, а также совокупность индивидуальных черт духовного облика народа, проявляющихся в типичных

формах поведения и восприятия окружающей действительности» [3];

- «это комплекс тех психологических отличий, которые в той или иной степени характерны для определенной социально-этнической общности в конкретных культурных, экономических и природных условиях» [4];

- «это уникальное сочетание характерных черт данной нации, а также свойств ее психического склада и специфических способов мышления» [5].

2. В социологии:

- «это составляющая народного самосознания; в ее основе лежит определенный набор идей или предметов, которые насыщены сильными эмоциями и чувствами у каждого носителя» [6];

- «психофизиологическая специфика нации, вытекающая из ее генетических особенностей; сочетание биологических и социальных начал» [7];

- «это ключ к национальному самосознанию, который не передается по наследству, а приобретает в процессе воспитания» [8].

3. В психологии:

- «исторически сформировавшийся набор устойчивых психологических качеств, характеризующих представителей этнической группы и определяющих типичные способы их поведения и реакции» [9].

4. В истории и этнографии:

- «это культурная общность членов этноса, тесно связанная с их типичными психическими качествами» [10];

- «наследуемая из поколения в поколение комплексная совокупность свойств, лишь частично имеющих генетическую природу, но главным образом – социопсихологическую, социальную и духовную, нашедших выражение в поведении, мировоззрении и культуре народа» [11].

5. С точки зрения журналистики:

- «совокупность определенных, чаще всего встречающихся у данной национальности способов восприятия действительности и предполагаемых реакций на происходящее» [12]. В рамках определения указываются такие элементы, как «национальный темперамент (иногда неверно отождествляемый с национальным характером), эмоциональность, чувства, предрассудки, традиции и привычки, система ценностей, потребности и вкусы» [12].

Проанализировав имеющиеся подходы к определению, можно заметить, что одной из самых емких трактовок является версия Р. Б.

Мункуевой, согласно которой «национальный характер – это комплекс проявлений устойчивых особенностей, присущих членам конкретного национального (этнического) сообщества, отражающий их специфические психологические и социальные качества, а также совокупность эмоционально-чувственных паттернов, находящихся выражение в ментальности, культуре и психологии данного народа или этноса» [13, с. 33].

В рамках данной работы «национальный характер» предлагается понимать не как нечто цельное, а как совокупность национальных черт, которые стабильно сохраняются и легко распознаются у значительной части представителей той или иной нации.

На формирование национального характера оказывают влияние различные факторы, которые условно можно разделить на две группы:

1. Внутренние факторы, связанные с историей, культурой, религиозными представлениями, языком, экономическим укладом и социальной организацией внутри нации.

2. Внешние факторы, детерминируемые природно-географическими условиями проживания народа, а также характером отношений с другими этническими группами и странами.

Национальный характер – это многоуровневое явление, которое отражается в различных аспектах жизни общества.

По мнению психолога Р. Б. Мункуевой, структура национального характера охватывает следующие компоненты:

- особенности темперамента;
- типичные проявления эмоций и чувств;
- национальные предрассудки;
- укоренившиеся привычки, традиции и стереотипы;
- характерные формы поведения;
- ценностные приоритеты;
- потребности и вкусы;
- ритуалы.

Таким образом, под национальным характером в первую очередь понимается совокупность моральных (социокультурных) норм [13, с. 34]. Эта модель убеждает нас в необходимости начинать анализ национального характера с изучения культуры и менталитета конкретного этноса.

Следует отметить, что национальный характер не сводится к простой сумме часто встречающихся у представителей определенной этнической общности индивидуальных

свойств. Унікальність кроється не в самих чертах, а в їх організації. Поэтому неправильно утверждать, что те или иные качества присущи только одному конкретному народу. Важнее учитывать степень выраженности той или иной черты, а также особенности ее проявления.

Методологические основы научного изучения национального характера были заложены во второй половине XVIII в. британским философом Дэвидом Юмом в его работе «Национальные характеры» (Лондон, 1770). Исследователь указывал, что «каждый народ отличается свойственной ему манерой поведения и конкретными качествами, которые встречаются у него чаще, чем у соседних народов» [13, с. 34].

На современном этапе в социогуманитарных науках нет единой точки зрения на механизмы формирования и особенности национального характера. Существуют подходы, акцентирующие первичность территориально-географических условий, и те, которые ставят во главу угла социальные факторы. При проработке понятия «национальный характер» также важно учитывать исторические события, оказавшие влияние на типичные модели поведения конкретного народа. Общие черты, равно как и различия в национальных характерах, могут определяться спецификой исторической эпохи.

В эмпирических исследованиях по психологии и социологии, посвященных национальному характеру, часто применяют психологическое тестирование, сравнительный метод, наблюдение, описание и другие методики.

Многие ученые обращают внимание на необходимость учитывать феномен стереотипизации национальных черт. Так, П. И. Смирнов отмечает: «Национальный характер – это форма выражения национальной идентичности» [7, с. 105]. Изучению этностереотипов посвятили свои работы С. М. Арутюнян и С. Г. Тер-Минасова. Источником для анализа стереотипных представлений о национальном характере служат разнородные материалы [см. подробнее: 2], среди которых особенно значимы:

- «научные публикации;
- особенности национального языка;
- международные анекдоты;
- художественная литература;
- путевые заметки;
- фольклор» [2; 14].

Научные публикации занимают важное

место в изучении национального характера. Представители антропологии, этнологии и философии также активно изучают этот феномен, разрабатывая методологический базис и вводя в оборот дополнительные термины, облегчающие описание феномена «национальный характер». К таким понятиям, например, относятся «основная личностная структура (basic personality structure)» А. Кардинера [15], «модальная личность (modal personality)» Кори дю Буа [16], «психический склад нации» С. М. Арутюняна [2] и др. Эти категории подтверждают реальность национального стереотипа и помогают понять логику его формирования.

Особое значение имеют экспедиционные исследования, описывающие конкретные особенности психологического склада определенных народов [17; 1]. В этих работах фиксируются представления о том, какими качествами обладают представители конкретного этноса. Большой вклад в изучение национального характера вносят труды этнологов. Интерес представляют и дореволюционные исследования русских ученых, рассматривавших традиции и быт различных этносов, населявших Российскую империю. Можно отметить и американского этнолога Г. Смита, автора книги «The Russians» («Русские») [18]. Подобные работы дают качественные оценочные характеристики национальных черт, но, как правило, их субъективность ниже, чем в путевых заметках обычных путешественников.

Нельзя обойти вниманием и труд русского психолога Ю. П. Платонова «Основы этнической психологии» [19], где в предисловии автор подчеркивает: «Психологические различия народов можно объяснить с учетом влияния этнокультурных переменных и некоторых биологических факторов» [19, с. 6].

Национальный язык также служит важным каналом для выявления черт национального характера и этностереотипов, что является предметом особой лингвистической дисциплины – этнолингвистики. Языковая картина мира каждого народа обладает уникальностью. Слова и выражения, отражающие реальность, закрепляются в языке по-своему у каждого этноса. Так, к словосочетаниям со словом «русский» в стереотипном восприятии часто относят «разгильдяйство, бесшабашность, бездорожье», но наряду с этим – «хлебосольство, удаль, русскую щедрость».

Международные анекдоты тоже могут быть источником сведений о национальном

характере, так как они демонстрируют типичный для разных народов способ реагирования на одну и ту же ситуацию. В российской культуре, например, сложился образ англичанина как сдержанного и пунктуального, немца – как аккуратного и дисциплинированного, француза – как любителя вина и женского общества, эстонца – как медлительного в реакциях и поступках, а самого себя русский часто рисует как бесстрашного, находчивого и склонного к злоупотреблению спиртным.

Художественная литература – еще один ценнейший источник, помогающий выявить аспекты национального характера. Если расширить подход, то не только литература, но и живопись, кинематограф, СМИ как продукты культуры могут служить материалом для подобных исследований. Культурологический анализ подразумевает, что исследователь обращается к мировоззрению представителей этнической элиты, которая в своих произведениях выражает черты национального характера.

Наряду с этим весьма интересны путевые заметки, где путешественники делятся своими впечатлениями о конкретном народе и его особенностях. Писатель и публицист В. Л. Кигн (известен под псевдонимом Дедлов) в ходе своих поездок по России уделял особое внимание анализу русского национального характера. «Основой взглядов В. Л. Дедлова на русский национальный характер стали его обширные познания в русской и мировой культуре и наблюдения, накопленные в ходе поездок по Европе, Средней Азии и Северной Африке» [20]. Результатом стали его книги «Вокруг России: портреты и пейзажи» (1895), «Панорама Сибири» (1900) и др. «В собственных очерках автор пытается осмыслить особенности русского народа и его культуры. Он нередко высказывает субъективные суждения, однако нельзя не признать его желание поделиться наблюдениями, которые отличаются глубиной и проницательностью» [20].

Фольклор, представляющий собой анонимное и коллективное творчество, выступает не менее важным источником для выявления черт национального характера. В отличие от авторских художественных произведений, фольклор гораздо сильнее отражает коллективные представления народа о самом себе.

Вопрос о том, как фольклор соотносится с национальным характером, решается просто: общие мотивы и типизация. Например, в эпических произведениях мы встречаем героя

– собирательный образ силы, ума и красоты, готового прийти на выручку и защитить народ. Ему помогают волшебные помощники (конь, меч и т.д.), а он олицетворяет лучшие черты национального характера: смелость, мужество, способность к жертвенности.

Заключение

Таким образом, методов, теорий и критериев исследования «национального характера» существует довольно много. Его изучение ведется в рамках самых разных дисциплин: психологии, философии, политологии, социологии, истории и этнографии, журналистики, литературоведения и фольклористики.

Если объединить имеющиеся научные определения, а также опираться на наиболее развернутую трактовку, предложенную Р. Б. Мункеуевой, становится ясно, что структура национального характера представляет собой целостную систему установок и стереотипов, сформированных под влиянием культурных паттернов и отношения к миру.

Национальный характер демонстрирует неповторимое сочетание общечеловеческих качеств в конкретном этносе. Именно поэтому столь большую ценность для исследователей представляют язык, литература и фольклор, в которых национальные особенности находят свое наиболее яркое выражение.

Важно подчеркнуть, что термин «национальный характер» активно используется в самых разных социогуманитарных дисциплинах. Сходство в определениях указывает на его междисциплинарную природу, а возникновение некоторых различий, связанных с профилем конкретной науки, где он рассматривается, говорит о том, что однозначной трактовки достичь весьма непросто.

СПИСОК ИСПОЛЬЗОВАННЫХ ИСТОЧНИКОВ

1. *Duijker, H. C. J.* National Character and National Stereotypes: Confluence / H. C. J. Duijker, N. H. Frijda. – Amsterdam : North-Holl Publishing Co. – 1960. – 214 p.
2. *Арутюнян, С. М.* Нация и психический склад / С. М. Арутюнян. – Краснодар : Краснодарский пед. институт, 1966. – 271 с.
3. *Баграмов, Э. А.* Национальный вопрос и буржуазная идеология / Э. А. Баграмов. – М. : Мысль, 1966. – 327 с.
4. *Джандильдин, Н.* Природа национальной психологии / Н. Джандильдин. – Алма-Ата : Казахстан, 1971. – 122 с.

5. **Кессиди, Ф. Х.** К проблеме национального характера / Ф. Х. Кессиди // Философская и социологическая мысль. – 1992. – № 6. – С. 30–40.
6. **Касьянова, К.** О русском национальном характере / К. Касьянова. – М. : Екатеринбург, 2003. – 558 с.
7. **Смирнов, П. И.** Социология личности : учебное пособие / П. И. Смирнов. – СПб. : Социологическое общество им. М. М. Ковалевского, 2001. – 380 с.
8. **Сикевич, З. В.** Национальное самосознание русских (социологический очерк) / З. В. Сикевич. – М. : Механик, 1996. – 208 с.
9. **Платонов, Ю. П.** Основы этнической психологии / Ю. П. Платонов. – СПб. : Речь, 2003. – 464 с.
10. **Бромлей, Ю. В.** Человечество – это народы / Ю. В. Бромлей, Р. Г. Подольный. – М. : Мысль, 1990. – 391 с.
11. **Черныш, А. М.** Войти в душу народную / А. М. Черныш // Отечественная мысль XIX–XX веков о характере русского народа. – М. : Аспект Пресс, 2011. – С. 29.
12. **Ольшанский, Д.** Основы политической психологии / Д. Ольшанский. – Екатеринбург : Деловая книга, 2001. – 496 с.
13. **Мункуева, Р. Б.** Понятие национального характера / Р. Б. Мункуева, Ю. А. Серебрякова // Вестник БГУ. – 2018. – № 3. – С. 32–37.
14. **Тер-Минасова, С. Г.** Язык и международная коммуникация / С. Г. Тер-Минасова. – М. : Слово, 2000. – 345 с.
15. **Kardiner, A.** The Individual and his Society / A. Kardiner, R. Linton. – N.Y. : Columbia Univ. Press, 1945. – 283 p.
16. **DuBois, C.** The People of Alor / C. DuBois. – Cambridge Mass : Harvard Univ. Press, 1944. – 132 p.
17. **Kottak, C. Ph.** Cultural Anthropology / C. Ph. Kottak. – N.Y. : Random House, 1982. – 229 p.
18. **Smith, H.** The Russians / H. Smith. – N.Y. : Ballantine, 1977. – 706 p.
19. **Платонов, Ю. П.** Основы этнической психологии / Ю. П. Платонов. – СПб. : Речь, 2003. – 464 с.
20. **Курина, Т. А.** Путевые заметки В. Л. Кигна-Дедлова: опыт познания русского национального характера и особенностей русской культуры / Т. А. Курина // Филологическая регионалистика. – 2010. – № 1-2. [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://cyberleninka.ru/article/n/putevye-zametki-v-l-kigna-dedlova-opyt-poznaniya-russkogo-natsionalnogo-haraktera-i-osobennostey-russkoy-kultury>. – Дата доступа: 25.10.2023.

Поступила в редакцию 29.12.2024 г.

Контакты: ddsxsmjt@163.com (Чжань Сюнь)

Zhang Xun NATIONAL CHARACTER AS A SCIENTIFIC CATEGORY: DEFINITION, CHARACTERISTICS, INTERDISCIPLINARY SPECIFICITY

The article is devoted to the study of the specifics and functioning of the concept of “national character”. The composition of the concept and its structure are of great interest. The author deals with “national character” as a scientific category. The article examines the structure and most significant sources of studying stereotypical ideas about national character. From the point of view of a number of socio-humanitarian sciences (philosophy, sociology, psychology, history, literary criticism) approaches to describing the concept are presented.

Keywords: national character, socio-humanities, interdisciplinary specifics, structure of “national character”.

Пераклад тэкстаў рэфератаў артыкулаў
на англійскую мову
Я. В. Рубанава

Тэхнічны рэдактар *А. Р. Роскач*
Камп'ютарны набор і вёрстка *В. Г. Молакава*
Карэктар *Г. В. Карпянкова*

Падпісана да друку 01.04.2025 г.
Фармат 70x108¹/₁₆. Гарнітура Times New Roman.
Ум.-друк. арк. 10,2. Ул.-выд. арк. 12,6. Тыраж 40 экз. Заказ № 1359.

Установа адукацыі “Магілёўскі дзяржаўны ўніверсітэт
імя А. А. Куляшова”, 212022, Магілёў, вул. Касманаўтаў, 1.
Пасведчанне аб дзяржаўнай рэгістрацыі выдаўца, вытворцы,
распаўсюджвальніка друкаваных выданняў № 1/131 ад 03.01.2014 г.

Унітарнае паліграфічнае камунальнае прадпрыемства
“Магілёўская абласная ўзбуйненая друкарня імя С. Собаля”
ЛП № 02330/23 ад 30.12.2013 г.
вул. Першамайская, 70, 212030, г. Магілёў